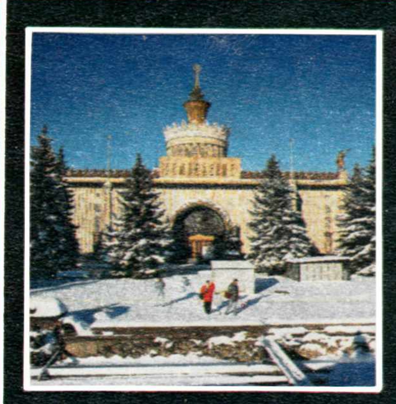
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1989

ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ ИЛИ ЯРМАРКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ПОД ПЯТОЙ КОНЪЮНКТУРЩИНЫ

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

ДОКТОР КАСЬЯН: ГОЛОСУЙТЕ ЗА МИЛОСЕРДИЕ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (3214)

25 ФЕВРАЛЯ — 4 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Заслуженный врач УССР Николай Андреевич Касьян выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР от Советского фонда милосердия и здоровья.
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 06.02.89. Подписано к печати 21.02.89. А 08821. Формат $70\times108\,^{1}/_{8}$. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 144. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Еще далеко до рассвета, а прошиб уже седьмой пот...

Прямое включение.

Нескончаемый поток страждущих.

СКОЛЬКО ЖДАТЬ СТРАЖДУЩИМ?

Трудно складывалась судьба Николая Андреевича Касьяна. Его подвергали преследованиям, мучили бесчисленными комиссиями, пугали тюрьмой, выражали недоверие его методам, шельмовали. Печать неоднократно писала о феномене Касьяна, отстаивала его. Несколько раз выступал и «Огонек» в защиту Николая Андреевича. Публикации «Тринадцать секунд — и вся жизнь» (№ 27 за 1987 год) и «Как же попасть к Касьяну?» (№ 50 за 1987 год) вызвали лавину писем. Люди просили о помощи и сами предлагали помощь, требовали официального признания методов целителя и его права беспрепятственно врачевать, предлагали соорудить центр мануальной терапии в Кобеляках.

Недавно стало известно: доктор Касьян выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР от Советского фонда милосердия и здоровья. Более точного попадания «в десятку» при выдвижении трудно и представить: милосердие и Касьян неразделимы.

Председатель Советского фонда милосердия и здоровья Святослав Федоров зарегистрирован кандидатом в депутаты от КПСС, врач Николай Касьян от Фонда милосердия и здоровья. Сегодня они встретились впервые, но платформа — творить добро — едина давно.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ПРОГРАММА НИКОЛАЯ КАСЬЯНА

Я очень признателен тем, кто выдвинул меня в кандидаты, а значит, поверил мне и как врачу, и как человеку. Скажу прямо: я не ожидал, что мне окажут такую честь. Но депутатский мандат, если он мне будет вручен, постараюсь отработать на совесть. Какие принципы я исповедую? Прежде всего помогать людям добротой, надеяться на их ответное милосердие. На моей основной работе в Лещиновском доме-интернате (костоправ я во внеслужебное время) вижу много горя. Нет ничего страшнее, чем видеть, как взрослые, самостоятельные, хорошо обеспеченные дети привозят старушку мать, сдают с рук на руки чужим людям и больше к ней даже носа не кажут. Это бесчеловечно...

В жизни сложилось так, что приходилось много видеть страданий. Отец мой Андрей Иванович был признанным народным лекарем — костоправом. Калеки, страдальцы, обездоленные судьбой длинной чередой проходили перед нашим домом, сколько я себя помню. В дальнейшем судьба врача привела меня на работу в интернат для инвалидов и престарелых, к тому же страдающих психическими расстройствами. То были нелегкие годы... Жизнь жестока, и не предугадаешь тех изломов судьбы, которые она тебе готовит,— ведь сам едва вырвался из лап смерти. После службы в армии я заболел жесточайшим туберкулезом. Врачи меня уже списали. И только мать, спасибо ей за ее материнское сердце, не опустила рук. Она нашла одну старушку, и та отварами, настойками, а главное, пожалуй, добротой своей и участием не только отогнала болезнь и поставила меня на ноги, но дала возможность впоследствии трудиться по пятнадцать, восемнадцать, а если надо, то и по двадцать часов в сутки. Этим я не хочу бравировать: вот, мол, какой нашелся герой. Просто я не могу без людей.

За день я принимаю множество больных. Но что значит несколько сотен в день, если страждущих тысячи и тысячи. Мы вели запись больных, и в течение нескольких месяцев очередь выросла так, что пришлось записывать людей уже на 1995 год. Разве может столько ждать страдающий человек? К тому же и эту запись мы вынуждены были прекратить, иначе бы стали выдавать больным почти несбыточные обещания... Если б вы знали, как тяжело отказывать человеку страдающему, а главное, которому в состоянии помочь в его болезни, но не можешь этого сделать физически.

Первоочередная моя задача: добиться создания центра мануальной терапии в Кобеляках. Я благодарен Евгению Ивановичу Чазову за то, что благодаря вмешательству Министерства здравоохранения вопрос уже сдвинулся с мертвой точки. Сейчас разрабатывается проект и выделены первые сотни тысяч рублей. Обещают, что года через три мы будем иметь стационар на 120 коек, сможем принимать амбулаторно до 250 человек в день. А главное, на базе этого центра появится возможность вести подготовку врачей-мануалистов так, как положено. Сейчас это дело поставлено крайне формально. Люди на стажировку попадают случайные, порой малоодаренные, равнодушные к своей профессии. Не следует забывать: талант, способности — дело не последнее. У меня побывало не менее шестисот врачей, а по-настоящему талантливых в нашем деле смог бы назвать не более шести. А ведь центр в Кобеляках, пусть он даже возникнет в ближайшие годы, не решит проблем всей страны. Я убежден, что подобные медицинские учреждения необходимо развивать в каждой области. Это — дело государственное. Думаю, депутатские права помогут достучаться в двери, которые пока остаются недосягаемыми.

Есть еще один важный плюс в пользу центров мануальной терапии. Терапия эта исключительно гуманная. Традиционные методы исцеления подобных заболеваний крайне болезненны. Больным предлагают операции на позвоночнике, после которых здоровье в какой-то степени возвращается, но человек все-таки становится инвалидом. От всех операций отказаться нельзя. Но можно отказаться от большинства из них. Конечно, в том лишь случае, если в стране будет достаточно подготовлено способных врачей-костоправов.

Не надо думать, что я ретроград, противник современной медицины, связанных с ней операций и препаратов. Нет, таблетки тоже необходимы. Но опять же — значительно реже, чем мы их употребляем. Есть немало народных лекарей, травников, знатоков особых методов лечения, известных, может быть, только этим людям и наследованных еще от бабок и прабабок. Почти все эти лекари и поныне находятся на нелегальном и полулегальном положении. Их обвиняют во всех грехах: в шарлатанстве, вымогательстве, в чем угодно. К ним самое пристальное внимание со стороны всех контролирующих, инспектирующих и запрещающих органов. Единственно, чего им не хватает,— это внимания со стороны ученых, официальной медицины. Моя цель — добиться прав гражданства для народной медицины, нетрадиционных, как их называют, методов лечения. Мечтаю о создании центра народной медицины, а может быть, и отделения народной медицины при Академии медицинских наук. Вот одна из моих будущих первоочередных депутатских задач.

Человеческим участием, сострадательностью, милосердием держится мир.

МОДНОЕ НЫНЧЕ СЛОВО «МЕНЕДЖЕР» — В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНИ НЕОЛОГИЗМ, ПРОДУКТ НАЧАВШЕЙСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ. ЗАИМСТВОВАННОЕ НА ЗАПАДЕ, ОНО БУКВАЛЬНО ПЕРЕВОДИТСЯ КАК ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, УПРАВЛЯЮЩИЙ. ВЫХОДИТ, НЕДАВНО ОТКРЫВШИЙСЯ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ ПРИ МОСКОВСКОМ ИНСТИТУТЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ИМЕНИ ПЛЕХАНОВА ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ВЫПУСКА СПЕЦИАЛИСТОВ ИМЕННО ПОДОБНОГО ПРОФИЛЯ. НО ТОГДА ВОЗНИКАЕТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС: А ЧТО, РАНЬШЕ ПРАКТИКА РУКОВОДСТВА У НАС НЕ ИЗУЧАЛАСЬ, НЕ ВЫРАБАТЫВАЛИСЬ ТРЕБОВАНИЯ К КОМАНДИРАМ ПРОИЗВОДСТВА И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

ТАКОЙ ПРОСТОЙ И СЛОЖНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ!

— Постараюсь ответить на эти вопросы,— сказал доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики АН СССР Борис МИЛЬНЕР, много лет изучающий советское управление и менеджмент в капиталистических странах в беседе с корреспондентом «Огонька» Татьяной ГАЛЮК.

— Перевод переводом,— продолжает Борис Захарович,— но «менеджер» означает именно деловой руководитель, управленец. Не случайно на Западе школы, которые готовят менеджеров, называются школами деловой администрации, или школами бизнеса.

А какой образ руководителя вылепила за десятилетия наша командно-приказная система управления? Больше всего ценились те качества, благодаря которым он вписывался в ее иерархию. Прежде всего она не нуждалась в тех (и не было необходимости в их подготовке), кто мог самостоятельно анализировать ситуацию, принимать решения, договариваться с контрагентами, определять альтернативные варианты, связанные с выгодностью того или иного решения.

Системе нужен был руководитель-робот, любой ценой выполняющий заданный план, который им не разрабатывался, привнесенный ему сверху. Под этот план он получал фонды на ресурсы. Ему не нужно было искать поставщиков. Под этот план он получал перечень предприятий, которым надо отправить продукцию в таком-то квартале. Ему не надо было рыскать по рынку. За него решали, что нужно потребителю, имея в виду, что даже сам потребитель не дорос до того, чтобы понять, что ему необходимо. А если он и хотел поощрить кого-то, он тоже не мог это сделать, потому что был зажат в «тиски» строгих лимитов. Всякая незапланированная инициатива была недопустима.

К счастью, сегодня картина меняется. В условиях хозрасчета повышается самостоятельность руководителей, и именно она в определенной степени явилась импульсом для обращения к практике менеджмента.

— Будучи руководителем абсолютно нового типа, менеджер, очевидно, должен исповедовать и совершенно новые, если так можно выразиться, экономические идеалы. Какие из них наиболее характерны для сегодняшнего перестроечного процесса?

— У нас в позапрошлом году объем оптовой торговли составил 10 миллиардов рублей. В прошлом — 40 миллиардов. Как обещал Госснаб, в нынешнем мы будем иметь 115 миллиардов рублей. Это уже довольно существенный удельный вес. Предполагается, что к 1991 году оптовая торговля станет у нас господствующей формой распределения ресурсов. Этим будут заниматься хозрасчетные посредники в виде территориальных органов Госснаба.

Дело идет к формированию социалистического рынка. И на него должен выходить менеджер. Он должен искать потребителя. Он должен следить за динамикой потребительского спроса, изменениями его потребности. Именно благодаря этому формируется динамика производства. Менеджер — это тот человек, который должен осуществить переход от диктатуры производителя к диктатуре потребителя. Но это только начало. Далее, менеджер должен быть полностью ориентирован по поводу того, какие цены складываются на рынке, где нужно ему искать выгоду, чтобы с минимальными затратами добиться лучшего результата. А самое главное, он самостоятельно должен принимать решения. Ведь велик соблазн, когда стоишь перед необходимостью принятия ответственного решения, снять трубку, позвонить в главк и спросить: можно или нельзя.

Конечно, изучать социалистический рынок возможно при условии, если он существует. А жизнеспособность его заложена в социалистической конкуренции, которая на сегодня находится в виде в основном наших благих пожеланий.

Но за нею будущее. Размещая предприятия, формируя их профиль или перепрофилируя, обеспечивая их специализацию и кооперирование, и даже через политику цен, налогов мы должны создавать условия для ликвидации монополизма, чтобы развивалась не мифическая, а реальная конкуренция.

Это обстоятельство требует руководителя нового типа.

— Признаться, устали от разговоров о раздутом управленческом аппарате. Ведь у нас, по последним

подсчетам, управленцев почти восемнадцать миллионов человек. А менеджеры? Выходит, они пополнят армию «белых воротничков»?

— Давайте и здесь разберемся по существу. Из 18 миллионов управленцев у нас 2 — работники органов государственного управления. В министерствах их насчитывается примерно 200 тысяч. Остальные 16 миллионов — это те, кто служит на предприятиях, в объединениях и в хозяйственных организациях.

Проанализируем, кто из этих 16 миллионов человек собственно менеджеры? Те, к которым следует отнести директоров, начальников различных рангов, управляющих, заведующих и мастеров. Под менеджером понимается человек, у которого есть подчиненные. Если у вас хоть один подчиненный, вы уже менеджер. Таких людей, у которых есть подчиненные на предприятиях и в организациях,— 5 252 тысячи. Остальные — инженерно-технические работники, экономисты, счетно-бухгалтерский и канцелярский персонал. Есть еще одна категория — работники по обслуживанию управленческого персонала: коменданты, охрана, курьеры, лифтеры, уборщицы...

При этом просматриваются парадоксальные пропорции. Численность счетно-бухгалтерского персонала, то есть тех, кто учитывает только, что сделано другими, примерно в три раза больше, чем численность экономистов, столько же, сколько и инженерно-технических работников предприятий и объединений. Численность работников по обслуживанию: коменданты, охрана, курьеры, больше, чем инженерно-технических работников в 1,6 раза, больше, чем экономистов в 5 раз. Тех, кто сопровождает бумажный поток, убирает помещение, охраняет материалы и продукцию,— насчитывается 7 134 тысячи человек. То есть больше руководителей в 1,3 раза, больше инженерно-технических работников почти в три раза и больше экономистов в 8 раз.

Франц Кафка сказал: «Оковы страждущего человечества сотканы из канцелярской бумаги».

У нас в стране сейчас ежегодно в обороте находится 100 миллиардов документов. Из них — 5 миллиардов накладных, 4 миллиарда нарядов внутри предприятий. На эти 100 миллиардов документов мы затрачиваем 600 миллионов человеко-часов работы персонала.

Цифры, простите за их обилие, которые свидетельствуют, что мы не продвигаемся вперед в решении многих задач.

Значит, нам надо менять причины, а не следствия? Ведь самое простое сказать: давайте сократим бухгалтеров. Тогда у нас пострадает учет. Аналогичное произойдет и с тем же канцелярским персоналом, количество которого свидетельствует, что у нас огромная переписка, огромный бумажный поток.

Да, нашу уродливую структуру управленческого аппарата надо выправлять.

Насчет переписки добавлю один пример. Американцы в течение многих лет подсчитывали, сколько стоит деловое письмо. Поэлементно разбив и изучив всю технологию его прохождения, включая бумагу, транспортировку и даже время для подготовки ответа на него, пришли к выводу, что это дорогое удовольствие: где-то сейчас его стоимость около шести долларов.

Знаю фирмы, которые решили полностью ликвидировать деловую переписку внутри своих подразделений. Они считают, что лучше платить миллионы долларов в год за телефонные переговоры, чем тратить средства на бумагу. У нас, по-моему, не занимались анализом подобного. В сущности, мы до сих пор почти не занимались собственно процессами управления.

— Борис Захарович, можно ли понимать так, что менеджер, появившись в административно-хозяйственной системе, начнет ее разрушать? Вообще, какие условия создает сам факт существования менеджера?

— Мы говорим, что наша реформа стоит на двух ногах. Одна — это хозяйственный механизм, другая — демократизация, человеческий фактор. Вот менеджер, и там, и там. Он детище демократизации. Процессы демократизации имеют прямое отношение к методам работы самого менеджера: как он принимает решение, как вдохновляет людей на реализацию решений.

Но есть еще ряд обстоятельств, которые говорят о том, что менеджер играет немаловажную роль в управлении самими перестроечными процессами. Перестраиваясь, мы сталкиваемся со старыми порядками, стереотипами, нежеланием расставаться с устоявшимся прошлым. Лед должен растапливать менеджер. Он не просто субъект нового хозяйственного механизма, а локомотив перестройки. Он должен управлять и перестроечными процессами, переводить систему из старого состояния в новое.

Поэтому, когда говорим о человеческом факторе, мы должны иметь в виду, что все должно быть дифференцированно, должны быть определены роли. Ролевая функция в переходный период очень важна. Надо не только знать, как сломать старое, но и уметь сделать так, чтобы не вызывать социальной напряженности. Он должен быть и руководителем перестроечных процессов, и их катализатором. Это специфическая функция менеджера в период перестройки.

— А как определить вклад, долю менеджера в прибыли предприятия? Он тоже завязан на конечном продукте?

— Когда однажды в США мне в течение нескольких дней довелось наблюдать «изнутри» за деятельностью Майкла Блюменталя (бывшего президента «Бендикса», ныне председателя правления «Юнисис»), я, в частности, присутствовал на заседании исполкома корпорации, где обсуждался вопрос, нужно ли взять в штат коммерческого отдела двух менеджеров по маркетингу. Руководитель этого отдела просил расширить ему штатное расписание. Президент спросил: а на сколько будет увеличен объем продаж в связи с увеличением сотрудников отдела? Для решения вопроса требовались доказательства...

Если вообще говорить о вкладе управленца в конечные результаты,— это вопрос не простой. Так как результат зависит и от технического прогресса, квалификации рабочих, от состояния производственного аппарата, качества сырья и т. д. А каков же вклад? Здесь надо исходить совсем из другого. Потому что без менеджера вообще ничего нет. Менеджмент — выработка самой стратегии развития предприятия, оптимизация планов его развития, выбор наиболее выгодных путей и производства продукции, и отношений с потребителем... Это нечто такое, от чего зависит все. В одно и то же время можно обеспечить прибыльность или сплошные убытки.

По-моему, было бы правильнее не вычленять отдельно, каков удельный вес в достижении конечных результатов, а просто исходить из предпосылки, что без эффективного управления нет эффективного производства.

Досадно, что хозяйственная система, в которой мы в течение многих лет жили, ставила большие препоны для развертывания возможностей самих предприятий, их инициативы. Она постоянно упускала возможности. Это было заложено в самом ее механизме. Масса упущенных возможностей!

— Как вписывается в деятельность менеджера принцип «ты — мне, я — тебе»?

— В новых хозяйственных условиях мне предписано, что я должен выполнять по госзаказу. Все остальное, что я должен делать вне госзаказа,— это мои отношения с потребителем. Есть у вас лишний станок, сырье — имеете право его продать. Этого никогда не было!

Сегодня на предприятиях лежит в запасах товарно-материальных ценностей на сотни миллиардов рублей, это в определенной степени мертвый груз.

Если я не воспользуюсь положениями Закона о предприятии, то не будет никакого самофинансирования. По Закону я могу продать все, что не нужно данному производству. Так же я могу купить. Я продаю излишки, свои, которые осели в миллиардах. Должно быть то, что англичане называют «флоу» — свободное движение материальных ресурсов. А не их консервирование. Поэтому «ты — мне, я — тебе» — это и есть рынок, обмен ресурсами.

Другое дело, если я снимаю с действующей линии станок, нарушающий мне технологический процесс, и этот станок «загоняю»,— тогда меня надо судить. Но если у меня излишки, извините,— я хозяин, я комбинирую, я предприимчивый человек, я отвечаю за слово и дело. Одним словом, все, что не запрещено законом,— разрешено.

— На ваш взгляд, без каких качеств не может быть менеджера?

— Мы как-то привыкли к тому, что все время «исправляем ошибки». Это явление стало чуть ли не нормой, тенденцией, очередной задачей новых этапов. А вот почему «делаются ошибки»? Почему система управления на потоке «производит ошибки»? Почему это случается не раз, не два, не единично, а десятилетиями? Причин много — о них говорят и пишут сейчас. Но одна из главных, на которую, к сожалению, мало обращается внимания,— это некомпетентность, незнание основополагающих принципов и приемов управления.

Как показывает весь наш прошлый опыт, компетентность ничем не заменима. Она основа, условие и гарантия того, что ошибок, ущерба будет меньше. Кажется, Шатобриан сказал, что действие, которое не опирается на знания,— это преступление.

Слишком большую цену и страна в целом, и отдельные хозяйственные звенья уже заплатили за некомпетентность, за вопиющее невежество. Мы ловим и судим мелких воришек за кражу десятирублевой вещицы. Ну, а как же быть с многомиллиардным ущербом от необоснованного решения, принятого на основе субъективных представлений, ограниченных знаний, забуревших недемократических традиций и догматизма?

Некоторые и сегодня пытаются возвести в норму так называемый принцип «свежего взгляда», необремененности профессиональными знаниями и опытом, особенно в области экономической. Ни звания, ни степени, ни «надутые щеки» не восполняют пробел знаний и умений, если «регалии» получены по должности, под влиянием «высокого авторитета» или связей, что, к сожалению, стало весьма распространенным явлением в период волюнтаризма и застоя.

Отсюда и пустые лозунги, игра словами вместо обоснованного курса действий, невежественные трактовки вместо глубокого анализа и взвешенных суждений, субъективные решения вместо независимой экспертизы, квазигосударственный подход к постановке невыполнимых или ненужных задач. «Экономика должна быть экономной» — не это ли апофеоз бездумности, возведенной в общенародную задачу?

Еще одна громадная проблема — честность в управлении. Мы явились свидетелями огромного потока лжи. Нечестный управленец всегда ждет, отбирает ту информацию, которая свидетельствует, что он успешно работает, автоматически отсекая негатив. Это первый источник появления лжи, которая на пути к Госкомстату при каждом витке обрастает, как снежный ком. Появляется огромная всесоюзная ложь о темпах, вале, процентах и т. д.

Ложь не позволяет принимать правильные решения, создает имитацию деятельности.

Еще я бы выделил такое качество, как обязательность. Деловая жизнь несовместима с необязательностью; она сразу разрушается. Необязательность — самое убойное орудие для деловой жизни.

— Очевидно, сюда следует добавить и такое качество, как умение рисковать?

— Безусловно! Ведь постоянно повышается цена принимаемых решений. Технический прогресс требует крупных инвестиций, бросков. Мы чаще сегодня сталкиваемся с ситуациями, для которых характерно незнание последствий. Стандартные проблемы — скажем, сломалось оборудование, требуется ремонт — мы знаем, как решать. У нестандартных — высокая степень неопределенности. Но, с другой стороны, есть такое понятие, как «пробовать» рынок. На зарубежных книжных изданиях вы никогда не увидите указания тиража. Выпускают 10 книг, смотрят, как их будут раскупать.

Вспоминаются высказывания Джона Хамбля — автора пяти полушутливых постулатов, вмещающих, на мой взгляд, почти всю мудрость управления. Принципы Дж. Хамбля, который работает консультантом в одной международной консультативной фирме в Брюсселе, сформулированы с позиции подчиненного по отношению к руководителю.

Первое. Скажите мне, чего вы от меня ждете. То есть ясно, недвусмысленно изложите задачу, в противном случае таковым же будет ее исполнение.

Второе. Дайте мне возможность действовать. Если уж поставили передо мной цель — не мешайте, но дайте мне права.

Третье. Скажите, как идут мои дела? Я должен постоянно знать: приближаюсь я к цели или нет, на правильном ли я пути?

Четвертое. Помогите мне, если я в этом нуждаюсь. Если не нуждаюсь, то не нужно меня опекать, контролировать.

Пятое. Вознаградите меня сообразно моему вкладу. Принцип материального стимулирования, мотивации и т. п.

— В какой мере можно рассчитывать на то, что менеджеры вытащат цепь проблем, изобилующих сегодня на любом предприятии?

— Было бы, разумеется, наивно предполагать, что подготовленный по всем правилам науки менеджер автоматически обеспечит успешное решение всех задач. Мне известен случай, когда один старейший японский предприниматель завещал свою довольно крупную фирму сыну — профессору в области управления. После смерти отца сын вошел во владение фирмой, сразу же стал применять только научные методы принятия управленческих решений, и... фирма через три месяца «вылетела в трубу», обанкротилась.

Менеджеру неизменно приходится считаться с реальными противоречиями между экономической целесообразностью и социально-психологической обстановкой, между логичными моделями решений и нелинейностью хозяйственной жизни, между особенностями личности и теми требованиями, которые к ней предъявляются. Желаемое и действительное — вот две чаши весов, на которых взвешивает шансы менеджер, из которых он строит «баланс возможного».

Безусловно, менеджер — важное звено. Одно из решающих. Он может биться как рыба об лед, если от него по-прежнему будут требовать темпов, вала и прочего, с чем связан старый хозяйственный механизм. Опять это будет барахтанье за достижение хороших показателей при плохих результатах.

— И не исключена опасность того, что все, кого готовили, не смогут реализовать себя. Все зависит от того, насколько последовательно и широко мы внедрим новый хозяйственный механизм?

— Существует проблема компетент-

ных руководителей. Ведь у них должна быть микросреда, единомышленники на самих предприятиях. Представьте, они придут обученные, знающие — в старую среду и тут же столкнутся с низкой культурой производства, экономической безграмотностью окружающих. Безусловно, мы нуждаемся в экономическом всеобуче. Но главное, чтобы содержание и методы обучения не отставали от потребностей производства.

Одна любопытная деталь опыта западного. В последние годы обучать в школы бизнеса берут всю вертикаль, всю управленческую пирамиду одномоментно и сразу подводят к одинаковому уровню подготовленности, чтобы все могли общаться на одном языке. Отрадно, что у нас опыт такой пошел. Общество «Знание» уже дважды проводило курс: взяли всю вертикаль КамАЗа.

По аналогичной системе занимались со специалистами строящегося автозавода в Елабуге. В аудитории находились все соподчиненные звенья. Это любопытная вещь. Мне, как лектору, работать с ними было очень интересно.

— Борис Захарович, менеджмент на Западе существует давно. Как вы считаете, что у него надо перенять?

— Действительно, эволюция этой профессии имеет свою долгую историю. Например, в США первая школа бизнеса была организована в 1886 году. Первый учебник по управлению был опубликован в 1910 году.

Тем не менее в капиталистических странах нет единой концепции, «философии» менеджмента до сих пор.

Основные школы научного управления Тейлора, Файоля, Макгрегора, Мэйо и других с разных сторон подходили к формированию личности руководителя: и со стороны качества, и со стороны знаний, и по-разному их трактовали.

Считаю, что у них надо перенять (разумеется, не механически) организацию подготовки менеджеров как профессионалов. По каким критериям у нас выдвигается руководитель? Ну частично общественный деятель, ну частично технолог и инженер, ну частично хороший человек. Мы пока не готовим профессионалов, а даем всего понемногу, так сказать, для расширения кругозора. А нужно готовить профессионалов! Я уже не говорю о том, что в западных школах бизнеса в последние годы стали обязательными четыре предмета, на первый взгляд кажущиеся элементарными. Первый: умение правильно говорить, так, чтобы поняли подчиненные, без двусмысленностей в постановке задач, с учетом возраста, психологии, опыта, темперамента. Целая наука!

Второй: умение руководителя слушать собеседника. Ведь наши руководители не умеют слушать (болезнь административно-командной системы).

Третий: умение правильно писать. Избыток, недостаток информации, расплывчатость в деловой переписке чреваты последствиями.

Четвертый: правильно читать, быстро усваивать суть проблемы, правильно принимать решение.

У нас нет таких предметов: как вести себя с людьми, как правильно организовать совещание. А выясняется, например, что сообщение на совещании, которое длится более 20 минут, не вызывает интереса у слушателей. Заседание, проходящее более двух часов, неэффективно. Собрание, на котором произносятся пространные речи, неинтересно для присутствующих. Проблема, как организовать взаимодействие людей в процессе управления, чтобы оно было эффективно, чтобы не вызывало отвращения, не отторгало исполнителей?

Я, например, вижу необходимость в преподавании этики руководителя. Вы посмотрите, что часто происходит в действительности: грубость с подчиненными, упоение своей властью, порождающие вседозволенность.

С одной стороны, командно-приказная система создавала питательную среду для грубости, так как основным ее инструментом был приказ, указание. Но, с другой стороны, грубость создает и определенную атмосферу в организации. Такой антистиль унижает работника, растравляет, имеет свойство цепной реакции на всех уровнях. Злоба, нетерпимость наносят урон делу. Подчиненный, которого ругают, отвергает внутри себя, перечеркивает личность руководителя.

Я вообще считаю важным качество, которое необходимо развивать,— это предприимчивость, постоянная одержимость делом. Одержимость как стремление к преодолению сложных ситуаций, к тому, чтобы получать эффективные результаты.

И еще обязательность, организованность, четкость в работе и воспитание того же у подчиненных. В западном менеджменте это доведено до культа.

Мы сейчас не просто улучшаем систему, совершенствуем, как могли говорить раньше, а меняем ее в корне. Приходим к абсолютно иной системе, основанной на экономических методах, использовании экономических отношений, уничтожении командного стереотипа. Но, главное, нельзя забывать о принципиальных отличиях социалистической системы от капиталистической. Задача нашего менеджера — использовать общественную собственность на средства производства, работать в интересах этой собственности. Наш менеджер социально ориентирован, потому что служит хозяевам средств производства — трудовым коллективам, трудящимся.

— Борис Захарович, если говорить откровенно, все время возникает опасение, что нынешние центры по подготовке менеджеров, которые рождаются в разных концах страны почти ежедневно, работают далеко не в современном режиме, а люди, их создавшие, до конца себе не представляют, кого хотят иметь в конце «тоннеля».

— К сожалению, вы правы. На мой взгляд, довлеют рецидивы старого мышления. Ведь вся система подготовки и переподготовки руководителей сводилась и сейчас нередко сводится к системе повышения квалификации со всеми вытекающими отсюда последствиями. У нас около ста ИПК, принадлежащих министерствам и ведомствам. В них переподготовка кадров по управлению идет наряду и вместе, и не главным образом, с переподготовкой инженеров, технологов, конструкторов, работников других профессий, инженерно-технического персонала. И совершенно очевидно, что эта практика повышения квалификации, когда люди приезжают для того, чтобы послушать два вида лекций: политэкономические, довольно далекие от прикладных задач, которые приходится решать, и лекции научные, отражающие возможности математического моделирования тех или иных процессов, которые так и не будут использоваться ими, когда они вернутся к себе на работу. Жизнь требует, чтобы в принципе изменился сам подход. А это непросто. Потому что тогда нужны новые программы, новые подходы, иные преподаватели.

Нельзя, думается, отрицать, что в отдельных случаях действительно есть стремление серьезно подготовить и переподготовить работников управления. Но в других — это дань моде.

Подготовка руководителей не может быть кампанейской и проводиться время от времени. Их нужно готовить так же, как готовим математиков, физиков. Нужны глубины, основы, таланты, если мы хотим создать новый образ руководителя.

Еще одно обстоятельство связано с тем, что переподготовка не только руководителей, но и специалистов осуществлялась по остаточному принципу. Сначала надо создать станки, построить завод, а кто уж там будет — это как будет. Есть такой принцип, который я когда-то услышал на строительстве КамАЗа: давай, давай, потом посмотрим. Почему люди приходят в неустроенные аудитории? Почему нет компьютеров, которые вы увидите в любой слаборазвитой стране в центрах переподготовки? Я их видел в Венесуэле, в Португалии, в разных странах, которые не идут в первой десятке промышленно развитых стран. Я видел самые лучшие и самые худшие центры. Но я не видел необорудованных аудиторий, аудиторий без оснащения по последнему слову организационной и компьютерной техникой. Не видел школ управления без использования не только лекций, но использования активных методов, игры с выполнением ролевых функций, различных имитационных занятий и многого другого.

Опасаюсь, что неорганизованность, недооценка важности задачи, поспешность не только не поможет, но и может нанести вред. Потому что дискредитирует систему обучения, акцентирует на легкости этого дела. Можно иметь хорошую систему стимулов, низкий удельный вес государственного заказа (за что сейчас все борются), выгодные экономические нормативы, даже льготную систему налогообложения, но если не будет людей, которые умеют анализировать ситуации, принимать эффективные хозяйственные решения, взаимодействовать с другими людьми и преимущественно по горизонтали, а не по вертикали, увы, и перестройки управления не произойдет.

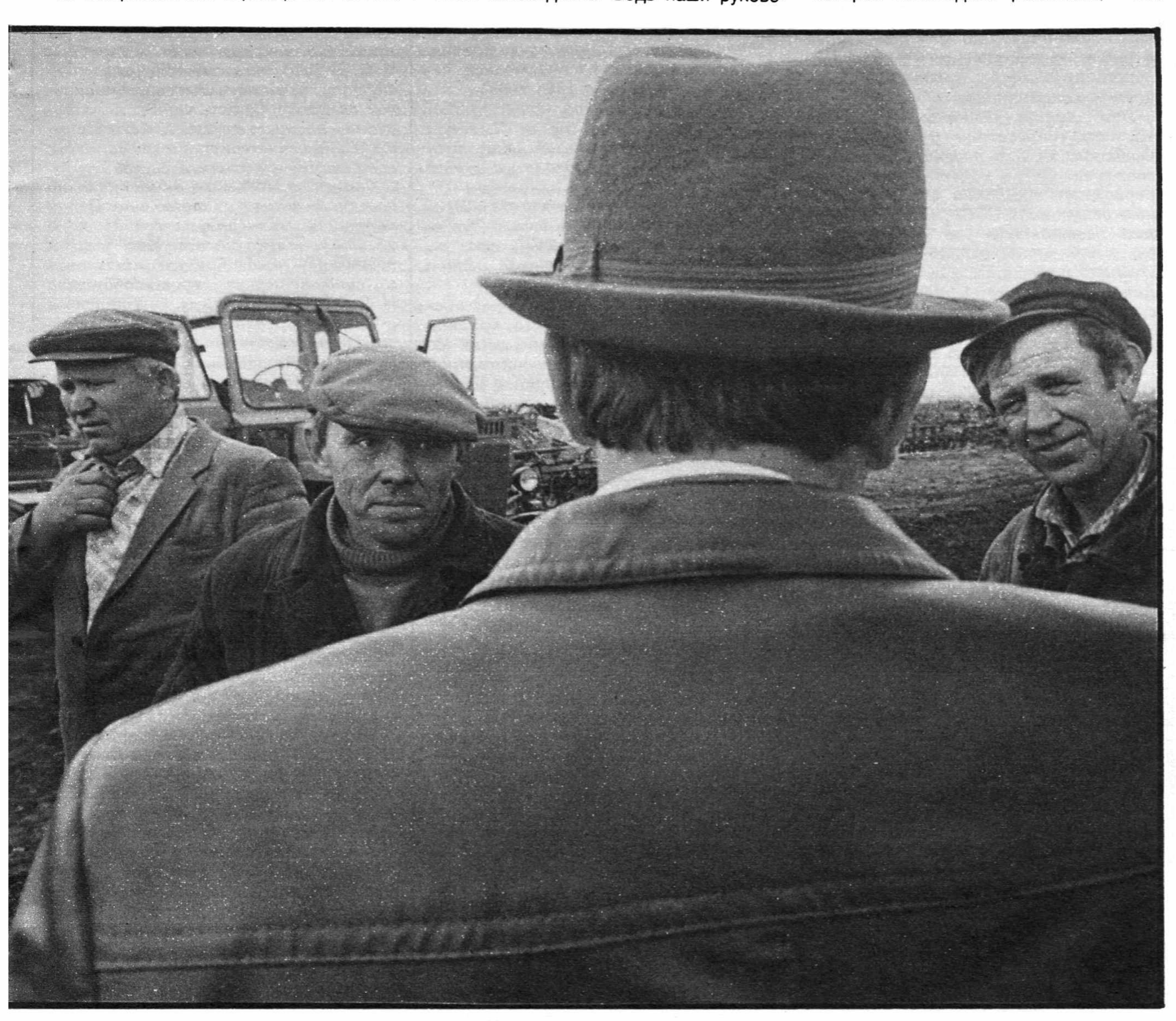

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

НОВОСТИ МЕСЯЧНОЙ СВЕЖЕСТИ ●
ГДЕ СИДЕТЬ ПРЕЗИДИУМУ ●
КАК «ЗАЩИЩАЛИ» ПИСАТЕЛЕЙ ●

■

ГДЕ ТЫ, МОЙ «ОГОНЕК»? — это не цитата из песни, а вопрос по существу. Дело в том, что жители Якутска в конце января не получили ни одного номера журнала.

Местные органы «Союзпечати» на подобный вопрос отвечают: мол, не волнуйтесь, мы не рассчитались с подписчиками еще за прошлый год. Действительно, недополучены не только прошлогодние номера «Огонька», но и другие журналы (например, «Советский экран» № 23).

Якутянин или гость Якутска тратит на дорогу немногим больше времени, чем, скажем, житель Тулы, но вот периодика поступает с таким опозданием, как будто ее доставляют из Москвы на оленьих упряжках.

Про Одессу говорят, что вчерашняя «хохма» в Одессе уже не «хохма». Думаю, что месячной давности корреспонденция даже в Якутске уже не имеет той остроты и злободневности, на которую она рассчитана. Где же искать тот «механизм торможения», который мешает журналу своевременно найти своего подписчика?

В. САМОДУМСКИЙ
Якутск

■

В период культа личности был выработан и строго регламентирован до мельчайших деталей порядок образования и расположения президиума.

Президиум входил в зал заседаний через единственную боковую дверь, ведущую к месту расположения президиума, а заполненный зал ожидал его появления. Сначала входил Сталин, а все остальные задерживались за дверью, пока он пожинал «бурные овации» и заранее заготовленные хвалебные выкрики славословия в его честь. Затем появлялись остальные, входили и рассаживались в строго определенном порядке слева и справа от вождя, в зависимости от своей близости к нему и своему положению в руководстве. Такое же строго определенное месторасположение каждого наблюдалось и на трибуне Мавзолея.

Президиум располагался амфитеатром на возвышении и восседал над остальными представителями общественности, делегатами, депутатами. Все это должно было содействовать его выделению из общей массы, возвеличиванию Сталина и его ближайшего окружения. На XX съезде КПСС с культом личности было покончено, но установленный порядок формирования и расположения президиума продолжал в основном сохраняться.

При Ленине избирался рабочий президиум в составе и количестве, необходимом для ведения заседания, собрания. Очень хочется, чтобы на первом же заседании Съезда народных депутатов СССР, который должен состояться в этом году, было бы покончено с упомянутой вредной традицией раз и навсегда. Авторитет вовсе не зависит от месторасположения в зале заседания.

Б. КУЛЬЧИЦКИЙ,
член КПСС с 1943 года,
участник Великой Отечественной войны

■

В ноябре прошлого года я решил отправить своему другу-американцу, изучающему русский язык, посылку с советскими книгами, журналами, газетами. Однако на почте у меня приняли к отправке только периодику, сообщив при этом, что на пересылку художественной литературы требуется разрешение Министерства культуры СССР. Мне ничего не оставалось, как сесть и написать в адрес этой организации заявление с указанием паспортных данных (как будто это может повлиять на определение ценности книги!) и подробное описание каждой книги. У меня было всего три книги наших классиков: А. Блок, Л. Толстой, А. Пушкин. Каково же было мое удивление, когда, получив разрешение на пересылку книг, я узнал, что государственная пошлина составляет... 362 рубля 80 копеек! Признаться, я бы не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал о том, что за пересылку издающихся и переиздающихся у нас в стране книг нужно заплатить такую громадную сумму.

В связи с этим мне хотелось бы спросить: как долго будет сохраняться такое ненормальное положение?

Л. МОРОЗОВ,
студент
Ульяновск

■

В юности я был читателем знаменитой библиотеки имени И. С. Тургенева, что около метро «Кировская». Это общедоступная бесплатная библиотека-читальня. И открыта, как рассказывают ветераны, она была с 1885 года!

А спустя почти сто лет ее закрыли, а потом и здание снесли. И ее, как я понимаю, бесценный книжный фонд хранится по подвалам в самых разных местах.

Мне сообщили, что решением Моссовета под библиотеку имени Тургенева передано здание XVIII века по Боброву переулку, 6. Хорошее, верное решение!

Но вот беда. Как часто у нас проходит неоправданно много времени от принятия дельных решений до их практического воплощения. Я понимаю все сложности с размещением различных организаций в Москве. Сам это испытал, когда занимался помещением для театра. И тем не менее если решение принято, то его ведь надо выполнять. Знаю, многие придерживаются такого же мнения. И очень надеюсь, что мой голос, как и голос многих читателей, будет услышан.

Олег ТАБАКОВ,
народный артист СССР,
профессор,
ректор Школы-студии МХАТа

■

С интересом прочел беседу Н. Г. Егорычева с корреспондентом «Огонька» Л. Плешаковым (1989, № 6). Она из необходимых публикаций, которые ценны тем, что помогают полнее и глубже познать правду недавней истории, служат ей документальным подтверждением и обоснованием.

Не утаю: особое мое внимание привлек раздел беседы, где Николай Григорьевич говорит об ошибках Н. С. Хрущева, участившихся после XXII съезда КПСС. Волновало: что и как он скажет и скажет ли вообще о декабрьской 1962-го и мартовской 1963 года встречах с творческой интеллигенцией? Был даже готов к тому, что об этих событиях не будет упомянуто. Случись так на самом деле, я бы не одобрил умолчания, но понял его причину.

Однако Николай Григорьевич не смолчал. «Или печально известные встречи Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией Москвы (уточню: не только Москвы, но и союзных республик, представители которых приглашались на обе встречи.— **В. О.**)*... Тогда нам, московскому руководству, пришлось выдержать сильное давление сверху, чтобы не допустить расправы с теми, кого Никита Сергеевич критиковал на этих встречах»,— читаем в беседе.*

Допускаю, что и тогда мне не было известно многое из того, что происходило за кулисами, и сейчас знаю об этом далеко не все. Нет у меня поэтому оснований сомневаться в свидетельстве противоборства Н. Г. Егорычева с Н. С. Хрущевым в защиту преданных им опале писателей, художников, кинематографистов. Но нет равным образом и оснований не доверять своей памяти, сохранившей красноречивые детали событий, очевидцем которых привелось быть.

Одно из них — собрание актива московских писателей, которое проходило в МК в начале 1963 года под председательством Николая Григорьевича. Атмосферу нетерпимости, возобладавшую на нем, во многом предопределило его вступительное слово, выдержанное в крайне жестких, резких тонах. Не было в нем, увы, ни единого нюанса, позволявшего допустить возможность мало-мальских расхождений с Н. С. Хрущевым хоть в чем-то. Зато было другое...

Может, Николай Григорьевич вспомнит выступление Елизара Мальцева, тогда еще секретаря парткома Московской писательской организации? Своей речью он пытался оградить писателей от несправедливых нападок и грубых разносов. По существу, Н. Г. Егорычев не дал ему говорить, то и дело перебивал осуждающими репликами, а потом, когда оратор был вынужден уйти с трибуны, гневно произнес вдогон обличительное заключение, в котором квалифицировал речь как демонстративно вызывающую. Степана Щипачева, который также выступал с достоинством, не оправдывался ни в каких несуществующих грехах, предостерегал собравшихся от «жажды крови», Н. Г. Егорычев лично не перебивал, хотя не мешал перебивать другим. И так же сопроводил критическим комментарием.

Надеюсь, Николай Григорьевич правильно поймет мое письмо. Не по злопамятству писал я его. И не из мелкотравчатого желания уязвить. Главное, что побудило дать выход памяти,— искреннее убеждение: правда истории, которой ныне клянутся все кому не лень, не будет правдой до тех пор, пока каждый из нас, кто так или иначе причастен к ней, не подкрепит ее бескомпромиссный авторитет самокритичным признанием собственных заблуждений, ошибок или прегрешений.

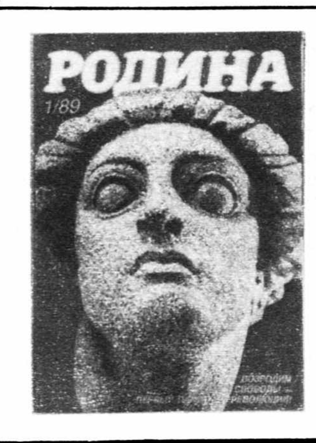
В. ОСКОЦКИЙ,
критик, литературовед

ДЕБЮТ «РОДИНЫ»

Вышел в свет первый номер журнала «Родина», который ежемесячно будет издаваться газетой «Правда». «Нужна правдивая оценка всех периодов нашей истории»,— заявила редколлегия в своем обращении к читателям и тем самым во многом обозначила позицию и направление нового издания.

В первом номере — политический диалог, писательская публицистика, размышления ученых.

К. КОСТИН

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция журнала получает множество телеграмм, писем и телефонных звонков от подписчиков, встревоженных и возмущенных задержками в доставке им «Огонька». Даже в Москве эти задержки многодневны. Единственное предлагаемое нам объяснение: «Слишком многие хотят читать «Огонек»: печатники и доставщики не успевают». Объяснение несостоятельно, так же как система мышления, при которой массовое желание читать хорошие книги, умываться с мылом, чистить зубы, носить качественную и модную одежду, летать самолетами, стирать белье является трагедией для лиц, по долгу службы отвечающих за все это. Дорогие читатели, мы разделяем ваши недоумение и гнев, обещаем делать все для того, чтобы ситуация изменилась к лучшему. Нам очень обидно за вас, за себя и за дело.

Ваш «Огонек»

Евг. ЕВТУШЕНКО

ВЫБОР БУДУЩЕГО

Первые многокандидатные выборы народных депутатов — это важнейший отрезок тяжкой, но единственно спасительной дороги к демократии. Эти выборы еще нельзя назвать свободными, потому что мы еще не смогли избавиться от многих недемократических привычек. Демократизация — это освобождение от привычки к несвободе. Не дай нам бог преступной свободы от собственной совести. Свобода личности при свободе от совести — угроза обществу. Но только свобода личности, не попирающей свободы других личностей, есть демократия. Наш трагический опыт показал, что свободы народа без личных свобод не бывает. Депутаты должны быть защитниками наших личных свобод, и только тогда они будут иметь право называться защитниками народа. Выборы депутатов — это выбор нами нашего будущего. Голосуя, подумайте: будет ли ваш депутат политическим официантом «Чего изволите?» или найдет в себе мужество сказать «Нет!», если снова начнут возникать эмбриональные тираны или головастиковые ничтожества, склонные к впрыгиванию на Мавзолей, если кому-то снова придет в голову посылать наших сыновей в чужедальние страны на бессмысленную погибель, если в лоно матери-земли снова будут закладывать, как мины замедленного действия, будущие чернобыли... Не ловитесь на кандидатов-ремонтников с мышлением райсоветовского масштаба, обещающих избирателям с три короба благоустройств. Без политического и нравственного благоустройства все обещания прочих благоустройств так и останутся обещаниями. Самое главное благоустройство квартиры — это не циклевка, а гарантия, что дверь этой квартиры уже никогда не смогут выбить полицейским сапогом и арестовать ни в чем не повинных хозяев. Только когда такая гарантия есть, можно спокойно циклевать.

Но в то же время не ловитесь на кандидатов-утопистов, слишком высокопарно рассуждающих о правовом государстве, забывая о праве каждого иметь свою крышу над головой, поесть чего хочется, обуться-одеться во что хочется и поциклевать как хочется. О школе демократии говорить рано, ибо мы в ее яслях. Для меня лично эти выборы были уникальным жизненным уроком: в чем-то радостным, в чем-то жестоким. Демократия — это не общество для принцесс на горошинах. Надо уметь себе самому сказать с улыбкой, означающей, что жизнь продолжается: «Я проиграл, но демократия выиграла».

Крошечная инициативная группа «Мосугольснаббыта», выдвинувшая меня, и я сам были наивны в предвыборной борьбе. Мы вовремя не подумали, что надо успеть быть выдвинутым как можно большим количеством организаций, чтобы иметь больше выборщиков на окружном собрании. А когда спохватились, то, как по мановению чьей-то невидимой длани, двери всех дворцов культуры и клубов Ленинского избирательного округа оказались для меня закрытыми. Мы еле добыли Дом медика. Однако избирком объявил это собрание неполномочным, придравшись к тому, что Дом медика находится за границей Ленинского избирательного округа, хотя все собравшиеся были именно оттуда.

Итак, к началу окружного собрания, где присутствовало 12 кандидатов и 601 избиратель, у меня было всего 6 выборщиков. Вот какими размышлениями я поделился с избирателями, говоря о самых главных, на мой взгляд, задачах перестройки.

Главная нравственная задача: поднять достоинство нашей страны через поднятие личного достоинства каждого гражданина. Мы должны наконец превратить Верховный Совет, который часто напоминал в прошлом театр марионеток, в полномочное собрание профессионально компетентных, независимых народных представителей. Нам не нужен Верховный Совет, состоящий из подчиненных, боящихся начальников, или их начальников, боящихся более высоких начальников, или таких начальников, которые не боятся ни народного мнения, ни собственной совести. Именно при подобном Верховном Совете нас подвергли такому унижению гражданского достоинства, когда, даже не спрашивая народного мнения, ввязывали нас в конфликт в Афганистане, где мы понесли человеческие, нравственные и материальные потери. Сохранение нашего достоинства в том, что никто не должен преследоваться за свои убеждения, включая религиозные, за свои высказывания, включая самые критические по самому высокому чиновному адресу, в прессе или на собраниях; за участие в демонстрациях, шествиях, митингах, если они не носят агрессивного характера. Никто не может быть привлечен к судебной ответственности, находиться под следствием без адвокатской помощи. Ввести в действие юридические статьи за оскорбления, задевающие национальное достоинство. Все народы СССР должны уметь защищать достоинство каждого народа, включая язык, культуру, традицию и верования. Прекратить давление на прессу и суд со стороны партийных и государственных органов, а также органов как таковых. Привлекать к суду за давление на прессу и суд. Но одновременно привлекать и прессу, и суд к суду за необоснованные обвинения и приговоры. Никто не может быть оклеветан или незаслуженно оскорблен без последующего наказания клеветников и оскорбителей. Оградить семейную жизнь от бестактного влезания в нее профсоюзных и прочих организаций, ибо иногда это похоже на влезание не совсем чистыми руками в человеческую душу. Отменить унижающую достоинство прописку. Отменить оскорбительную выездную процедуру и ввести постоянный заграничный паспорт сроком на 5 лет.

Главная народнохозяйственная задача: искоренение всех унижающих человеческое достоинство дефицитов. Для этого необходима полная, без всяких оговорок и уловок отмена всех закрытых распределителей, спецмагазинов, спецбольниц, спецаптек, ведущих к недопустимому в социалистическом обществе созданию спецкатегорий спецлюдей. Передача земли согласно историческому лозунгу «Земля — крестьянам» в собственность тех, кто ее обрабатывает, не поучая их, что делать с этой землей. Беспрепятственно разрешать трудящимся города строительство сельских домов, с выделением участков, в случае свободной земли. Постепенный переход средств производства на предприятиях в собственность производителей. Одновременно с борьбой против обдирательства кооператорами потребителей бороться против обдирательства этих кооператоров государственными взяточниками, рэкетирами. Помогать госкредитами тем кооператорам, которые не паразитируют на перехваченной госпродукции, а сами производят нужнейшую народу товарную массу, тем самым ликвидируя дефициты.

Кооперация должна быть не только возможностью для тех, кто обладает первоначальным капиталом (в ряде случаев наворованным), а возможностью для всех честных, предприимчивых людей, получив кредиты от государства, помочь государству вылезти из той ямы, в которой оно оказалось. Поступенчатое перерастание государственных нерентабельных предприятий в акционерные, кооперативные. Государство должно быть не завистливым конкурентом кооператоров, а их заинтересованным партнером. Сокращение, а в ряде неоправданных случаев и прекращение помощи слаборазвитым странам, пока мы сами не превратимся в высокоразвитую державу.

Прекращение экспорта наших высококвалифицированных специалистов за рубеж в то время, когда стране трагически не хватает умных рук. Ограничение вывоза, а в ряде случаев и наложение вето на вывоз продуктов, товаров, включая автомашины, которыми мы не можем обеспечить собственных граждан. Ставка на экспорт переработанного сырья, а не сырья как такового. Полное равноправие коммунистов и беспартийных при выдвижении на руководящие посты, включая самые высшие. Это очистит партию от карьеристских элементов и привлечет многих талантливых людей, представителей более чем 200-миллионной партии беспартийных, к новой гражданской активности. Существование кадрового неравноправия коммунистов и беспартийных — один из главных тормозов перестройки. Отмена возрастной боязни при выдвижении способной молодежи на руководящие посты во всех сферах. Руководители молодежных организаций не должны быть старше тридцати лет. Одновременная отмена возрастной боязни при сохранении уважаемых старших мастеров своего дела. Постепенное поднятие уровня пенсий, предоставление консультативной оплачиваемой работы пенсионерам. Приравнять воспитание детей к государственной работе и выплачивать матерям в течение одного года полную зарплату при отпуске. Категорически запретить использование женщин на тяжелом физическом труде, в спортивных упражнениях, опасных для материнства. Вовлекать инвалидов в общественную жизнь, утверждать милосердие как норму жизни. Сократить службу в армии до года при повышении интенсивности военного обучения, а затем превратить ее в квалифицированную профессиональную армию. Профессиональная армия обеспечит безопасность наших границ гораздо основательнее, чем дилетанты в погонах, допустившие скандальную посадку нахального аэрокуренка на Красной площади. Коренная реформа здравоохранения, связанная с модернизацией диагностики, фармакологии, стационарного лечения. Здравоохранение — это та единственная область, где мы не имеем права экономить на валютных затратах. Реформа образования, создание наконец-то стабильных учебников, не зависящих от очередной конъюнктуры. Сокращение не всегда необходимых политчасов за счет увеличения действительно необходимых учебных часов по профессии. Прекращение мелочной опеки над учащимися, предоставление им большей свободы для общественной самодеятельности с детства. Создание вневедомственной комиссии с правом экологического вето, открытая подотчетность народу всех министерств, включая Министерство обороны, КГБ, МВД. Рассекречивание всех партийных, государственных и ведомственных архивов после десяти лет, введение в Уголовный кодекс специальной статьи за сокрытие и уничтожение архивов. Введение в Уголовный кодекс коллективной и индивидуальной ответственности руководителей министерств и предприятий за нанесение ущерба природе. Превращение профсоюзных организаций, которые иногда являются лишь придатками парторганизации, в независимую рабочую совесть народа. Предоставление независимости общественным организациям, способствующим перестройке.

Главная внешнеполитическая задача: всячески способствовать не конфронтации стран с разными политико-экономическими системами, а их максимальному сближению на основе экономической интеграции, культурного обмена, взаимотерпимости, перенимание лучших черт одной системы другой при учете взаимных ошибок. Только такая практика может привести к постепенному созданию новой модели человечества, где никакой стране, в том числе и нашей, не будет грозить война.

Многие избиратели говорили, что лишь прямые выборы способны обеспечить будущую демократию. Обеспечить будущее гарантиями нужно уже сейчас, ибо нашу дорогу к демократии беспрерывно минируют то ниноандреевскими статьями, то полицейскими мерами, как это было во время поминального шествия в Белоруссии.

Я получил 238 голосов, что было почти невероятно при 6 выборщиках. Зарегистрированные кандидатами экономист Емельянов и юрист Савицкий — люди знающие, основательные. Избиратели хотят правовой и материальной защищенности, так что в их выборе была своя логика.

Но вот о чем я подумал. Что такое депутат? Это — народный представитель. Избран ты или не избран, все равно каждый из нас в чем-то должен ощущать себя народным представителем, то есть в какой-то степени депутатом. Может быть, истинная демократия — это и есть общее всегражданство, общее вседепутатство.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

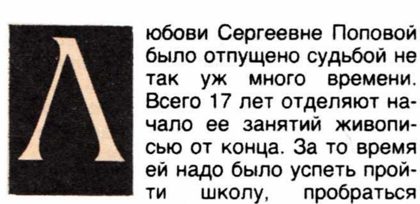

ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА ПОПОВА

1889—1924

Любови Сергеевне Поповой было отпущено судьбой не так уж много времени. Всего 17 лет отделяют начало ее занятий живописью от конца. За то время ей надо было успеть пройти школу, пробраться сквозь влияния современников, достичь самостоятельности и реализовать себя. Ее развитие было стремительным. Ей не приходилось останавливаться, подолгу задерживаться на месте. Она легко расставалась с уже завоеванным, не накапливала, а тратила свой талант, данные ей природой возможности. Она была щедрой, умной, отважной и красивой. Вокруг нее всегда создавалась атмосфера своеобразного почитания. Красота была заключена и в ней самой, и в ее работах, и в самой линии ее творчества.

Попова ушла из жизни в то время, когда авангардное движение еще не успело себя исчерпать, когда еще не действовала система запретов, прервавшая его развитие. Ранняя смерть художницы, как и всякая ранняя смерть, была трагичной. Но она избавила Попову от необходимости ломать себя, подвергать сомнению результаты собственного пути. Ей не пришлось перечеркивать свое прошлое, не пришлось позже вспоминать о нем шепотом, как это делали под старость многие ее товарищи по авангарду. И не ее вина в том, что после смерти, которую оплакивал весь «левый фронт» искусства молодой тогда Советской республики, художницу надолго забыли, словно вычеркнули... Лишь несколько десятилетий спустя началось возрождение Поповой усилиями собирателей: художников, искусствоведов, старых друзей, когда-то ее знавших.

Сегодня Л. С. Попова получила мировое признание. За ее картинами «гоняются» лучшие музеи мира. Могла ли предполагать она сама, что такое будущее ожидает ее наследие? Вряд ли. Она работала. Когда не хватало холстов, она писала новые композиции на оборотной стороне уже созданных картин, не думая о том, попадут они в музеи или нет. Ей чужд был пророческий тон, которым окрашены многие манифесты авангардистов, несмотря на новизну форм, которые она находила, ее не тешила идея полного преодоления прежних традиций, и она искала гармонию, которую в те годы чаще разрушали, чем создавали.

Попова родилась в апреле 1889 года под Москвой в богатой и просвещенной купеческой семье. Отец ее — С. М. Попов — был любителем музыки и театра. Мать — Л. В. Зубова — тоже принадлежала к самой высшей культурной прослойке третьего сословия. Поповы и Зубовы дали русской культуре коллекционеров, философов, художников... Попова увлекалась в молодые годы не только рисованием, но и поэзией. После гимназии она окончила в Москве двухгодичные курсы Алферова, программа которых соответствовала программе словесного отделения филологического факультета, и несколько лет проучилась в частных художественных студиях — сначала у С. Жуковского, а потом у К. Юона. Завершила она свое художественное образование зимой 1912—1913 года в Париже в частной мастерской (такие мастерские именовались «академиями»), где преподавали известные французские живописцы Метценже, Ле Фоконье, Сегонзак. Из русских художников наибольшее влияние на нее оказали сначала М. Врубель, а позже — В. Татлин и К. Малевич. Но, кроме этого, она всегда — особенно в молодые годы — училась у старых мастеров и русских иконописцев. Много времени она провела в древних городах — Киеве, Новгороде, Пскове, Ростове Великом, Суздале, Ярославле, Юрьеве-Польском, Переславле, всерьез увлекалась древней живописью. В Петербурге изучала коллекцию Эрмитажа. С 1910 по 1914 год предприняла несколько путешествий по Италии и Франции. Вдохновлялась Джотто и Пинтуриккьо. Ее всегда интересовала архитектура — средневековые и ренессансные постройки Италии и Франции, памятники древнерусского зодчества, фантастические порталы мечетей Самарканда. Все новаторство, без которого немыслимо творчество Поповой, сопрягалось с классической традицией. Это ставило ее в особое положение, отличая от многих коллег по футуристическим выставкам и авангардным объединениям.

Сама Попова начинала отсчет своих произведений с работ 1913 года, видимо, желая этим определить границу зрелости, самостоятельности. Но первые из сохранившихся живописных произведений относятся к 1908 году. Это пейзажи и натюрморты, выполненные в традиционной манере, лишь слегка скорректированной живописными новшествами — яркой красочностью, подвижной фактурой. Вскоре появляются признаки влияния новых течений, развернувшихся на рубеже первого и второго десятилетий XX века. Попова соприкасается с сезаннизмом, в ее работах как бы предвидятся будущие кубистические опыты. В это время рождаются выразительные живописные и графические этюды деревьев, многочисленные «Натурщики» и «Натурщицы», натюрморты, в которых преодолевается многословие.

Попав в Париж, Попова прямо столкнулась с новой живописной системой. Судя по всему, московский «протокубизм», привезенный ею с собой в тогдашнюю художественную столицу мира, был еще недостаточно серьезной основой для быстрого выхода на рубежи нового искусства, которое укрепляло в то время свои позиции во многих передовых странах мира. Напряженные искания продолжались после возвращения в Москву, затем они обогатились знакомством с итальянским футуризмом, общением с последними достижениями русской авангардной живописи. В результате взаимодействия всех этих достаточно самостоятельных, хотя в иных случаях и близких друг другу творческих тенденций родилась та самая Попова, какую мы знаем,— с ее неповторимым лицом и отчетливым своеобразием.

Середину 1910-х годов можно характеризовать как кубо-футуристический период в творчестве Поповой. Под именем кубо-футуризма объединялась тогда почти вся авангардная русская живопись. Само это название состоит из наименований двух живописных направлений — французского кубизма и итальянского футуризма,— трудно сопоставимых друг с другом. Кубизм, хотя и разлагал на «аналитической» стадии своего развития предметы и фигуры, в целом стремился к конструктивности, культивировал идею строительства, архитектоники; футуризм безудержной динамикой форм разрушал конструкцию. Как и большинство других русских авангардистов, Попова в большей мере тяготела к кубизму, чем к футуризму. Ее холсты чаще всего подчиняются идее устойчивости; внутренние ритмы не выходят за пределы картинной композиции; общее гармоническое начало, которое в дальнейшем еще более усилится, оказывается преобладающим.

Предметы и мотивы, использованные в живописи кубизма, в частности и в творчестве Поповой, составляют довольно узкий круг. Казалось бы, кубизм освободился от прямого следования натуре, дал художнику полную волю по-своему интерпретировать мир. Можно было бы предположить бесчисленное множество мотивов, способных оказаться в центре внимания художника. Однако мы наблюдаем картину противоположную. Круг предметов сужается, появляются образцы, кочующие из произведения в произведение, заимствованные последователями у открывателей. Кто из кубистов не писал скрипку или гитару вслед за Пикассо и Браком? Почти все вслед за Сезанном обращались к натюрморту с фруктами и посудой...

В общем закономерном движении живописи к новым принципам накануне абстракционизма кубизм явился последней стадией более или менее непосредственного контакта с реальностью. Вход для этой реальности в искусство не был широким. Соответствие форм предметов задачам, которые ставил перед собой живописец-кубист, становилось главным в их выборе. Попова часто обращалась к часам, подносам, вазам. Но у нее есть и «Скрипка» (1915). Она стала, пожалуй, самым цельным и отработанным произведением художницы среди натюрмортов кубо-футуристического периода. Тонко и точно соединяются здесь в единую композицию кривые и прямые линии, сегменты круга и углы, плоскости и грани. Все предметы, положенные на чередующиеся плоскости, четко прочитываются и узнаются — обои, нотная тетрадь, сама скрипка, стоящая дощечка, две игральные карты, плоскость стола. Картина воспринимается как прекрасно выполненное кубистическое упражнение, она включает все необходимые его элементы: надписи, разложенные объемы, сдержанная цветовая гамма, подвижная фактура.

Более индивидуализированными оказались образы картин, представляющих собой однофигурные композиции. Здесь

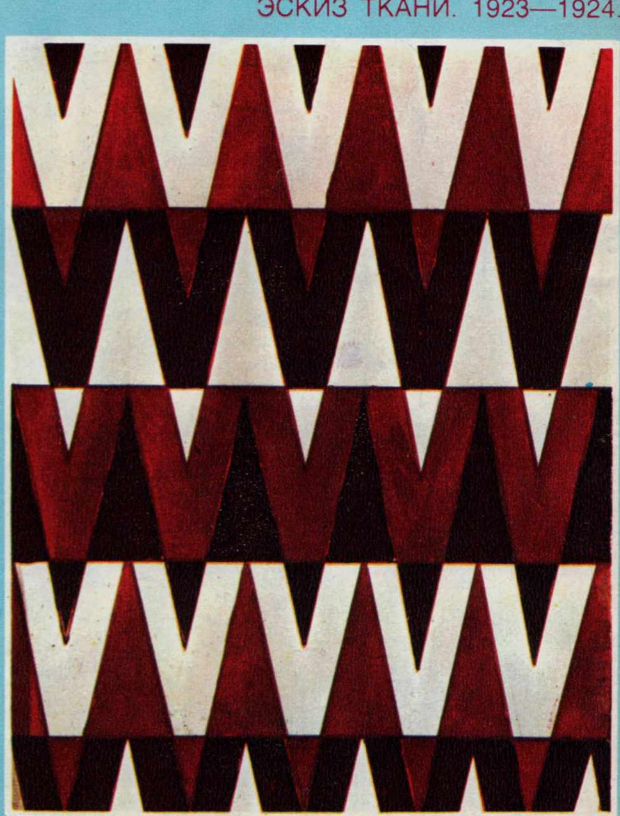

Л. С. ПОПОВА.

ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА. 1915.

ЖИВОПИСНАЯ АРХИТЕКТОНИКА. 1916—1917.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ СИЛОВОЕ ПОСТРОЕНИЕ. 1921

ЭСКИЗ ТКАНИ. 1923—1924.

и многочисленные «Натурщицы», и два варианта «Путешественницы», и знаменитый «Портрет философа» (1915). Разумеется, портретом произведение Поповой можно назвать лишь с большой долей условности. Лицо человека преображено и перевоплощено. И все же зритель угадывает за кубистическими формами устойчивую позу модели, ее «крепкую посадку», даже интеллектуальную сосредоточенность. В соответствии с традицией художница хочет придать своему произведению некую значительность, хотя при этом в осмыслении самой формы традиционной парадности присутствует доля иронии. В композиционно-пластическом и цветовом истолковании «Портрета философа» Попова добивается органичности и целостности. С помощью плоскостей, сначала образующих форму тела и головы, а затем своеобразными уступами, как бы прощупывающими пространство, она реализует его предметную сущность, не делая при этом коренного различия между телом, вещью и воздухом.

Для Поповой это имеет принципиальное значение: здесь подготавливается ее переход к беспредметной живописи, где будет постепенно сведена к минимуму, а затем и вовсе отсутствовать разница между формой и «антиформой».

В последних кубистических работах Поповой предметы все более утрачивали свой реальный облик, превращаясь в плоские квадраты, прямоугольники, трапеции или в объемные цилиндры и конусы, срезанные невидимой плоскостью. Но в то же время первые ее абстракции еще сохраняли следы предметного мира: изогнутые контуры музыкальных инструментов, доски разных цветов с выемками, разложенный на плоскости цилиндр. Своеобразные «воспоминания о реальности» слышны в названиях работ. Группу беспредметных произведений Попова называет именем знаменитого самаркандского памятника Шахи-Зинда, одна из абстрактных композиций именуется ею «Портрет», другая — «Весна». Всюду в этих случаях у художницы возникают некие предметные ассоциации, и образ создается под впечатлением жизненных явлений. Но по мере движения по вновь открытому полю беспредметного художественного мира Попова стремится воплотить самые общие закономерности строения мира в формах, доступных композиционному и живописному мышлению.

В 1916—1918 годах возникает обширная серия картин и графических произведений, каждому из которых дано название «Живописная архитектоника». Понятие архитектоники связано с архитектурой, хотя и не ограничивается ей. В «Живописных архитектониках» складывается определенный принцип композиции, который художница неукоснительно соблюдает. Соединяя на плоскости различные «фигуры», Попова стремится к их «компактной» расстановке на плоскости. Они, как правило, тяготеют к центру, переплетаются друг с другом, наслаиваются, располагаясь в неглубоком пространстве. В иных вариантах словно намечается конфликтное, драматическое развитие форм. Оно оказывается особенно энергичным в тех случаях, когда основной композиционной линией становится диагональ. Но в конечном счете общее расположение частей приводит к равновесию, к «трудной» гармонии. В своих холстах Попова энергично «вдвигает» плоскости в картинное пространство, накладывает их друг на друга, спаивает, скрепляет. Она строит, и ее картины возносятся, как фасады величественных зданий. В этом строительстве большая роль принадлежит цвету. Прежде всего Попова ищет оптимальный вариант сочетания цвета с данной формой, а вслед за этим гармонические взаимоотношения друг с другом пятен-форм.

«Живописные архитектоники» Поповой как бы сами напрашиваются на сравнение с супрематическими произведениями Малевича. В данном случае разговор идет не о хронологии: приоритет Малевича очевиден, как и очевидно то влияние, которое он оказал на свою младшую современницу. Но вместе с тем между ними есть существенное различие. В супрематических картинах Малевича формы словно протекают по плоскости в иное бытие, в иной мир. Попова же строит свои конструкции на земле, она стремится утвердить гармонию *этого* мира.

Последние живописные и графические произведения Поповой, выполненные в 1921—1922 годах, получили наименование «Пространственно-силовых построений». Чаще всего основу композиции в них составляют горизонтальные и вертикальные или наклонные линии, пересекающие друг друга и как бы плавающие в абстрагированном пространстве. Здесь уже делалась попытка проникнуть в космическую бесконечность, найти свой вариант образа, осваивающего «четвертое измерение». Но рядом существует другой тип композиции, в пределах которого, видимо, и завершается станковое творчество художницы. Тут главным становится мотив круга или спиралевидного движения. Но Попова не абстрагируется от материала, от плоскости, живописная поверхность сохраняет жизнь: краска вздувается (в качестве дополнительного материала используется металлический порошок), текстура фанеры (на которой написаны многие поздние картины художницы) добавляет свой ритм в движение линий. Те формы, которыми пользуется художница, в отличие от архитектонических, можно теперь назвать энергетическими. Гармонию теперь необходимо строить не с помощью соотношения масс, объемов или пятен, а взаимодействием энергетических начал, равновесием центробежных и центростремительных сил. В этой новой композиционной системе, как и прежде, важная роль отводится цвету.

В последние годы жизни Поповой владели идеи конструктивизма. Она не только искала внутреннюю целесообразность формы, но помышляла о том, чтобы художественными средствами перестроить быт, жизнь, мир. Она много сил отдавала преподаванию во ВХУТЕМАСе — одном из самых прогрессивных учебно-художественных заведений 20-х годов, где вела дисциплину «Цвет». Работая в театре, она подчиняла новой концепции задачи оформления спектакля и создания театрального костюма. В 1922 году она оформила пьесу Ф. Кроммелинка «Великодушный рогоносец» в театре В. Э. Мейерхольда. Декорации здесь были заменены единой установкой-конструкцией, спроектированной Поповой. Ею же были созданы эскизы костюмов — так называемая «прозодежда актера» — удобная для игры артиста, для движения на сцене. Театр выходил в те годы на улицу. Мейерхольдом, Поповой и Весниным был разработан проект парада войск. Еще до этого Попова делала эскизы праздничного оформления Моссовета. Наконец, эта тяга к искусству массовому, прямыми нитями связанному с народом, привела художницу на ситценабивную фабрику, где она в последний год жизни усиленно работала над эскизами тканей. Элементы ее декоративных композиций — это формы, возникшие в процессе творческого переосмысления общих закономерностей жизни, ее движения, ее бесконечности; это художественные формулы целесообразности и красоты. Свое искусство мастер как бы возвращал жизни — задаче ее организации, строительства и преобразования. Это был закономерный конец органического творческого пути.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ.

Юрий **ПАПОРОВ**

ПРОШУ СЛОВА!

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Сколько десятилетий читаю нашу разнообразную периодическую печать, а... не замечал. Вернее, не мог не замечать, но не останавливал внимания, не придавал значения.

А вчера вдруг... уставился глазами и задумался. В руках у меня был первый номер за текущий год журнала «Сельская молодежь». На второй странице скромно, в самом низу,— трафарет, клише журнала.

Одиннадцатилетний сынишка увидел, как я что-то обвел в журнале. Он нагнулся ко мне и громко прочел: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и тут же спросил: «А кто такие пролетарии?» Я начал объяснять, но последовали новые вопросы.

Не стану пересказывать дальнейший разговор с сыном. Скажу только, что выручил меня звонок в дверь и приход его приятеля, который тут же утащил сына погулять.

Наутро я отложил все дела и отправился в зал периодики библиотеки имени Ленина. Там обнаружил, что подавляющее большинство советских журналов, уже не говорю о газетах, начинается с призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Даже такие журналы, как «Охота и охотничье хозяйство», «Коневодство и конный спорт», «Пчеловодство», «Цемент», «Садоводство и виноградарство», «Тракторы и сельскохозяйственные машины», «Клуб и художественная самодеятельность», «Строительство трубопроводов», «Станки и инструмент», «Сварочное производство», «Бытовое обслуживание населения». В то же время целый ряд журналов, таких, например, как «Советский Союз», «Советский экран», «Советская эстрада и цирк», «Человек и закон», «Рабочий класс и современный мир» и другие выходят в свет без этого призыва.

Интересное пополнение собственных знаний, которое, однако, мало что дало мне для подготовки ответа на вопросы сына. Скорее внесло еще большую путаницу, потому как общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ «Сельская молодежь» и журнал «Молодая гвардия» того же профиля несут призыв, а два других — «Ровесник» и «Вокруг света»,— органы того же ЦК ВЛКСМ, не призывают пролетариев соединяться.

Теоретический и научно-практический журнал Госагропрома СССР «Механизация и электрификация сельского хозяйства» и массово-производственный, иллюстрированный журнал «Садоводство и виноградарство» — за, а журналы «Холодильная техника» и «Цветоводство» того же Госагропрома СССР — нет. Журнал «Физкультура и спорт» — за, а «Спорт в СССР» — против. «Кокс и химия» — за, а «Здоровье» и «Крокодил» — против.

Журналы, выходящие на русском языке, прямо скажем, кроме советологов и граждан нашей страны, никем другим не читаемые, несут призыв, но его не несут как раз обращенные к пролетариям всех стран такие печатные издания, как «Советский Союз», издающийся на 21 иностранном языке, «Советская женщина» (15 иностранных языков), «Новое время» (10 языков), «Внешняя торговля» (6 языков), «Спорт в СССР» (6 языков), «Проблемы Дальнего Востока» (4 языка), как и наверняка читаемые за рубежом «История СССР», «Народы Азии и Африки», и им подобные.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — это со школы известно — девиз международного революционного пролетариата, выдвинутый К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1847 году призыв этот был утвержден как девиз Союза коммунистов. Этот призыв завершает собой текст «Манифеста Коммунистической партии», является лозунгом КПСС и международного коммунистического движения. Что такое девиз — понятно каждому — это краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею поведения или деятельности. Здесь, кажется, все ясно. И все же... Как объяснить сыну все это таким образом, чтобы ему затем не влетело в школе? И потом, почему использование лозунга столь непоследовательно, бессистемно и неосмысленно? Нужно ли лозунги превращать в орнамент?

Так я и вернулся из библиотеки имени Ленина без сложившихся в сознании ответов сыну. Потому попросил слова и буду ждать ответа более сведущих людей.

Герой романа Достоевского «Подросток», от лица которого ведется повествование, прежде, чем приступить к рассказу, замечает: «Я — не литератор, литератором быть не хочу, и тащить внутренность души моей и красивое описание чувств на их литературный рынок почел бы неприличием и подлостью. С досадой, однако, предчувствую, что, кажется, нельзя обойтись совершенно без описания чувств и без размышлений (может быть, даже пошлых): до того развратительно действует на человека всякое литературное занятие, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя».

Это означает, что любой известный литературе способ словесного выражения неизбежно превращается в литературный прием. А там, где царит «прием», уже не может быть места для полной искренности.

Эта мысль мучила Достоевского всю жизнь. И не его одного.

Едва ли не все великие писатели всю жизнь бились над тем, чтобы «мысль изреченная» не оказалась ложью. То есть старались писать, по возможности избегая «развратительного действия ...всякого литературного занятия». Иначе говоря, создать принципиально новый прием, состоящий в полном отрицании литературного приема.

Дальше всех пошел по этому пути и достиг наивысшего результата некогда знаменитый, а ныне мало кому известный, замечательный русский писатель Василий Розанов. Две его книги — «Уединенное» и «Опавшие листья» — представляют собой явление уникальное. Они не имеют никаких аналогий не только в русской, но, я думаю, и в мировой литературе.

Это утверждение может показаться странным. Как это — никаких аналогий? Дневники, записные книжки, разного рода заметки, написанные для себя, не однажды становились достоянием читателя. Это давно уже признанный и узаконенный литературный жанр. Достаточно назвать «Опыты» Монтеня, «Дневник» Жюля Ренара. А в наше время, скажем, «Ни дня без строчки» Юрия Олеши.

Но «Уединенное» и «Опавшие листья» Розанова — нечто принципиально иное.

Мысль, брошенную героем «Подростка», Достоевский однажды высказал прямо, от себя: «...Настоящий «Дневник»,— заметил он,— почти невозможен, а только показной, для публики...» И в самом деле: человек перед зеркалом, даже наедине с собой, невольно позирует. А что уж говорить о человеке пишущем. Даже если он искренне верит, что пишет для одного себя, подсознательное знание, что кто-то (когда-нибудь) эту его запись все равно прочтет, невольно деформирует, искажает написанное.

Розанову удалось невозможное. Он выразил себя, не приспосабливаясь к собеседнику. Это была не установка, а поистине уникальный дар беспощадной искренности.

Делая свои записи, Розанов стремился не к тому, чтобы как можно лучше выразить свою мысль, а к тому, чтобы поймать, схватить ее.

«У мысли есть зенит,— заметил однажды Л. Толстой.— Иногда схватишь ее, когда она только что выступает,— тогда она не будет так сильна, ясна, как в зените; иногда — когда она уже миновала зенит и слабеет».

В той или иной степени это знакомо каждому пишущему. И едва ли не главная трудность состоит в том, что, пока ты дошел до письменного стола, мысль уже прошла свой зенит. Она уже — не та. И вот тут-то и начинаются так называемые «муки слова», цель которых всегда в том, чтобы вернуть «ослабевшей», прошедшей свой зенит мысли всю ее силу и напряжение.

Сила Розанова в том, что он почти всегда ухитряется схватить мысль (или чувство), когда они — в зените. Поэтому так важны для него пометки; что вот эта мысль пришла ему в голову в вагоне, эта — на извозчике, эта — во время занятия нумизматикой. И он хватает эти мысли буквально на лету и записывает на чем попало — на газете, на папиросном коробке, даже на подошве ботинка.

Подражать Розанову невозможно. Ведь у него это — естественное проявление неповторимой художественной индивидуальности, а у любого другого литератора неизбежно превратится в литературный прием. К тому же чужой, заимствованный.

Мысли, приходившие в голову Василию Васильевичу Розанову, часто вызывают резкое несогласие, иногда даже ошеломляют. Что ж, соглашаться с Розановым необязательно. Можно даже возмущаться им, негодовать. Но не знать его — нельзя.

Предлагаем вашему вниманию отрывки из «Уединенного» (1912 г.) и «Опавших листьев» (1913 г.). В советское время книги эти ни разу не издавались.

В. РОЗАНОВ

УЕДИНЕННОЕ

умит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья,— без всего постороннего... Просто,— «душа живет»... т. е. «жила», «дохнула»... С давнего времени мне эти «нечаянные восклицания» почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить,— и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать.

Зачем? Кому нужно?

Просто — мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя»,— просто потому, что нравится. Как «без читателя» и издаю... Просто, так *нравится.* И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит ее в корзину (выгоднее, не разрезая и ознакомившись, лишь отогнув листы, продать со скидкой 50% букинисту).

Ну, читатель, не церемонюсь я с тобой,— можешь и ты не церемониться со мной:

— К черту...
— К черту!

И au revoir до встречи на том свете. С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждет, что ты ему положишь? В таком случае он имеет вид осла перед тем, как ему зареветь. Зрелище не из прекрасных... Ну его к Богу... Пишу для каких-то «неведомых друзей» и хоть «ни для кому»...

Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность.

Первое, как ни сядешь, чтобы *написать тó-то,*— сядешь и напишешь *совсем другое.*

Между «я хочу сесть» и «я сел» — прошла одна минута. *Откуда же* эти совсем другие мысли, на *новую тему,* чем с какими я ходил по комнате, и даже *садился, чтобы их именно* записать...

Как будто этот проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер. Мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя. Должно быть, по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи,— и ничего не рву; сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов; с жалостью, за величиной вороха, рву только свое,— с болью и лишь иногда.

(вагон).

Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя *с иностранцем.*

(на улице).

Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель....

. . . .

Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? почему? Кто знает? — меньше всего автор.

(за нумизматикой).

Малую травку родить — труднее, чем разрушить каменный дом.

Из «сердца горестных замет»: за много лет литературной деятельности я замечал, видел, наблюдал из приходо-расходной книжки (по изданиям), по «отзывам печати», что едва напишешь что-нибудь насмешливое, злое, разрушающее, убивающее,— как все люди жадно хватаются за книгу, статью.— «И пошлó и пошлó»... Но с какою бы любовью, от какого бы чистого сердца вы ни написали книгу или статью с *положительным содержанием,*— это лежит мертво, и никто не даст себе труда даже развернуть статью, разрезать брошюру, книгу.

— «Не хочется» — *здесь;* «скучно, надоело».
— Да чтó «надоело»-то? Ведь вы не читали?
— «Все равно — надоело. Заранее знаем»...
— «Бежим. Ловим. Благодарим» — *там.*
— Да за чтó «благодарите»-то? Ведь *пало* и *задавило,* или *падет* и *задавит?*
— «Все равно... Весело. Веселее жить». Любят люди пожар.— Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь *тонет* — в сущности любят смотреть: сбегаются.

Вот в чем дело.

И литература сделалась мне противна.

(за нумизматикой).

В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». *Труда* собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается.

(Луга — Петербург, вагон).

Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от *работы.*

(русские).

Читал о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенского («Русск. Мысль» 1911 г., лето): его душил какой-то долг в 1700 руб.; потом «процентщица бегала за мной по пятам, не давая покою ни в Москве, ни в Петербурге».

Он был *друг Некрасова и Михайловского.* Они явно не только уважали, но и *любили его* (Михайловский в письме ко мне).

Но тогда почему же не *помогли ему?* Что это за мрачная тайна? Тоже как и у почти миллионера Герцена в отношении Белинского. Я не защитник буржуа, и ни до них, ни до судьбы их мне дела нет; но и простая пропись и простой здравый смысл кричит: «отчего же это фабриканты *должны уступить рабочим машины и корпуса фабрик,*— когда решительно ничего *не уступили:* Герцен — Белинскому, Михайловский и Некрасов — Глебу Успенскому».

Это какой-то «страшный суд» всех пролетарских доктрин и всей пролетарской идеологии.

Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием.* И всякое выговаривание я хочу непременно *записать.* Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Потому что о печати не приходит мысль: и, следовательно, Гутенберг пришел «потом».

У нас литература так слилась с *печатью,* что мы совсем забываем, что она была *до* печати и в сущности вовсе *не для* опубликования. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя: и уже потом стала печататься. Но это — одна *техника.*

С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская вся — философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает Сологубовским зудом: «кого бы мне посечь».

Ницше почтили потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил в духе: «падающего *еще толкни»,*— его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.

(по прочтении статьи Перцова: «Между старым и новым»).

Л. Бакст. Портрет В. В. Розанова.

Литература есть самый отвратительный вид торга. И потому удвоенно-отвратительный, что тут замешивается несколько *таланта*. И что «торгуемые вещи» суть действительные духовные ценности.

(на обороте транспаранта).

Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и *Бог* начинался бы *не* с *правды* — он — *не* Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда.

(на обороте транспаранта).

9999999

Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха, ха!..

— Да, да! Никто этого не говорил: я — первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

— Ха, ха, ха...

— Ей-ей: это — *общее* религии... Все религии пройдут, а это останется: просто — сидеть на стуле и смотреть вдаль.

(23 июля 1911).

Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой,— и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

(вагон).

А для чего иметь «друга читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Нет, пишешь для себя.

— Зачем же печатаете?

— Деньги дают...

Субъективное совпало с внешним обстоятельством.

Так происходит литература. И только.

(Луга — Петерб., вагон).

Лежат в теплом песке после купанья — это в своем роде стоит философии.

И лаццарони, вечно лежащие в песке, почему не отличная философская школа?

(за нумизматикой).

Не додашь чего — и в душе тоска. Даже если не додашь подарок.

(Девочка на вокзале, Киев, которой хотел подарить карандаш-«вставочку»; но промедлил, и она с бабушкой ушла).

А девочка та вернулась, и я подарил ей карандаш. Никогда не видала, и едва мог объяснить, что за «чудо». Как хорошо ей и мне.

...там, может быть, я и «дурак» (есть слухи), может быть, и «плут» (поговаривают): но только той *широты* мысли, *неизмеримости* «открывающихся горизонтов» — ни у кого до меня, как у меня, не было. И «все самому пришло на ум»,— без заимствования даже иоты. Удивительно. Я прямо удивительный человек.

(на подошве туфли: купанье).

Запутался мой ум, совершенно запутался...

Всю жизнь посвятить на *разрушение того*, что *одно* в мире люблю: была ли у кого печальнее судьба.

(лето 1911).

Никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии, «воли к бытию». Я — самый не реализующийся человек.

Несколько прекрасных писем от Горького в этот год. Он прекрасный человек. Но если все другие «левые» так же видят, так же смотрят: то, прежде всего, против «нашего горизонта» — какой это суженный горизонт! Неужели это правда, что разница между радикализмом и консерватизмом есть разница между узким и широким полем зрения, между «близорукостью» и «дальнозоркостью». Если так, то ведь значит мы победим? Между тем, никакой на это надежды.

(лето 1911).

Да, может быть и неверен «план здания»: но уже оно бережет нас от дождя, от грязи: и как *начать рубить* его?

(вагон; о церкви).

Вот и совсем прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные...

Как все становится ненужно. Это главное ощущение старости. Особенно — вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка.

Каков же *итог* жизни?

Ужасно мало смысла. Жил, когда-то *радовался:* вот главное. «Что вышло?» Ничего особенного. И особенно как-то *ненужно*, чтобы что-нибудь «вышло». Безвестность — почти самое желаемое.

Что самое лучшее в прошедшем и давно прошедшем? Свой хороший или мало-мальски порядочный поступок. И еще — добрая встреча: т. е. узнание доброго, подходящего, милого человека. Вот это в старости ложится светлой, светлой полосой, и с таким утешением смотришь на эти полосы, увы, немногие.

Но шумные удовольствия (у меня немного)? так называемые «наслаждения»? Они были приятны только в момент получения и не имеют никакого значения для «потом».

Только в старости узнаешь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте — не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный «светлый гость» в «комнату» (в душу).

(глубокой ночью).

Да что́ же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок — «не очень», все с грешком, слабенькие. А *тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?* Хоронили *тут* мамашу, братцев: похоронят меня; будут тут же жениться дети; все — *тут...* Все *важное...* И вот люди надышали *тепла.*

Болит душа, болит душа, болит душа...

И что делать с этой болью — я не знаю.

Но только *при боли* я и согласен жить... Это есть самое дорогое мне и во мне.

(глубокой ночью).

9999999

...да, я приобрел «знаменитость»... О, как хотел бы я изодрать зубами, исцарапать ногтями эту знаменитость, всадить в нее свой гнилой зуб, последний зуб.

И все поздно...

О, как хотел бы я вторично жить, с единственной целью — *ничего не писать.*

Эти строки — они отняли у меня все; они отняли меня у «друга», ради которого я и должен был жить, хотел жить, хочу жить.

А «талант» все толкал писать и писать.

(глубокой ночью).

Как-то везут гроб с позументами и толпа шагает через «мокрое» и цветочки, упавшие с колесницы: спешат, трясутся. И я, объезжая на извозчике и тоже трясясь, думал: так-то вот повезут Вас. Вас-ча: живо представилось мне мое глуповатое лицо, уже тогда бледное (теперь всегда красное) и измученные губы, и бороденка с волосенками, такие жалкие, и что публика тоже будет ужасно «обходить лужи», и ругаться обмочившись, а другой будет ужасно тосковать, что нельзя закурить, и вот я из гроба ужасно ему сочувствую, что «нельзя закурить», и не будь бы отпет и вообще такой официальный момент, когда я «обязан лежать», то подсунул бы ему потихоньку папироску.

Знаю по собственному опыту, что именно на похоронах хочется до окаянства курить...

И вот, везут-везут, долго везут: «Ну, прощай, Вас.Вас., плохо, брат, в земле; и плохо ты, брат, жил: легче бы лежать в земле, если бы получше жил. С *неправдой-то*»...

Боже мой: как с *неправдой* умереть.

А я с *неправдой.*

(14 декаб. 1911).

Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы ее разрушить.

И как хорошо, что не удалось.

Да чем бы́ла бы *земля* без церкви? Вдруг обессмыслилась бы и похолодела.

Цирк Чинизелли, Малый театр, Художественный театр, «Речь», митинг и его оратор, «можно приволокнуться за актрисой», тот умер, этот родился, и мы все «пьем чай»: и мог я думать, что этого «довольно». Прямо этого я не думал, но косвенно думал.

(14 декаб. 1911).

Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать. И не хочется задерживать.

Как все изменилось *в смысле* соответственно этому *положению.*

Как теперь не хочется веселья, удовольствий. О, как не хочется. Вот *час*, когда добродетель слаще наслаждений. Никогда не думал, никогда не предполагал.

(21 декабря 1911).

Если кто будет говорить мне похвальное слово «над раскрытою могилою», то я вылезу из гроба и дам пощечину.

(28 декабря 1911).

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости.

(29 декабря 1911).

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое *переживание* переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается,— само *переживание* умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о, нет! оно — расхолаживает и останавливает. Говорю об оригинальном и прекрасном слове, а не о слове «так себе». От этого после «золотых эпох» в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость, бездарность. Народ делается как сонный, жизнь делается как сонная. Это было

и в Риме после Горация, и в Испании после Сервантеса. Но не примеры убедительны, а существенная связь вещей.

Вот почему литературы в сущности не нужно: тут прав К. Леонтьев. «Почему, перечисляя славу века, назовут все Гете и Шиллера, а не назовут Веллингтона и Шварценберга». В самом деле, «почему»? Почему «век Николая» был «веком Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не веком Ермолова, Воронцова и как их еще. Даже не знаем. Мы так избалованы книгами, нет — так завалены книгами, что даже не помним полководцев. Ехидно и дальновидно поэты назвали полководцев «Скалозубами» и «Бетрищевыми». Но ведь это же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература может быть и «кой-какая» — «на задворках».

Поэтому нет ли провиденциальности, что здесь «все проваливается»? что — не Грибоедов, а Л. Андреев, не Гоголь,— а Бунин и Арцыбашев. Может быть. М.б. мы живем в великом окончании литературы.

Писателю необходимо подавить в себе писателя («писательство», литературщину). Только достигнув этого, он становится писатель; не «делал», а «сделал».

Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь?

Неблагородством.

И — благородством.

И тем, что благородное всегда в унижении.

Свинство почти всегда торжествует. Оскорбляющее свинство.

Совершенно не заметили, что есть нового в «У<единенном>». Сравнивали с «Испов<едью>» Р<уссо>, тогда как я прежде всего не исповедуюсь.

Новое — *тон*, опять — манускриптов, «до Гутенберга», для себя. Ведь в средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература во многих отношениях была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга.

Моя почти таинственная действительная уединенность смогла это. Страхов мне говорил: «представляйте всегда *читателя*, и пишите, чтобы ему было совершенно *ясно*». Но сколько я ни усиливался представлять читателя, никогда не мог его вообразить. Ни одно читательское лицо мне не воображалось, ни один оценивающий ум не вырисовывался. И я всегда писал *один*, в сущности — для себя. Даже когда плутовски писал, то точно кидал в пропасть «и там поднимется хохот», где-то далеко под землей, а вокруг все-таки никого нет. «Передовые» я любил писать в приемной нашей газеты: посетители, переговоры с ними членов редакции, ходня, шум — и я «По поводу последней речи в Г. Думе». Иногда — в общей зале. И раз сказал сотрудникам: «Господа, тише, я пишу черносотенную статью» (шашки, говор, смех). Смех еще усилился. И было так же глухо, как *до*.

Поразительно впечатление *уже напечатанного*: «Не мое». Поэтому никогда меня не могла унизить брань напечатанного, и я иногда смеясь говорил: «Этот дур. Р-в всегда врет». Но раз Афонька и Шперк, придя ко мне, попросили прочесть уже изготовленное. Я заволновался, испугался, что станут настаивать. И рад был, что подали самовар и позвали чай пить (все добрая В.). Раз в редакции «Мир Искусства» — Мережковский, Философов, Дягилев, Протек, Нувель... Мережковский сказал: «Вот, прочтем *Заметку о Пушкине В.В.-ча*» (в корректуре верстаемого номера). Я опять испугался, точно в смятении, и упросил не читать этого. Когда в Рел<игиозно>-ф<илософском> обществе читали мои доклады (по рукописи и *при слушателях перед глазами*),— я бывал до того подавлен, раздавлен, что ничего не слышал (от стыда).

В противность этому смятению перед рукописью (*чтением* ее), к печатному я был совершенно равнодушен, что бы там ни было сказано, хорошо, дурно, позорно, смешно; сколько бы ни ругали, впечатление — «точно это *не меня вовсе, а другого ругают*».

Таким образом, «рукописность» души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне *тон* «У<единенного>», я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания. Можно рассказать о себе очень позорные вещи — и все-таки рассказанное будет «печатным»; можно о себе выдумать «ужасы» — а будет все-таки «литература». Предстояло устранить это опубликование. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной «печати» (халат, штаны) — и очутился «как в бане нагишом», что мне не было вовсе трудно. Только мне и одному мне. Больше этого вообще не сможет никто, если не появится *такой же*. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичные в лице и «почерках»).

Тут не качество, не сила и не талант, а sui generis generatio.

Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собой говорю: настолько постоянно и внимательно и *страстно*, что вообще кроме этого ничего не слышу. «Вихрь вокруг», *дышит* из меня и около меня,— и ничего не видно, никто не видит меня, «мы с миром не знакомы». В самом деле, дымящаяся головешка (часто в детстве вытаскивал из печи) — похожа на меня: ее совсем не видно, не видно щипцов, которыми ее держишь.

И Господь держит меня щипцами. «Господь надымил мною в мире».

Может быть.

(ночь).

Тайна писательства в кончиках пальцев, а тайна оратора в кончике его языка.

Два эти таланта, ораторства и писательства, никогда не совмещаются. В обоих случаях ум играет очень мало роли; это — справочная библиотека, контора, бюро и проч. Но не пафос и не талант, который исключительно *телесен*.

(21 ноября в праздник Введения. Любимый мой праздник,— по памяти милой Введенской церкви в Ельце).

Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов *шьют сапоги*. Токарничают. Плотничают.

«Сапогов» же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть. Сапоги носил сам Александр Сергеевич, и притом любил хорошие. Западник их и сошьет ему. И возьмет, *за небольшой и честный процент*, имение в залог, и вызволит «из нужды» сего «гуляку праздного», любившего и картишки и все.

Как *дух* — западничество ничто. Оно не имеет содержания.

Но нельзя забывать практики, практического ведения дел, всего этого «жидовства» и «американизма» в жизни, которые почти целиком нужно предоставить западникам, ибо они это *одни умеют в России*. И конституция, и сапог. Не славянофилы же будут основывать «Ссудно-сберегательную кассу» и первый «Русский банк». А он *тоже нужен*.

... окурочки-то все-таки вытряхиваю. Не всегда, но если с 1/2-папиросы не докурено. Даже и меньше. «Надо утилизировать» (вторично употребить остатки табаку).

А вырабатываю 12.000 в год, и конечно не нуждаюсь в этом. Отчего?

Старая неопрятность рук (детство)... и даже, пожалуй, по сладкой памяти ребяческих лет.

Отчего я так люблю свое детство? Свое измученное и опозоренное детство.

(перебрав в пепельнице окурки и вытряхнув из них табак в свежий табак) (на письме Ольги Ивановны).

Лучшее в моей литературной деятельности — что десять человек кормились около нее. Это определенное и твердое.

А мысли?..

Что же такое мысли...

Мысли бывают разные.

(вагон).

Год прошел,— и как многие страницы «Уед.» мне стали чужды: *а отчетливо* помню, что «неверного» (против состояние души) не издал ни одного звука. И «точно летел»...

Теперь — точно «перья» пролетевшей птицы. Лежат в поле одни. Пустые. Никому не нужные.

Не «мы мысли меняем как перчатки», но, увы, мысли наши изнашиваются, как и перчатки. Широко. Не облегает руку. Не облегает душу.

И мы не сбрасываем, а просто перестаем носить. Перестаем думать думами годичной старости.

Книга должна быть дорога. Книга не кабак, не водка и не гуляющая девушка на улице.

Книга беседует. Книга наставляет. Книга рассказывает.

Книга должна быть дорога.

Она не должна быть навязчива, она должна быть целомудренна.

Она ни за кем не бегает, никому не предлагает себя. Она лежит и даже «не ожидает себе покупателя», а просто лежит.

Книгу нужно уметь находить; ее надо отыскивать; и, найдя — беречь, хранить.

Книг не надо «давать читать». Книга, которую «давали читать» — развратница. Она нечто потеряла от духа своего, от невинности и чистоты своей.

«Читальни» и «публичные библиотеки» (кроме императорских, на всю империю, книгохранилищ) и суть «публичные места», развращающие города, как и дома терпимости.

Всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся.

Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа).

(на почтовой расписке).

Что такое «писатель»?

Брошенные дети, забытая жена и тщеславие, тщеславие...

Интересная фигура.

(засыпая).

Родила червяшка червяшку.
Червяшка поползала.
Потом умерла.

Вот наша жизнь.

(3-й час ночи).

У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства.

«Духовная нация»... «Во плоти чуть-чуть»...

От этого — наш нигилизм: «до нас ничего *важного* не было». И нигилизм наш постоянно радикален: «мы построяем все *сначала*».

Мало солнышка — вот все объяснение русской истории.

Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности (литература).

Мы не зажжем инквизиции. Зато тюремное ведомство — целое министерство.

(в клинике Ел. П.; курю, выйдя).

В 1895—6 году я определенно помню, что у меня не было тем.

Музыка (в душе) есть, а пищи на зубы не было.

Печь пламенеет, но ничего в ней не варится.

Тут моя семейная история и вообще все отношение к «другу» и сыграло роль. Пробуждение внимания к юдаизму, интерес к язычеству, критика христианства — все выросло из одной боли, все выросло из одной точки. Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было «литературы», а было «мое дело», и даже литература вовсе исчезла вне «отношения к моему делу». Личное перелилось в универсальное.

Да это так и есть на самом деле.

Отсюда моя неряшливость в литературе. Как же я не буду неряшлив в своем доме. Литературу я чувствую как «мой дом». Никакого представления, что я «должен» что-нибудь в ней, что от меня чего-то «ожидают».

Без веры в себя нельзя быть сильным. Но вера в себя разливается в человеке нескромностью.

Уладить это противоречие — одна из труднейших задач жизни и личности.

Неужели все, что идут по улицам, тоже умрут?

Какой ужас.

(переходя площадб перед цирком Чиниз., в страхе).

КУЛЬТУРА... ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Александр МИТТА

ПРОШУ СЛОВА!

Любим ли мы живопись? Странный вопрос. А наши музеи? А Эрмитаж? А Третьяковская галерея? И это первая естественная реакция: живопись — значит музей. Но разве место живописи только в музеях?

Живопись изгнана из обыденной жизни. Ведь музеи — для лучшего, отобранного временем, для потомков, школьников, поклонников искусства. А живопись нужна нам каждый день. И ведь в чем особый стыд: ее огромное количество. Она томится в тюрьмах запасников, в ссылке хранилищ. Портится, плесневеет, гибнет.

Между тем во всем мире развитых стран искусство окружает повседневную жизнь, проникает в жилища, общественные здания, и этот процесс динамичен. Сегодня в большинстве стран редко не увидишь значительного, престижного помещения, не облагороженного присутствием искусства.

В Токио на съемках фильма мы выбирали помещение, где происходит заседание правления фирмы. Надо сказать, что в Японии не принят наш ритуал собраний, когда все сидят рядами, как в кино или на концерте, а самые важные перед ними на сцене — показывают себя или смотрят на выступающих сбоку. Пожалуй, ни в какой фирме не найдешь и зала для этой цели. Японцам дика мысль, что может существовать обширное помещение, которое пустует в рабочее время и лишь иногда по вечерам заполняется сотрудниками. Непродуктивно...

Для заседания арендуют помещение на два-три часа. И заседают, сидя за большими круглыми столами со стаканами какого-нибудь очень легкого напитка и символической едой в виде воздушных палочек размером с мизинец. При этом возникает атмосфера кажущегося демократизма и раскованности. Такую смесь зрительного и ресторанного зала мне предстояло выбрать для съемок в одном из увеселительных районов Раппонги. Увеселительного потому, что после напряженного заседания все идут хорошо поужинать. Приняли, постановили — и по барам!

Заводят нас в самый престижный дом собраний. Там, наверное, залов 10—15 разных размеров, и на 500 человек, и на 50. Но фойе общее, и в нем я вижу скульптуру, явное подражание великому французу Бурделю. И думаю: «Все-таки японцы в искусстве низкопоклонники и имитаторы. Для престижа им нужно что-то под Европу». И, каюсь, в некотором тщеславном самоудовлетворении, что распознал образец имитации, подхожу поближе и обнаруживаю внизу бронзовой массы размашистую подпись «Бурдель». Музейный подлинник в ресторане? Быть этого не может. Поднимаю голову и над скульптурой вижу большую картину Пикассо. Два подлинника, достойных украсить столичный музей, в ресторане?! Ну, не совсем в ресторане. Это, в сущности, престижный дворец деловых заседаний. А престиж фирмы сегодня впрямую связан с ее культурным обликом. Поэтому большие фирмы платят за шедевры какие-то совершенно немыслимые суммы — 43 миллиона, 57 миллионов. И, оказывается, это себя оправдывает. Денег в мире стало очень много, а шедевров очень немного. И они, между прочим, дорожают. Так что облик музея для зала заседаний чрезвычайно престижен и доходен.

А как у нас? Ну, в страшном сне можно представить шедевр в ресторанном зале хотя бы «Метрополя»: заплюют, пробьют бутылкой. Но в Кремлевском Дворце съездов тоже нет ни одного шедевра живописи. И в Колонном зале Дома союзов нет. И в зале Чайковского нет собственной, пусть небольшой, коллекции шедевров. А ведь эти залы — визитные карточки нашей культуры. Визитные карточки Москвы. Вот в Берлине построен огромный дворец культуры трудящихся. Самые лучшие художники ГДР специально для этого дворца написали огромные прекрасные полотна. И эти полотна были заказаны им одновременно со строительством. Архитекторы предусмотрели их в проектах. И это хорошая, серьезная живопись, а не оформительская халтура.

А у нас, если уж архитектор предусмотрит в проекте что-нибудь изобразительное, то это из меню: «вечное по-дизайнерски» — мраморная мозаика или витраж с чеканкой, или эмаль метровых размеров — обязательно дорогостоящее и уж во всех случаях плакатно-декоративное, а не вступающее в контакт с человеческим духом в его сложных проявлениях. А где картины мастеров далекого и недавнего прошлого? Почему им нет места на стенах помещений, где мы собираемся тысячами? В Японии искусство видишь всюду, где скопляются люди. Открылся отель АНА японской авиакомпании, по-нашему — комплекс Аэрофлота и Интуриста. Куда ни повернешь голову — произведения искусства. На одном этаже большие полотна какого-то праздничного гулянья — декоративно-реалистические, нарядные и многокрасочные. На другом — загадочные медитативные абстракции, строгие и лаконичные. В стенах, в застекленных нишах — древние керамические сосуды, какие-то полуистлевшие древние ткани дивных расцветок. Я доехал на лифте до 15-го этажа и на каждом обнаружил оригинальные художественные произведения, вписанные в интерьер здания, они были частью архитектурного облика.

А у нас? Зайдите в парадный отель Интуриста «Украина». Там тоже есть картины, в облупленных рамах, почерневшие, постаревшие за тридцать лет, как за триста, но не ставшие лучше от времени. Видно, что куплены когда-то сразу, оптом, разве что не на вес. Идея о том, что живопись надо время от времени обновлять, что хорошо бы это дело доверить грамотным специалистам, похоже, далека от служб Интуриста, как сам он от Японии. Во всяком случае, в Ялте и Сочи в новых многомиллионных комплексах туризма и отдыха искусства практически нет. Так, эстампики, пейзажи местного худфонда. Пятый сорт. Идея иметь в своем помещении шедевр, чтобы гордиться им и повышать престиж, дика нынешним блюстителям нравственности и культурных контактов.

Когда-то мы думали, что можно поставить в парке задастую гипсовую девушку с веслом или пионерку под салютом, и этим выполнить норму окультуривания. Мы ошибались с большим уроном для себя. Искусство в жизни может ускорить нашу эволюцию, чтобы мы действительно стали людьми, достойными светлого будущего. Думаю, эта идея была в основе ленинского плана монументальной пропаганды. Недаром у ее истоков были Коненков и Матвеев, великие скульпторы прошлого.

Нет у нас ничего более безликого и унифицированного, чем должностные кабинеты. Их тысячи, тысячи и тысячи, совершенно одинаковых. Стол, стулья. Над головой фотография Ильича. Одна на все кабинеты. Будто других и не бывает. Ощущение личности в обстановке и атмосфере любого кабинета приближена к нулю. А ведь в этом пространстве проходит вся жизнь. Вся жизнь! Почему же принято главное место жизни человека делать безликим, стереотипным, просто никаким?

Суровый аскетизм кабинетов революционных лет понятен. Понятны портреты Ленина в кабинетах руководителей в конце двадцатых — начале тридцатых годов: все считали себя наследниками ленинских идей, разгорались споры. Портрет был знаменем.

Потом над всеми столами возник Сталин. Тоже понятно почему. Но почему сегодня самого маленького чиновника, самой малоответственной деятельности, осеняет Ленин, и не меньше? Можно подумать, что в соседней комнате увидим Плеханова или Кропоткина. Старые люди говорили «не поминай всуе имя господа». Ведь образ Великого Вождя Революции доведен до уровня обоев в присутственном месте! И в царской России портрет государя императора висел лишь в особых местах, далеко не всюду. Чиновник жаждет безликости, жаждет освящения своей деятельности всеми символами государственной власти. Что-то есть

в этом от той части прошлого, с которой мы стараемся расстаться.

Один раз в жизни я был в кабинете министра, где личность хозяина присутствовала в каждой мелочи. Было это в Венгрии в 7.30 утра. На этот час назначил прием Дьердь Ацел, государственный чиновник и ученый, философ-марксист, искусствовед. До начала служебных дел товарищ Ацел пригласил меня, чтобы поговорить о советском искусстве. Один стол в кабинете был завален раскрытыми книгами и рукописями в работе, другой — для чиновничьей деятельности, попросторнее и свободнее. В шкафах много книг с закладками, а не «мебельная литература» наших чиновников. И на стенах картины — портрет, два пейзажа — просто женский портрет и два венгерских пейзажа — холмы, хмурое небо! Как человечно, как тепло было от всего этого: книг, картин и кофе, заботливо сваренного пожилой секретаршей, и от умной беседы. Человек в этом кабинете проводил существенную, главную часть своей жизни. Он олицетворял человеческий облик власти, а не совершал должностные отправления с равнодушием придатка к циркулярам...

В Токио в здании телевизионной компании Ти-Би-Эс на стенах висят, что бы вы думали? Подлинные автографы Бетховена, Лонгфелло, Дюма, Ньютона, Эйнштейна... Ти-Би-Эс известна в мире высоким уровнем профессионализма своих программ и инициативами в развитии культурных контактов. Наверное, нелишне ее сотрудникам каждый день проходить мимо подлинных рукописей гениев человечества. И гости программ, думаю, не раз получили и необходимый творческий импульс, и соответствующий душевный настрой. А что до престижа... Тут и комментировать не хочется.

А что в нашем гигантском телецентре? Культурная пустыня. Сарай, набитый электроникой. Сотни миллионов на технику. А сколько на облик помещения? На создание культурной среды?

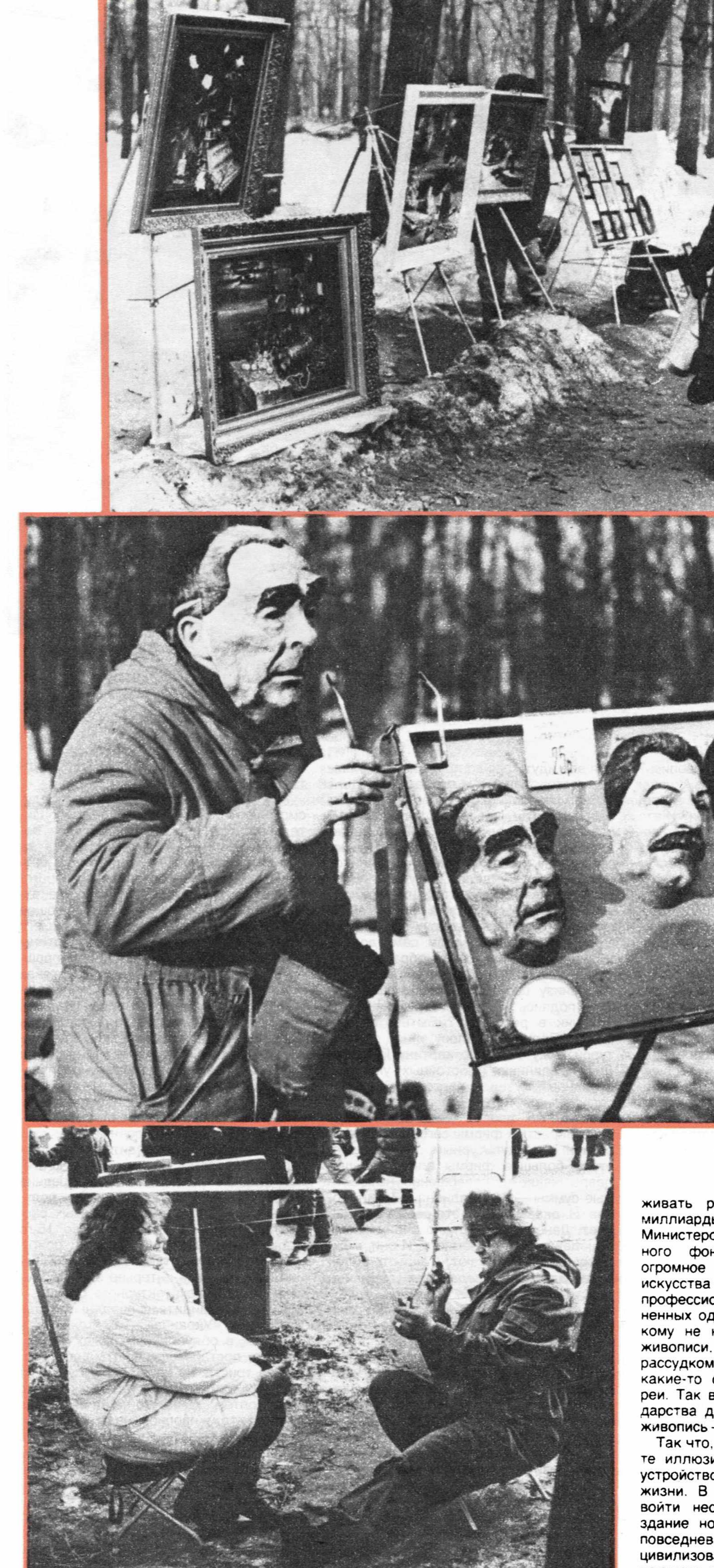
В Западном Берлине, городе, поднявшемся из развалин, в залах магистрата выставлены ценные предметы материальной культуры, старинная живопись в одном зале, современная в другом. В Моссовете не был, не звали. Но, по слухам, порадоваться нечему. Хотя город с 800-летней историей. Могли бы музей устроить в холлах, коридорах. Нет, не принято работать в культурной среде. Недавно представитель Союза кинематографистов в очередной раз пошел в Моссовет по поводу музея Тарковского и Кармена.

— Ну вот, только и забот, что купола золотить, да с вашей культурой заниматься,— раздраженно бросила чиновная дама.

Вам бы подумать, почему самая современная технология и самая высокая производительность труда существуют в тех странах, где существует самая развитая инфраструктура многовековой культуры. Там, где ее не уничтожали по разным сиюминутным поводам. В Японии, например, нельзя уничтожить ни один храм, как бы дряхл и древен он ни был. И нет варианта обойти этот нравственный закон. Нельзя перенести храм в лучшее место или сломать по дряхлости. Я видел храм, в котором полностью заменены все сваи и доски 19 раз. Но он таков, каким был много веков назад. На крышах многоэтажных деловых зданий можно видеть яркие деревянные домики. Что это? Храмы. Они стоят на том же месте, что и раньше. Только поднялись выше. Но не снесены! Преемственность создает культурный слой, на котором вырастает цивилизация. А мы живем в радостной наивности, что достаточно что-то уничтожить, кого-то перетасовать, и обязательно станет лучше. По-другому, может быть. Лучше — уже проблематично. Суету повседневности полезно поверять устоявшимися ценностями. А что лучше искусства дает нам ощущение нашей связи с прошлым?

И ведь для этого не надо перегораживать реки, отпускать добавочные миллиарды или миллионы. В запасниках Министерства культуры и Художественного фонда бессмысленно томится огромное количество произведений искусства — и талантливых, и просто профессиональных, разных, но объединенных одной горестной судьбой — никому не нужны. А страна живет без живописи, обманутая вздорным предрассудком, что для живописи нужны какие-то особые загоны: музеи, галереи. Так все просто: получили от государства деньги — миллионы, закупили живопись — и в запасники.

Так что, дорогие чиновники, не стройте иллюзий, будто можно лишь переустройством власти поднять уровень жизни. В это переустройство должно войти необходимым компонентом создание нового зримого облика нашей повседневной жизни. Облика общества цивилизованного, культурного, включающего в себя искусство как жизненно необходимый компонент.

ПЕРЕЛОМНЫЙ ВОЗРАСТ

Валентин БЕРЕСТОВ

Наш буйный век жесток и жесток,
Мечтами полон и жульем,
Как будто сотворил подросток
Тот мир, в котором мы живем,
Как будто, вырвавшись от мамы,
Жить жаждут взрослым вопреки
И президенты, и имамы,
Хотя они и старики,
И ибрагимы, и абрамы,
И правые, и леваки.
И как подросток, ищет порно
Тот, кто женат давным-давно.
У нас — эскизики в уборной,
У них — сексклавки и кино.
И сколько мыслей, столько бредней,
Побед отважных, страшных бед.
О Человек! Твой возраст средний —
Четырнадцать-пятнадцать лет.
Тинэйджер — скажут англичане.
Ты помышляешь о романе
С цивилизацией иной,
Любовью чистой и женой
И видишь в ней уже заране
Нездешний разум, неземной.
Разумны инопланетяне,
А ты чего такой шальной?
В земле, в преданиях священных,
Как неразгаданный привет
От обитаемых вселенных
Ты все пришельцев ищешь след.
И до забот обыкновенных,
И до расходов невоенных
Тебе порой и дела нет.
Марс блещет задней фарой алой.
О пыльный край промерзших скал!
Когда бы там нашлись каналы,
То ты уже туда б слетал,
Металл на войны б не метал.
Мать мало ценят в эти годы.
Не скорби видят в ней черты,
А той, привычной доброты.
Успеха ради, ради моды
Терпенье матери Природы
Все чаще искушаешь ты.
А дома — мусор, дым, отходы,
Шум, грязь, не политы цветы...
Так что же? Разнесем планету?
Отравим воды наших рек?
Друг друга превратим в калек?
Что можешь ты сказать на это,
Стократ воспетый и отпетый,
С заглавной буквы Человек?

ЛЕСНОЙ ПОЖАР В 1937 ГОДУ

Веткой осины луплю по огню.
Искры кусают босую ступню.
Мох дымится у ног.
Значит, кто-то поджег!
Под ногами земля горит.
Вот что классовый враг творит!
Может быть, этот враг коварный,
Чтобы мы доверяли ему,
Лихо тянет рукав пожарный,
Тонет в пламени и в дыму.
Дым валит по пням и кореньям,
И как будто весь лес в кострах.
Самый храбрый под подозреньем,
Самый добрый внушает страх.

ВИНТИКИ

Столы в Кремле трещат от снеди.
Пей, ешь и радуйся Победе.
Что скажет Вождь? На этот раз
Назвал он винтиками нас.
Мы все — я, ты, народ советский —
В его глазах — болты с нарезкой.
Мы в свете сталинских идей
Винты — и никаких гвоздей!
Но мысль Вождя — в тогдашнем стиле —
Льстецы, и те не подхватили.
Никто настолько не был туп,
Чтоб умилиться: «Я — шуруп!»
И не было нигде плаката,
Где б красовалась та цитата,
И песен не было о том,
Какое счастье — быть винтом:
Мол, в мире нет прочнее винтика —
Ввернул его, и с места сдвиньте-ка...
Так, не пуская в оборот,
Запомнил здравицу народ.

БУМАЖНЫЕ ПОЛОСКИ

Полоски из бумаги мать резала красиво
И, чтоб волна взрывная окно не разнесла,
Наклеила крест-накрест, чтоб ровно,
чтоб не криво
Полоски прилипали к поверхности стекла.
И с улицы на окна глядела так ревниво,
Чтоб люди не судили, чтоб красота была,
Как будто бы не бомбу, не смерть,
не грохот взрыва,—
Гостей из-за границы придирчиво ждала.

* * *

Нация... Замечу в скобках, братцы, я,
Уважая ваши убеждения,
Что слова «национальность», «нация»
Иностранного происхождения.
Лексика трибунно-кабинетная...
Сам народ в житейском обиходе
Скажет: «Бабы — нация зловредная!»
Или что-нибудь в таком же роде.

ДИОНИСИЙ

Двигались они к монастырю,
Он и ученик его Арсений,
Видя пред собою то зарю,
То свои возвышенные тени.
Тень его росла. А вместе с ней
Вырастал и замысел высокий:
«Ты представь, Арсений, мир теней,
Где царят святые и пророки.
Вот и нарисуй большую тень
И пресветлый лик, суровый с виду,
Ризою узорною одень
Или облеки его в хламиду,
Чтобы вечно с росписи цветной,
Скроенный по мерке человечной,
Говорил с живыми мир иной
О высоком и о жизни вечной».

ПЯТЬ СОНЕТОВ

Илья ФОНЯКОВ

ГОЛОС В ЗАБРОШЕННОЙ ЦЕРКВИ

Что ты задумал, зодчий молодой?
Зачем ты здесь с блокнотом и рулеткой?
Что будет здесь? Зал с волейбольной сеткой?
Бассейн с подогреваемой водой?

Кафе, где русской потчуют едой
Валютный люд: юнца с усмешкой едкой,
Седую даму с вечной сигареткой
И бизнесмена с рыжей бородой?

Коль предложить ты можешь лишь такое —
Оставь руины скорбные в покое:
Честней тогда, уж раз на то пошло,

Привычные разор и запустенье,
И в темных окнах — битое стекло,
И в трещинах — случайные растенья...

* * *

Газетная строка не умирает —
Лишь притворяется, что умерла:
Летит в корзину с мусором, дотла
В любом огне безропотно сгорает.

Но время что-то вдруг переиграет:
Извлечена из дальнего угла
Подшивка — до чего же тяжела!
Или обои в комнате сдирают,

А там, под ними — давние столбцы:
Как жили, как работали отцы.
И кто-то пятится с померкшим взором:

Былая слава кажется позором.
И кто-то подбегает, семеня:
«Глянь! Там чуть-чуть ругали и меня!»

СТАРИК С ГАЗЕТОЙ В СКВЕРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДКА

Старик читает в скверике газеты.
Как смело нынче пишут: там развал,
А там — прорыв... Да кто ж тут прозевал,
Недоглядел? Ау, виновный, где ты?

Какие там особые приметы!
У тех, кто указания давал,
Кто север кукурузой засевал —
По всем статьям чистейшие анкеты!

С войны, кого ни вспомни, все — свои,
Все, так сказать, Петровы-Ивановы,
Все представляют лучшие слои,

Все, как один, от корня, от основы.
Своя, родная, кровная беда.
Вздохнул старик: «Осилим. Как всегда».

СТАРИННАЯ ЖИВОПИСЬ

Давным-давно распавшийся уют.
И люди в мире этого уюта
Пластично расположены, как будто
Не разговаривают, а поют.

А зрители по выставке снуют,
Помедлят у холста две-три минуты —
И тайно улыбаются чему-то...
Ни дать ни взять — знакомых узнают!

И в самом деле, приглядеться если,
И мальчик с голубем, и старец в кресле,
И женщина с шитьем у камелька —

Все на кого-то, кажется, похожи:
Любой неповторим, и все же, все же —
Летят все те же лица сквозь века!

* * *

Блажен поэт — да только ли поэт,
Блажен любой, кто с веком не в разладе!
Вопрос едва поставлен, а ответ
Уже намечен в черновой тетради.

Не конформист, не циник, не эстет,
В журнале, на трибуне, на эстраде
Ты нужен людям, в том сомнений нет,
И о какой мечтать еще награде!

Но есть еще иная благодать:
Не совпадать и в такт не попадать,
Размахивать мечом тупым и ржавым,

И с двух сторон удары получать,
И, может быть, надолго замолчать —
И лишь посмертно оказаться правым!

РУССКИЙ Д

Мы предлагаем вашему вниманию отрывки из книги американского писателя, лауреата Нобелевской премии, Джона Стейнбека «Русский дневник», который в 1989 году полностью опубликует журнал «Знамя». «Русский дневник» — это заметки о путешествии писателя по Советскому Союзу в 1947 году. Вместе с фотографом Робертом Капой он побывал на Украине, в Москве, Сталинграде и Грузии. Цель поездки определил сам Стейнбек: «Это будет просто честный репортаж без комментариев,— писал он в начале книги,— без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны. Мы условились о следующем: не лезть на рожон и постараться, с одной стороны, не очень хвалить русских, с другой — не слишком их критиковать, а если и будем критиковать, то лишь после того, как сами это увидим, а не до того».

Надо сказать, Джон Стейнбек выполнил свое обещание, но, к сожалению, это стало причиной того, что судьба «Русского дневника» оказалась не самой счастливой. Скрупулезно точный репортаж Стейнбека о Советском Союзе не понравился ни в России, ни в Америке. Для тогдашнего СССР «Русский дневник» был пугающе реален, для тогдашних США недостаточно антисоветским.

Джон СТЕЙНБЕК

Но все же вокруг нашей поездки шла молчаливая борьба. В настоящее время в Советский Союз можно приехать только в качестве гостя какой-то организации или для выполнения какой-то определенной работы. Мы не были уверены, занимается ли нами Союз писателей или же ВОКС*, и не были уверены, что они сами это знают. По всей вероятности, обе организации стремились свалить эту сомнительную честь друг на друга. В одном мы были убеждены: мы не хотели получать аккредитацию постоянных корреспондентов с соответствующими корреспондентскими правами, так как в этом случае мы попали бы под контроль Министерства иностранных дел. Правила МИДа очень строги в отношении корреспондентов, и если уж мы стали бы его подопечными, то не смогли бы выехать из Москвы без специального разрешения, которое очень редко выдается. Мы не смогли бы свободно путешествовать, и, кроме того, наш материал подлежал бы проверке цензурой МИДа. Этого всего мы не хотели, тем более что нас предупредили американский и английские корреспонденты в Москве и мы увидели, что их репортерская деятельность сводится в большей или меньшей степени к переводу русских газет и журналов и пересылке этого перевода, и даже в этом случае цензура зачастую убирала большие куски из их телеграмм. Иногда цензура вела себя вообще смешно. Один раз американский корреспондент, описывая Москву, отметил, что Кремль

* Всесоюзное Общество Культурных Связей.

имеет форму треугольника. Позже он увидел, что это место вырезано из его статьи. Конечно же, никаких правил, которым нужно было бы следовать, не существовало, но корреспонденты, прожившие в Москве долгое время, уже приблизительно знали, о чем они могут писать, а о чем нет. Эта вечная борьба между цензурой и корреспондентами продолжается.

Деятельность корреспондентов была еще больше урезана недавним постановлением, которое приравнивало разглашение сельскохозяйственных, промышленных и демографических показателей к разглашению военной информации. В результате никто не мог узнать никаких цифр относительно любого производства в России. Обо всем шла речь в процентах. А без основного показателя это вам ничего не дает. Например, вам не могут сказать, сколько тракторов выпустил такой-то тракторный завод, но вы можете узнать, что это, к примеру, составляет 95 % от уровня 1939 года. Если вы знаете, сколько машин было выпущено в 1939 году, вы получите достаточно точную цифру, но если у вас нет другого показателя, вы пропали. Иногда это выглядит просто смешно. Если, например, кто-то спрашивает, каково сейчас население Сталинграда, то ему ответят, что оно составляет 87 % от довоенного уровня. Следовательно, затем надо узнать, сколько народу жило в Сталинграде до войны, и высчитать, сколько там проживает сейчас.

Между московскими корреспондентами и цензурой ведется постоянная война, и мы совершенно не хотим быть вовлечены в нее.

В это время со своих ленинградских каникул на пушном аукционе возвратился Джо Ньюмен. Мало того, что Джо хороший товарищ, он еще и очень полезный человек. Он работал в Японии и Аргентине. И это прекрасно подготовило его к московской обстановке. У него появилось одно хорошее качество в результате того, что он долгое время провел в странах, где прямота — чрезвычайно редкое явление: он выработал нюх на нюансы и намеки. Он может прочитать то, что нужно, между строк, и, кроме того, он очень мягкий человек. Если этому не научиться, то скоро просто сойдешь с ума. Мы очень обязаны ему за информацию и все то, чему он нас научил.

Мы зашли в американское посольство и здесь столкнулись с тем, чего я никогда прежде нигде не встречал. В то время как в большинстве посольств бесконечен поток туристов и посетителей, в московское посольство практически никто не приходит. Некому. Здесь нет туристов. Вообще очень мало американцев приезжают в Москву. И хотя у нас довольно большое посольство в Москве, общаться его сотрудники могут только между собой или с сотрудниками других посольств, поскольку для русских общение с иностранцами довольно ограничено. В этой обстановке напряженности даже не возникает сомнения в том, что русские не желают, чтобы их видели с сотрудниками американского посольства, и это вполне понятно. Один представитель нашего посольства объяснил это мне так. Он рассказал, что говорил с чиновником госдепартамента, который приехал в Москву и жаловался, что никак не мог пообщаться с русскими. Человек из посольства сказал:

— Представьте себе, что в Вашингтоне вы узнаете — одна из ваших секретарш встречается с кем-то из русского посольства. Что вы сделаете?

Чиновник госдепартамента ответил:

— Как что — я выгоню ее немедленно.

— Ну, вероятно, так же думают и русские,— сказал дипломат.

Американский посол генерал Смит пригласил нас на ужин, мы увидели, что это умный и осторожный человек, который отчаянно пытался сделать все возможное для улучшения отношений между двумя странами. И надо признать, что работает он в очень трудных условиях, потому что на дипломатические службы иностранных государств распространяются такие же ограничения, как и на корреспондентов. Им не разрешается выезжать из Москвы, они не могут путешествовать по стране, ходить в дома к русским они могут крайне редко. И дело не в том, что это запрещено,— просто их не приглашают. А если кто-то приглашает русского, то обязательно что-то случается. Либо русский болен, либо не может прийти, либо его нет в городе. Очень жаль, но так получается. И жаль, что в некоторых отношениях подобные вещи происходят и в Америке.

У нас сложилось мнение, что русские — худшие в мире пропагандисты собственного образа жизни, что у них самая скверная реклама. Взять, к примеру, иностранных корреспондентов. Обычно журналист едет в Москву с доброй волей и желанием понять то, что увидит. Но он сразу же подвергается всяким ограничениям и просто не в состоянии выполнять свою работу. Постепенно у него меняется настроение, и он начинает ненавидеть систему не как саму систему, но как препятствие для своей работы. И нет способа быстрее настроить человека против чего бы то ни было. В конце концов журналист начинает злиться и нервничать из-за того, что ему не дают выполнять то, ради чего его послали. Человек, который не в состоянии делать свое дело, обычно ненавидит причину, мешающую ему. Посольские сотрудники и корреспонденты чувствуют себя изолированными и одинокими, они живут на острове посередине России, и неудивительно, что они озлобляются и становятся необщительными.

Это замечание в адрес Отдела печати МИДа вставлено для оправдания журналистов, постоянно работающих в Москве. У нас была возможность делать многое из того, что им запрещено. Но если бы в наши обязанности входила, как у них, передача новостей, то МИД взял бы нас под свою опеку и мы тоже не смогли бы выехать за пределы Москвы.

А так ВОКС предоставил нам переводчика, что было для нас очень важно, поскольку мы не могли даже прочитать вывеску на улице. Нашей переводчицей была молодая, миниатюрная и очень хорошенькая девушка. По-английски она говорила превосходно. Она окончила Московский университет, где изучала историю Америки. Она была проворна, сообразительна, вынослива. Ее отец был полковником Советской Армии. Она очень помогала нам не только потому, что прекрасно знала город и хорошо справлялась с делами, но еще и потому, что, разговаривая с нею, можно было представить себе, о чем думает и говорит молодежь, по крайней мере московская. Ее звали Светлана Литвинова. Ее имя произносилось Суит*-Лана, это имя так очаровало нас, что мы решили разделить его. Мы пробовали говорить Суит генерал Смит, Суит Гарри Трумэн, Суит Карри Чапмен Катт, но ни одно из них не привилось. В конце концов мы остановились на Суит Джо Ньюмене, и это, казалось, стало его постоянным именем. С тех пор его и зовут Суит-Джо.

Суит-Лана была просто сгустком энергии, работоспособности. Она вызывала для нас машины. Она показывала нам то, что мы хотели посмотреть. Это была решительная девушка, и ее взгляды были такими же решительными, как и она сама. Она ненавидела современное искусство во всех его проявлениях. Абстракционисты были для нее американскими декадентами; экспериментаторы в живописи — также представителями упадочного направления; от Пикассо ее тошнило; идиотскую картину в нашей спальне она назвала образцом декадентского американского искусства. Единственное искусство, которое ей действительно нравилось, была фотографическая живопись девятнадцатого века. Мы обнаружили, что это не ее личная точка зрения, а общее мнение. Мы не думаем, что на художника оказывается какое-то давление. Но если он хочет, чтобы его картины выставлялись в государственных галереях, а это единственный существующий вид галерей, то он и будет писать картины с фотографической точностью. Он не станет, во всяком случае, в открытую экспериментировать с цветом и линией, не будет изобретать новую технику и вообще не станет использовать субъективный подход к своей работе. Суит-Лана высказывалась на этот счет весьма категорично. Так же яростно спорила она и по другим вопросам. Через нее мы узнали, что советскую молодежь захлестнула волна нравственности. Это было что-то похожее на то, что происходило у нас в Штатах в провинциальных городишках поколение назад. Приличные девушки не ходят в ночные клубы. Приличные девушки не курят. Приличные девушки не красят губы и ногти. Приличные девушки одеваются консервативно. Приличные девушки не пьют. И еще приличные девушки очень осмотрительно себя ведут с парнями. У Суит-Ланы были такие высокие моральные принципы, что мы, в общем, никогда не считавшие себя очень аморальными, на ее фоне стали казаться себе весьма малопристойными. Нам нравится, когда женщина хорошо накрашена и когда у нее стройные лодыжки. Мы предпочитаем, чтобы она пользовалась тушью для ресниц и тенями для век. Нам нравится ритмичная музыка и ритмическое пение без слов, и мы обожаем смотреть на красивые ножки кордебалета. Для Суит-Ланы все это являлось признаками декадентства и капиталистического образа жизни. И это было мнение не только одной Суит-Ланы. Такими взглядами отличались все молодые люди, с которыми мы

* Суит — милая, сладкая.

встречались. Мы отметили одну довольно интересную вещь — отношение к подобным вещам наших наиболее консервативных и старомодных общественных групп во многом совпадало с принципами советской молодежи.

Суит-Лана была очень опрятной и аккуратной, ее одежда была проста, добротно сшита и хорошо на ней сидела. А если она вела нас в театр или на балет, то надевала маленькую вуальку на свою шляпку. За время нашего пребывания в Советском Союзе Суит-Лана стала терпимее относиться к нашему декадентству. И наконец, когда мы накануне отъезда устроили маленькую вечеринку, Суит-Лана сказала:

— Я работала со многими людьми, но еще ни с кем мне не было так интересно.

Ее знание американской истории, полученное в университете, было обширным и, с советской точки зрения, научным. Она знала по истории то, о чем мы никогда не слышали, но изучала она это, конечно, исходя из положений марксистской критики, и поэтому знакомые нам события в ее изложении приобретали странное и чуждое звучание. Хотя, скорее всего, наше знание русской истории показалось бы ей таким же странным. Мало-помалу мы начали ей немножко нравиться, несмотря даже на наше декадентство. Ведь мы все-таки немного отличались от большинства туристов, с которыми ей приходилось работать. Но иногда, случалось, она вылезала из своей скорлупы серьезной советской девушки и позволяла немного развлечься — конечно, не по-декадентски.

Нам не терпелось разобраться в психологии таких, как она, и постепенно мы кое-что поняли. Молодым людям в Советском Союзе внушают, что им предстоит сделать очень многое, больше, чем они могут выполнить, что практически у них не останется времени для развлечений. Между ними идет постоянное соревнование. Среди тех, кто сдает школьные экзамены, выигрывает получивший высшую оценку: обладатель высшей оценки получает аттестат. Желающих поступить в вузы гораздо больше, чем мест, поэтому и здесь соперничество очень велико. Почет и вознаграждения повсюду отдаются самому деятельному человеку. Бывшие заслуги или влияние папы или дедушки в счет не идут. Положение человека полностью зависит от его ума и трудоспособности. И хотя, с одной стороны, советские молодые люди ведут себя несколько напряженно и страдают отсутствием чувства юмора, зато работают они хорошо.

Суит-Лана привезла нас на Ленинские горы, и с этой высоты мы увидели весь город, увидели Москву, огромный город, который простирался до самого горизонта. По небу плыли черные кучевые облака, но солнце пробивалось из-под них и отсвечивало на золотых куполах Кремля. Это город больших новых зданий и старых маленьких деревянных домиков с деревянными кружевами вокруг окон, любопытный город с изменчивым настроением и со своим характером. Точных цифр относительно его населения я не знаю, но говорят, что между шестью и семью миллионами.

Мы не спеша поехали обратно в город. На обочинах росла капуста, а по обе стороны дороги был высажен картофель. Москва еще не рассталась с тем, что у нас называлось «военными огородами» — у каждого был свой участок, засаженный капустой и картофелем, и владельцы яростно защищали свои угодья. За то время, что мы находились в Москве, двух женщин приговорили к десяти годам исправительных работ за то, что они украли из огорода три фунта картошки.

На обратном пути в Москву большая черная туча накрыла нас и пролилась дождем над городом.

Вероятно, самое сложное в мире для человека — просто наблюдать и принимать окружающее. Мы всегда искажаем картину нашими надеждами, ожиданиями и страхами. В России мы увидели многое, с чем не соглашались и чего не ожидали, и именно поэтому хорошо, что у нас с собой был фотоаппарат — ведь он без предвзятости запечатлевает то, что видит.

Нам пришлось пожить в Москве, пока мы ждали разрешения выехать из города и поездить по стране.

Нас пригласили на встречу с временным руководителем Отдела печати. Он был одет в серую форму с квадратными погонами Министерства иностранных дел. У него были ярко-голубые, как бирюза, глаза.

Капа темпераментно говорил о фотосъемках. До этого времени он не имел возможности снимать. Собеседник заверил нас, что сделает все, чтобы как можно скорее получить для нас разрешение на фотографирование. Наша встреча была официальной и вежливой.

Потом мы отправились в Музей Ленина. Зал за залом — кусочек человеческой жизни. Мне кажется, что в мире не найдется более задокументированной жизни. Ленин, по всей вероятности, ничего не выбрасывал. В залах и в застекленных витринах можно видеть его записки, чеки, дневники, манифесты, памфлеты; его карандаши и ручки, его галстуки, одежда — все здесь. А на стенах развешаны большие картины, на которых изображены эпизоды из его жизни, с самого детства. Каждое событие революции, в котором он принимал участие, также отражено на гигантских полотнах. На стенах его книги, высеченные из белого мрамора, названия — в бронзе. Здесь находятся статуи Ленина, изображающие его в разных позах, а позже к нему присоединяется фигура Сталина. Но во всем музее нельзя найти изображения Троцкого. Троцкий, как учит русская история, перестал существовать и вообще никогда не существовал. Такой исторический подход нам непонятен. Это та история, которую хотелось бы иметь, а не та, что была на самом деле. Нет никакого сомнения в том, что Троцкий оказал огромное историческое влияние на русскую революцию. Не представляет никакого сомнения также и тот факт, что его смещение и изгнание имели большое историческое значение. Но для русской молодежи его никогда не было. Для детей, которые ходят в Музей Ленина и наглядно знакомятся с историей революции, Троцкого, хорошего ли, плохого ли, никогда не существовало.

В музее толпился народ. Здесь были группы советских солдат, дети, туристы из разных республик; каждую группу водил гид; своей указкой он или она показывали экспонаты, о которых шла речь.

Пока мы там были, в зал вошла большая группа сирот, родители которых погибли во время войны. Мальчики и девочки от шести до тринадцати лет, чистенькие и принаряженные. Они шли по залам и рассматривали широко открытыми глазами документированную жизнь покойного Ленина. Они с удивлением рассматривали его меховую шапку и пальто с меховым воротником, его ботинки; столы, за которыми он писал, стулья, на которых он сидел. Все, что касается этого человека, находится здесь, все, за исключением его юмора. И ничто здесь не говорит о том, что за всю свою жизнь он хоть раз подумал о смешном и легком, рассмеялся от всего сердца, что ему было действительно весело. Уверен, что все это было, но скорее всего история запрещала обнародовать эту сторону жизни.

В музее приходит в голову мысль, что Ленин сам осознавал, какое место в истории он занимает. Он не только сохранял каждый клочок своих мыслей и записей, здесь были еще сотни его фотографий. Его фотографировали везде, в любых ситуациях, в разном возрасте, будто бы он предвидел, что в один прекрасный день будет открыт музей, который назовут Музеем Ленина.

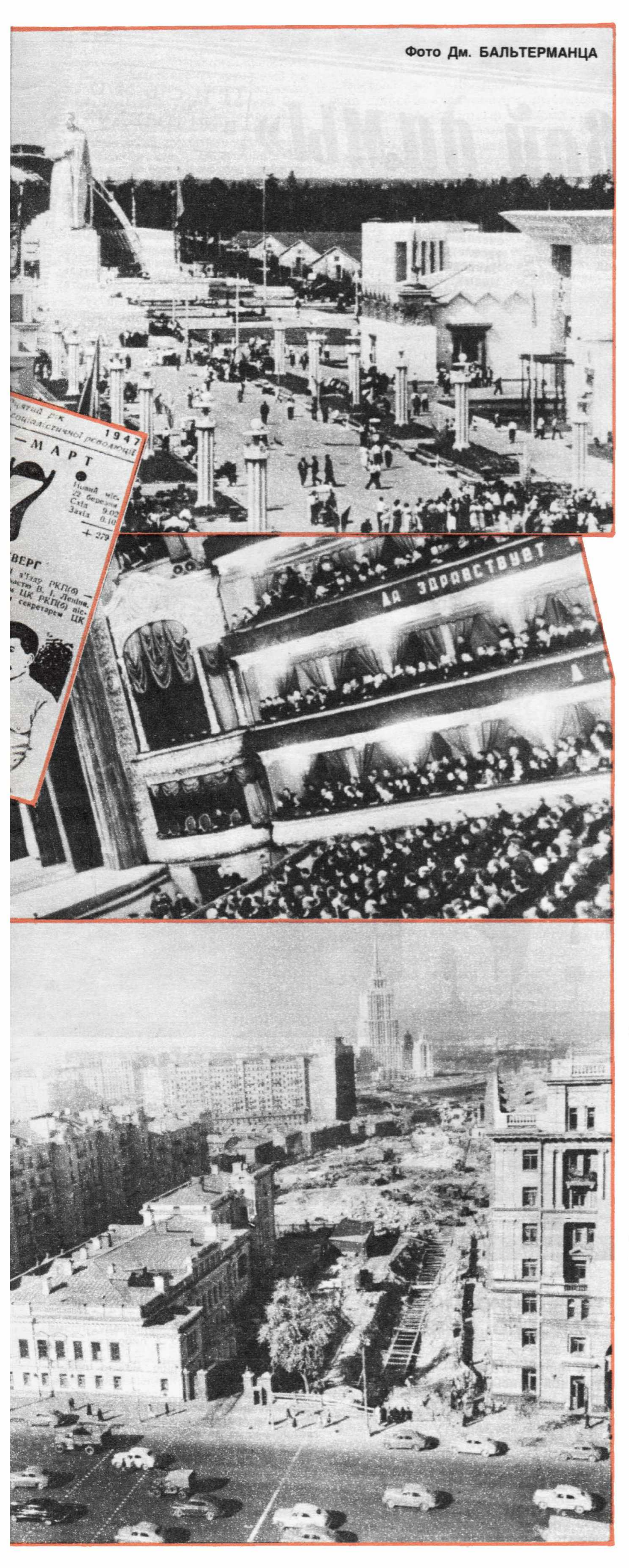

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Здесь царит тишина. Люди разговаривают шепотом, а гиды с указками говорят нараспев, будто читают молитву. Потому что этот человек перестал быть для русских просто человеком. Он уже не во плоти, а в камне, бронзе, мраморе. Лысую голову и остроконечную бородку можно видеть повсеместно в Советском Союзе. Прищуренные глаза внимательно смотрят с холста и гипса.

* * *

Все в Советском Союзе происходит под пристальным взглядом гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока. Его портрет висит не то что в каждом музее — в каждом зале музея. Его статуи установлены в фасаде каждого общественного здания. А его бюст — перед всеми аэропортами, железнодорожными вокзалами и автобусными станциями. Бюст Сталина стоит во всех школьных классах, а портрет часто висит прямо напротив бюста. В парках он сидит на гипсовой скамейке и обсуждает что-то с Лениным. Дети в школах вышивают его портрет. В магазинах продают миллионы и миллионы его изображений, и в каждом доме есть, по крайней мере, один его портрет. Одной из самых могучих индустрий в Советском Союзе является, несомненно, рисование и лепка, отливка, ковка и вышивание изображений Сталина. Он везде, он все видит. Концентрация власти в руках одного человека и его увековечивание внушают американцам чувство неприязни и страха, им это чуждо и ненавистно. А во время общественных празднеств портреты Сталина вырастают до немыслимых размеров. Они могут быть высотой в восьмиэтажный дом и 50 футов шириной*. Его гигантский портрет висит на каждом общественном здании.

Мы разговаривали об этом с некоторыми русскими и получили разные ответы. Один ответ заключался в том, что русский народ привык к изображениям царя и царской семьи, а когда царя свергли, то необходимо было чем-то его заменить. Другие говорили, что поклонение иконе — это свойство русской души, а эти портреты и являются такой иконой. А третьи — что русские так любят Сталина, что хотят, чтобы он существовал вечно. Четвертые говорили, что самому Сталину это не нравится и он просил, чтобы это прекратили. Но нам казалось, что то, что не нравится Сталину, исчезает мгновенно, а это явление, наоборот, приобретает более широкий размах. Какова бы ни была причина, очевидно одно: все в России постоянно находится под сталинским взором — улыбающимся, задумчивым или суровым. Это одна из тех вещей, которую американец просто не в состоянии понять. Есть и другие портреты и другие скульптуры. И по размеру фотографий и портретов других лидеров можно приблизительно сказать, кто за кем идет после Сталина. Например, в 1936 году вторым по величине был портрет Ворошилова, сегодня, несомненно, Молотова.

В Америке есть не одна сотня домов, где ночевал Джордж Вашингтон, а в России много мест, где работал Иосиф Сталин. На стене железнодорожных мастерских в Тифлисе висит украшенная цветами гигантская мемориальная доска, на которой написано, что здесь когда-то работал Иосиф Сталин. Сталин — грузин по рождению, и Гори, место, где он родился, в семидесяти километрах от Тифлиса, уже стал национальной святыней. Мы собрались туда.

Езда в джипе всегда создает ощущение большей скорости, чем на самом деле, но путь все равно показался довольно долгим. И снова мы проехали через продуваемый ветром перевал, через другие перевалы и вот, наконец, прибыли в город Гори. Город расположен в горах. Над ним возвышается высокая, уединенная, округлая гора в центре города, и наверху — большая крепость, которая однажды защитила город и стала укрытием для его жителей. Крепость сейчас в руинах. Это город, где Сталин родился и провел ранние годы.

Место, где родился Сталин, оставлено та́к, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра сделан из цветного стекла. Сталин родился в крошечном одноэтажном домике, построенном из оштукатуренных камней, с двумя комнатами и верандой по всему фасаду. И все же семья Сталина была так бедна, что все теснились в половине дома, в одной комнате. Через дверь протянут шнур, но каждый может заглянуть внутрь, увидеть кровать, небольшой платяной шкаф, маленький стол, самовар, кривую лампу. В этой комнате семья жила, готовила еду и спала. Шатер из цветного стекла опирается на квадратные золоченые мраморные колонны. Все это сооружение находится в большом розовом цветнике. За цветником расположен музей Сталина, где представлено все, что только можно было найти, из предметов, связанных с его детством и юностью,— ранние фотографии, картины обо всем, что он делал, полицейские фотографии, сделанные, когда он был арестован. В то время он был очень красивым парнем с дикими горячими глазами. На стене — огромная карта, где отмечены его перемещения, тюрьмы, где он был заключен, и места его ссылки в Сибири. Здесь же его книги, бумаги и передовые статьи, которые он писал для маленьких газет. Его жизнь была последовательной — с самого начала он повел линию, которую продолжает по сей день.

Во всей истории нет человека, кого бы так почитали при его жизни. В этом отношении можно разве что вспомнить цезаря Августа, но мы сомневаемся, имел ли цезарь Август при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шепотом и ходили на цыпочках. В тот день ответственной по музею была очень хорошенькая молодая девушка, и после прочитанной лекции она пошла в сад, срезала розы и преподнесла каждому из нас по бутону. Все тщательно спрятали цветы, чтобы сберечь их как сокровище в память о святом месте. Нет, во всей истории мы не знаем ничего, что можно было бы с этим сравнить.

Если при жизни Сталин обладает такой властью, то чем он станет, когда умрет? Во многих речах, которые нам пришлось выслушать в России, ораторы вдруг приводили цитату из Сталина в качестве окончательного доказательства справедливости своей мысли — точь-в-точь как средневековые схоласты, когда хватывались за цитату из Аристотеля. В России слово Сталина — истина в последней инстанции, и что бы он ни сказал — никто не возразит. И это непреложный факт, чем бы ни пытались это объяснить — пропагандой, воспитанием, постоянным напоминанием, повсюду присутствующей иконографией. И ощутить это в полной мере можно, когда услышишь, как слышали мы много раз:

— Сталин никогда не ошибался. За всю свою жизнь он не ошибся ни разу.

И человек, который говорит такое, преподносит это не как аргумент — это неопровержимо, он говорит это, как абсолютную истину вне всяких аргументов.

Перевод с английского Екатерины РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

* 50 футов — около 15 метров

Письмо в «Правду»

В защиту «Пиковой дамы»

Готовится чудовищная акция! Ее жертва — шедевр гения русской музыки П. И. Чайковского. Не в первый раз поднимается рука на несравненное творение его — «Пиковую даму». Предлог — будто либретто не соответствует Пушкину. Эдакие самозванцы, душеприказчики Пушкина. Какая демагогия! Ведь даже детям известно, что либретто оперы не может точно соответствовать оригиналу: поэма или роман — это одно, а либретто — это совсем другое. Оно относится к опере, то есть другому жанру.

Если встать на точку зрения этих лжепушкинистов, то судебный иск следует предъявить всем либреттистам всех опер.

Подобную вивисекцию можно проделать, к примеру, и с гениальнейшим творением Верди «Отелло». Там тоже большие разно...

...нужным словом — «современность».

Придет ли кому-нибудь в голову (разве только сумасшедшему) под тем или иным предлогом переписать Рафаэля, Да Винчи, Рубл...

Ча...
До...
инд...
вел...
куль...
знач...
вый...
свят...
вой, ...
Онеги...
тоже...
киным...
Утве...

его все же текст не удовлетворял. Но ведь музыкой-то своей он был доволен! Он был уверен, что написал хорошую вещь. ...

хор на текст «тра-ля-ля лям, нам, нам, нам, нам»! (Это, очевидно, для того, чтобы удовлетворить «недовольство» Чайковского старым текстом). Целый ряд номеров переор... (для защиты Пуш... Чайковского-

ция разрушения памятника русской культуры. Кроме того, создается опасный прецедент для любителей «горяченького», а также еще встречаются.

Не проявили ли соответствующие органы попустительство этому издевательству над русской классикой?

Все, кому дорого великое ... русской культуры, ... протестовать про... ...ности в обра... ...ссикой и ...

ПИКОВАЯ ДАМА

ПИКОВАЯ ДАМА ОЗНАЧАЕТ ТАЙНУЮ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ.

УВЕРТЮРА

«СТАТЬЯ 70 УК РСФСР. АНТИСОВЕТСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА.

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

Акт I

ПИСЬМО НАРОДНОГО АРТИСТА

11 марта 1978 года «Правда» под рубрикой «Письмо в «Правду» напечатала нижеследующее.

«В ЗАЩИТУ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Готовится чудовищная акция! Ее жертва — шедевр гения русской музыки П. И. Чайковского. Не в первый раз поднимается рука на несравненное творение его — «Пиковую даму». Предлог — будто либретто не соответствует Пушкину. Эдакие самозванцы, душеприказчики Пушкина. Какая демагогия! Ведь даже детям известно, что либретто оперы не может точно соответствовать оригиналу: поэма или роман — это одно, а либретто — это совсем другое...

Подобную вивисекцию можно проделать, к примеру, и с гениальнейшим творением Верди «Отелло»... Прекрасный повод обвинить либреттиста Бойто в искажении Шекспира, пригласить какого-нибудь авангардиста-композиторишку, чтобы дописать и исправить Верди...

Придет ли кому-нибудь в голову (разве только сумасшедшему) под тем или иным предлогом переписать Рафаэля, Да Винчи, Рублева, улучшать помпейские фрески, приделать руки Венере Милосской, исправить Адмиралтейство или храм Василия Блаженного?

А ведь затея с оперой Чайковского — то же самое. Допустить это — значит дать индульгенцию за разрушение великого наследия русской культуры. Допустить это — значит благословить крестовый поход на то, что нам свято. Ведь следующей жертвой, очевидно, будет «Евгений Онегин» Чайковского, ибо там тоже «несоответствие» с Пушкиным. А дальше...

Утверждение, будто П. И. Чайковский был недоволен либретто своего брата Модеста, является чистейшей фальсификацией. Если бы его не удовлетворял текст, то вряд ли одним дыханием, за сорок дней с небывалым вдохновением, восторгом и слезами был бы написан этот шедевр оперного искусства.

Чайковский пережил, выстрадал каждый такт, каждую ноту этого потрясающего творения. Он рыдал и ликовал...

Он был уверен, что написал хорошую вещь. Так кто же дал право любителям зарубежных сенсаций под ложно сфабрикованным предлогом «осовременивания» классики истязать, уродовать эту гениальную музыку и тем самым четвертовать душу Чайковского, породившую ее?!

Мог ли думать Петр Ильич, когда теплыми флорентийскими ночами трепетал от нахлынувшего вдохновения, что его любимое детище, вершина оперного жанра, как мы справедливо считаем, будет превращено в американизированный мюзикл?

Мог ли он допустить, отдавший всю жизнь свою до последней капли любимой России, что падет жертвой «новаторов»?

Вся опера перекорежена...

В изумительной сарабанде теперь будет петь мужской хор на текст «тра-ля-лялям, нам, нам, нам, нам»!..

Характерно, что выброшено все, связанное с русским фольклором и поэзией народного быта, воспетыми Пушкиным.

Хочется спросить у этих «новаторов»: вам не нравится работа братьев Чайковских? В чем же дело? Возьмите поэму Пушкина и напишите оперу по вашему представлению. Создавайте. Посмотрим, что из этого выйдет. Но не разрушайте созданное! Не паразитируйте на живом, совершенном организме.

Разве позволительно советским гражданам устраивать средневековое аутодафе над обожаемым советским народом, любителями музыки всей земли Чайковским, выступая в роли инквизиторов? Разве пристойно предавать нашу святыню ради мелких интересиков дешевой заграничной рекламы?..

Это преднамеренная акция разрушения памятника русской культуры...

Не проявили ли соответствующие органы попустительство этому издевательству над русской классикой?

Все, кому дорого великое наследие русской культуры, не могут не протестовать против безнравственности в обращении с русской классикой и не осудить инициаторов и участников издевательства над шедевром русской оперы.

Альгис ЖЮРАЙТИС.
Народный артист РСФСР, дирижер Большого театра СССР, лауреат Государственной премии СССР».

Здесь процитирована большая часть письма — и зачин, и кульминация, и апофеоз концовки. Желающие перечесть полностью вольны обратиться к подшивке.

В письме не названо ни одного имени. Кто этот «композиторишка», кто эти жуткие истязатели, вивисекторы, инквизиторы, предатели святынь и где они разложили костер? Троекратное «русской» в последней фразе буквально заставляет читателя оглядываться в поисках антирусских злодеев.

Но гадать не надо. Чуть ниже справка от редакции.

«СПРАВКА. Опера П. И. Чайковского «Пиковая дама», «осовремененная» композитором А. Шнитке, готовится к постановке в Париже режиссером Ю. Любимовым. Дирижер Г. Рождественский...»

Да еще художник-постановщик Давид Боровский, в «справке» не упомянутый. Они увлеклись «мелкими интересиками дешевой заграничной рекламы». Хоть и непонятно, зачем искать дешевой популярности тому, у кого уже есть мировая слава?

А самое невероятное, что это «письмо» появилось **не после премьеры, а до первой репетиции.**

МЕМУАРЫ ДИРЕКТОРА ГРАНД-ОПЕРА

В своей книге «Каждый ждет праздника для себя» многолетний руководитель Гранд-Опера Рольф Либерман посвятил истории с «Пиковой дамой» отдельную главу. Он пишет, что в декабре 1976-го решил пригласить на постановку Юрия Любимова и Геннадия Рождественского, для чего обратился к министру культуры СССР и в советское посольство в Париже.

Через два месяца (из контекста ясно полное недоумение перед столь долгим ожиданием), 15.02.77 пришел ответ *.

«Уважаемый господин Либерман, мы приветствуем вашу инициативу, надеемся на успешное развитие связей и предлагаем Ю. Григоровича для постановки балета «Ромео и Джульетта» и Любимова с Рождественским для постановки «Пиковой дамы». Надеемся, что в 1979/80 г. будут проведены обменные гастроли между Гранд-Опера и Большим».

«Так начался странный диалог между парижской Оперой и Минкультом в Москве»,— пишет Либерман.

Последовали переговоры.

Май 1977. Рождественский в Стокгольме рассказывает Либерману концепцию Любимова: приблизить либретто к Пушкину, убрав лишние пассажи; в свое время нечто подобное делали Мейерхольд и Самосуд, ставя «Пиковую даму» в Ленинграде в 1935-м.

Ноябрь 1977. Любимов и Боровский в Париже обсуждают постановку. Либерман пишет, что ему кажется, «сдвинута гора — так сложно и тяжело это досталось». И еще: «чувство, будто мне одному это нужно».

Декабрь 1977. Руководитель Гранд-Опера озабочен, что договор не подписан, обменивается телеграммами с министром культуры СССР. Шнитке в Париже вносит сокращения в партитуру в соответствии с сокращениями текста.

16.02.78. Любимов и Боровский по телефону сообщают, что их приезд откладывается.

В тот же день приходит телеграмма Минкульта:

ИЗМЕНЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧАТ МНЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ. ИЗМЕНЕНИЯ ВЫЗВАЛИ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР. ЕЩЕ РАЗ ОБСУДИМ. НАДЕЕМСЯ НА ПОНИМАНИЕ, ИБО НАС ЗАБОТИТ СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО БОГАТСТВА. НЕ ХОТИМ ПРЕРЫВАТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Итак, «Пиковая дама» отложена. Гранд-Опера срочно готовит «Ромео и Джульетту». Либерман пишет:

«К моему удивлению, этот господин (Жюрайтис, дирижер «Ромео и Джульетты».— **А. М.**) оказался очень заинтересован всем, что касалось «Пиковой дамы», особенно изменениями. Он очень хотел увидеть сокращения. Мы отклонили его просьбу, объяснив, что это только проект, а не окончательное решение. Посетив нотную библиотеку, Жюрайтис опять просил, и опять партитуру ему не дали, сказав, что это его не касается».

1.03.78. Телеграмма руководителя Гранд-Опера в Министерство культуры СССР:

ПОЛУЧИЛ ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ О ЗАДЕРЖКЕ ВЫЕЗДА ЛЮБИМОВА, ШНИТКЕ, РОЖДЕСТВЕНСКОГО, БОРОВСКОГО. НАДЕЮСЬ, ВОПРОСЫ БУДУТ РЕШЕНЫ. ОЖИДАЕМ ПРИЕЗДА ЛЮБИМОВА, ШНИТКЕ, РОЖДЕСТВЕНСКОГО, БОРОВСКОГО И ПОДПИСАННЫЙ ДОГОВОР, ОБСУЖДЕННЫЙ В МОСКВЕ И ОДОБРЕННЫЙ...

11.03.78. Публикация письма Жюрайтиса в «Правде».

Либерман пишет: «Я убежден, что Жюрайтис воспользовался отсутствием ответственных работников библиотеки, чтобы ознакомиться с партитурой и повредить своим коллегам, обвинив их интеллигентную работу в надругательстве над Чайковским».

13.03.78. Телеграмма из Парижа — Любимову:

ОБЕСПОКОЕНЫ ОТСУТСТВИЕМ ИЗВЕСТИЙ. ЖДЕМ С НЕТЕРПЕНИЕМ. СООБЩИТЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? ПОЧЕМУ ПРЕРВАНЫ ВСЕ КОНТАКТЫ? ЧИТАЛИ ЖЮРАЙТИСА В «ЮМАНИТЕ». ЖДЕМ МНЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО КАК ОТВЕТСТВЕННОГО ЗА МУЗЫКУ. ИМЕЮ ПИСЬМЕННОЕ СОГЛАСИЕ ПОПОВА НА ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ И НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО СОВЕТСКОЕ МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ТАКИМ ОБРАЗОМ УЖЕ ТРИ МЕСЯЦА ДЕРЖИТ НАС В ПОДВЕШЕННОМ СОСТОЯНИИ, НЕСМОТРЯ НА НАШИ РАСХОДЫ, ДОСТИГШИЕ УЖЕ ОКОЛО 4 000 000 ФРАНКОВ. ЖДУ СРОЧНОГО ОТВЕТА ИЛИ ЧЕРЕЗ ГОСКОНЦЕРТ, ИЛИ ЧЕРЕЗ ПОСОЛЬСТВО.

21.03.78. Телеграмма Министерства культуры СССР в парижскую Оперу.

...К ГЛУБОКОМУ СОЖАЛЕНИЮ, ВЫНУЖДЕНЫ ИНФОРМИРОВАТЬ, ЧТО МИНКУЛЬТ НЕ МОЖЕТ ДАТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ, Т. К. ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕКСТЕ «ПИКОВОЙ ДАМЫ» ЗАТРАГИВАЮТ НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. КАК ВАМ СООБЩИЛИ, ЭТА ПРОБЛЕМА ЗАТРОНУЛА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. ВЫДАЮЩИЕСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ ИЗ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ, КАК ВЫ УЖЕ ЗНАЕТЕ ИЗ ПРЕССЫ, ОТВЕРГАЮТ КОНЦЕПЦИЮ ИНСЦЕНИРОВКИ И МУЗЫКАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ. ЧЛЕНЫ ПОСТАНОВОЧНОЙ ГРУППЫ СООБЩИЛИ МИНИСТЕРСТВУ КУЛЬТУРЫ, ЧТО ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА В ТАКОЙ СИТУАЦИИ НЕВОЗМОЖНА. МИНКУЛЬТ НЕ ВИДИТ НИ ВОЗМОЖНОСТИ, НИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ПОЭТОМУ НЕ МОЖЕТ ДАТЬ СОГЛАСИЕ НА ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА МЕЖДУ ГОСКОНЦЕРТОМ И ОПЕРОЙ. МЫ СООБЩАЛИ НА ВАШ ЗАПРОС СОГЛАСИЕ НА РАБОТУ ЛЮБИМОВА, НО ОЖИДАЛИ ДРУГОГО РЕЗУЛЬТАТА. ДОВОЛЬНЫ СОТРУДНИЧЕСТВОМ В ОТНОШЕНИИ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ» И ГОТОВЫ ПРОДОЛЖАТЬ, И ДАЖЕ ПРЕДЛАГАЕМ ДРУГИХ СОВЕТСКИХ ОПЕРНЫХ ХУДОЖНИКОВ ДЛЯ РАБОТЫ НАД «ПИКОВОЙ ДАМОЙ».

Эту телеграмму Либерман комментирует одной фразой: «Неужели они не могли придумать ничего получше».

КОММЕНТАРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

24 марта 1978 года «Монд» публикует письмо «Советы против права на оригинальность». Подписали: Эжен Ионеско, Натали Саррот, Серж Лифарь...

Спустя несколько дней после появления письма Жюрайтиса в "Правде" французская «Фигаро» дает статью

«ПИКОВАЯ ДАМА» В ТУПИКЕ

Будет ли поставлена «Пиковая дама» в Опере Юрием Любимовым, Альфредом Шнитке и Геннадием Рождественским? Этот вопрос возникает в связи с кампанией, начатой в самой Москве советским дирижером Альгисом Жюрайтисом против его трех соотечественников. Как мы писали, эти три деятеля искусств всегда были в полуопале у коммунистических властей, которые, возможно, лишь искали предлога для того, чтобы помешать их прибытию в Париж...

С другой стороны, Рольф Либерман выразил удивление по поводу того, что дирижер Альгис Жюрайтис, который сейчас дирижирует балетом «Ромео и Джульетта» во дворце Гарнье, смог узнать о подготовительных работах, макеты которых Рождественский и Любимов продемонстрировали в парижской Опере. Он провел расследование, в связи с которым написал письмо Жюрайтису и передал копию своего письма советскому посольству.

Вот фрагмент этого письма: «Мне казалось, что я выразился достаточно ясно, когда вы попросили у меня возможности ознакомиться с партитурой «Пиковой дамы» в той версии, которую мы намерены представить в Опере в июле 1978 года.

Я ответил на вашу просьбу категорическим отказом. Поэтому вам будет вполне понятно то удивление, с каким я узнал, что в нарушение моих распоряжений вы отобрали у служащего, которому была поручена переписка нот, партитуру «Пиковой дамы» против его воли... позвольте мне сказать, что я считаю недопустимым ваше поведение в доме, который принял вас самым гостеприимным образом. Я буду благодарен вам, если вы будете входить во дворец Гарнье лишь в те моменты, когда требуются ваши услуги, т. е. на представления «Ромео и Джульетты»...

17 апреля 1978 года «Франс нувель» печатает статью Ж. Пуле

НАПРИМЕР, ЛЮБИМОВ

Может ли существовать в социалистическом обществе государственная точка зрения на способ постановки «Пиковой дамы» или «Тартюфа»?..

...Кто нам может сказать, как Мольер играл Мольера?..

РАССКАЗ ХУДОЖНИКА

Для постановочной группы все происходящее было полнейшей неожиданностью. Художник «Пиковой дамы» Давид Боровский рассказывает:

— Прочитав «Правду», мы с Любимовым оторопели, но особого значения не придали, не подумали, что последуют санкции. Не поняли, что статья в «Правде» — это не просто так. Что набрал силу механизм. Подумаешь, мнение дирижера — противно, конечно, но ведь чистейшая глупость. Храмы взрывали и — ничего, никто не беспокоился. А тут написано так, будто мы единственный экземпляр партитуры решили сжечь. Глупость. Единственное, что было страшно,— оскорбление Шнитке. Рождественский — крупнейший дирижер, Любимову и мне — плевать. Шнитке же гораздо менее защищен.

В тот день я должен был встретиться с Ефремовым. Приехал к нему во МХАТ. На столе «Правда», Олег Николаевич белый ходит по кабинету. Он-то сразу понял что к чему. Его опыт говорил, что тут дело совсем не в «Пиковой даме». Он сразу спросил, знаю ли я Шнитке,— знаю, говорю. «А он согласится написать музыку к «Утиной охоте»? Давай ему позвоним, давай телефон». Набирая номер, спросил, как зовут Шнитке,— они же не были знакомы. «Альфред Гарриевич, это Ефремов говорит...» И Шнитке стал автором музыки к мхатовскому спектаклю в тот же день, как нас «Правда» разнесла.

Потом нас вызвали в Министерство культуры. Принимали три зама Демичева — Барабаш, Попов, Кухарский и некто Куржиямский — музыкальное начальство. И нас четверо. Мы чинноблагородно объясняли этим людям, чего мы хотим. Сидят, представьте, Рождественский, Любимов, Шнитке и Боровский и в доступной для начальства форме пытаются растолковать, что хотят вернуться к Пушкину... что Мериме... что клавесин... что нет криминала... Примеры приводили: «Жизнь за царя», «Кармен-сюита»... И все еще были уверены, что нас пожурят, скажут: ну, вы там не очень-то! — и тем дело кончится. Ведь Гранд-Опера — не шутейное дело, там уже декорации готовят, миллионы вбуханы...

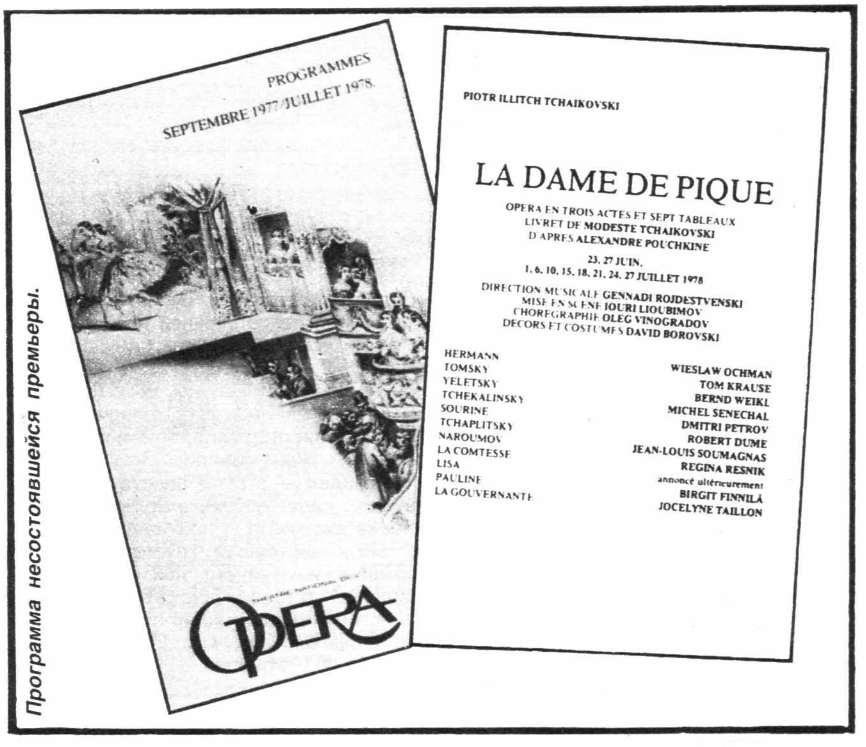
А ведь было нам, дуракам, знамение! Мы с Любимовым приехали на улицу Куйбышева к Минкульту, вылезаем, а к нам здоровенный гаишник. Видно, Любимов плохо поставил машину. И только началось разбирательство, как вдруг гаишник нас бросает, бежит в свою будку и замирает. А мимо медленно скользит огромная черная машина, и мы видим за стеклом острый профиль — Суслов! Господи! Такой вялый, злой взгляд. «Старуха!» — нас так и передернуло. Переглянулись мы, вспомнили эпиграф...

Боровский замолчал.

Я сидел и думал, что только художникам небо посылает такие потрясающие ассоциации. Кому еще главный идеолог страны явится в образе мертвой старухи из «Пиковой дамы». Но сколько же сил уходит у наших художников на борьбу с безумными чиновниками. Разве сегодня написал бы Чайковский «Пиковую даму», разве пустили бы его сочинять во Флоренцию? Да заклеймили бы братьев Чайковских за подготовку неслыханного надругательства над Пушкиным. А вот поди ж ты, дали оперу создать.

Ахматова прекрасно написала в «Слове о Пушкине»: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочай-

* Тексты даются в переводе из книги Либермана.

Программа несостоявшейся премьеры.

шего двора, министры, аншефы и неаншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий».

Боровский с трудом вспоминал фамилии замминистров. И я ничем не мог ему помочь.

Акт II

ПРАВДОИСКАТЕЛИ

Оскорбленные художники написали главному редактору «Правды».

«Прочитав в номере «Правды» от 11 марта письмо А. Жюрайтиса «В защиту «Пиковой дамы», мы решили привести некоторые фактические данные о нашей работе над оперой Чайковского:

1. Жюрайтис не знаком со сценическим замыслом будущего спектакля Гранд-Опера, постановка которого поручена нам Министерством культуры СССР.

2. Письмо Жюрайтиса написано на основе поверхностного знакомства с черновым вариантом клавира, находящимся в Гранд-Опера. В данное время в Министерстве культуры СССР находится окончательный вариант клавира, Жюрайтису незнакомый.

3. Если бы Жюрайтис внимательно ознакомился с клавиром (даже находящимся в Гранд-Опера), то убедился бы в том, что ни одной ноты не было сочинено за Чайковского. В соответствии с постановочным планом, предполагающим по ходу спектакля чтение отрывков из повести А. С. Пушкина в переводе П. Мериме, возникла необходимость введения музыкальных интермедий. Однако эти интермедии представляют собой не «нов. музыку», а лишь повторение тем оперы (исполняемых на клавесине). Это отмечается и в письменном отзыве на эту работу Главного управления музыкальных учреждений Министерства культуры СССР.

4. Что касается вопроса о сокращениях и изменениях в принципе — Жюрайтис, как работник Большого театра, не может не знать о том, что многие оперы и балеты, входящие в репертуар театра, даются со значительными сокращениями и досочинениями, а иногда и в переоркестровке...

5. Мы сократили несколько хоровых эпизодов. Вот суждение о них самого композитора:

«То, что Вы говорите о первой сцене в Летнем саду, совершенно верно; я тоже очень боюсь, как бы это не вышло несколько опереточно, балаганно». (Письмо Великому князю Константину от 5.VIII.1890 г.)

«Я решительно не желаю, чтобы исполнялись хоровые нумера из «Пиковой», ибо они или не имеют законченности и не могут исполняться отдельно, или же (как хоры в третьей картине) суть рабское подражание стилю прошлого века и суть не сочинение, а как бы заимствование. Вообще же хоры в этой опере не важны, имеют второстепенное значение...» (Письмо к П. И. Юргенсону от 12.XI.1890 г.)

6. Знакомство с клавиром не может давать Жюрайтису оснований для утверждений о том, что «целый ряд номеров» переоркестрован — для этого нужна была бы партитура, однако никакой партитуры этих переоркестрованных номеров не существует — ибо ни один номер не переоркестрован и не предполагался к переоркестровке...

В данном случае мы руководствуемся иными правилами, чем Жюрайтис, позволяющий себе улучшать оркестровку того же самого Чайковского («Лебединое озеро», финал Шестой симфонии), душу которого мы «четвертовали». Очевидно, душа Бородина, с точки зрения Жюрайтиса, менее уязвима — иначе он вряд ли позволил бы себе исполнять на своих концертах в Японии Ноктюрн из Второго квартета Бородина в собственном переложении для струнного оркестра и... маракасов...

Весьма приблизительно знаком Жюрайтис с обстоятельствами написания оперы и эпистолярным наследием П. И. Чайковского, об этом свидетельствует хотя бы упоминание о «теплых флорентийских ночах». В письмах и дневниках композитора преобладают жалобы на холод (например, «холода стояли все страшные; говорят, что не запомнят в такое близкое к весне время такого продолжительного холода»)...

10. Классику действительно искажать нельзя. Но суждение о непоставленном спектакле равносильно суждению о книге по черновикам. Если у Жюрайтиса возникла тревога за судьбу шедевра русской музыки, он мог обратиться за разъяснением к нам, а не торопиться с публикацией своего оскорбительного по тону и искажающего факты письма в авторитетнейшем печатном органе — газете «Правда», тем самым вводя в заблуждение редакцию газеты и ее многомиллионного читателя.

В свете изложенных нами фактов и пояснений хотелось бы спросить Жюрайтиса: что он имеет в виду, заявляя о «чудовищной акции», «крестовом походе на то, что нам свято», об «американизированном мюзикле», об «издевательстве над русской классикой», «мелких интересиках дешевой заграничной рекламы», любителях «горяченького» и т. д. и т. п.?

Письмо Жюрайтиса производит странное впечатление, оно пронизано нетерпимостью и злобой и по духу полностью противоречит нормам нашей общественной жизни, этике профессиональных отношений.

Ю. П. Любимов,
Г. Н. Рождественский,
А. Г. Шнитке».

Послал свое письмо в «Правду» и Боровский, который — единственный из всех — практически закончил свою часть работы (макет уже давно стоял в Опере).

«Уважаемый товарищ Редактор, с удивлением прочитал опубликованное в газете письмо «В защиту «Пиковой дамы» (от 11 марта). Пишет Вам один из «преступников» и участников «чудовищной акции», художник спектакля «Пиковая дама» Давид Боровский. Не сочтите за нескромность мое письмо — мол, редакция пропустила мою фамилию в справке, лишив меня участия в этом историческом документе. Дело в совершенно ином — не только в ощущении моей полной ответственности за «искажение» Чайковского, а в том, что письмо в «Правду», подписанное дирижером А. Жюрайтисом, может вызвать и вызывает самые невыигрышные ассоциации. Сам патетически-демагогический тон письма, почему-то не насторожевший сотрудников редакции, пренебрежительное и оскорбительное отношение к таким выдающимся деятелям нашей культуры, как дирижер Г. Рождественский и режиссер Ю. Любимов («некоторые деятели от искусства»), к композитору А. Шнитке («композиторишка») говорят о том, что дело вовсе не в критике, не в профессиональных разногласиях по поводу того, как сегодня ставить классику. По сути, письмо пытается сделать нашу работу поводом для кампании, мало общего имеющей с проблемами современного советского искусства. Ну, как тут не вспомнить, к примеру, известную статью о Шостаковиче «Сумбур вместо музыки», критические, вот уж действительно аутодафе, в адрес Мейерхольда, Таирова. Мне кажется, что такая практика ведения и «разрешения» художественных споров, осужденная во многих статьях в «Правде»,— достояние прошлого и вряд ли принесет какую-либо пользу для нашего искусства.

Удивляет и тон письма и справка от редакции, создающая впечатление полной солидарности газеты с положениями письма. Удивляет и атмосфера скандала вокруг работы, которая еще не реализована и находится в процессе создания. Я не думаю, что после письма в газете последуют отклики «руки прочь от «Пиковой дамы», но хотелось бы узнать мнение редакции по затронутым в моем письме вопросам.

С уважением к ПРАВДЕ, член Союза художников СССР
Давид Боровский».

ПИСЬМО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Главному режиссеру театра драмы и комедии на Таганке Ю. П. Любимову.

Уважаемый Юрий Петрович!

«Правда» получила и Ваше (с коллегами) письмо и письмо Давида Боровского. Внимательно изучив письма, «Правда» решила их не печатать. Главная причина в том, что у нас нет убеждения в Вашей искренности. Вам, наверно, хорошо известно, что место любого черновика — в кармане или в столе автора. Ваш же «черновик» оказался в нотной библиотеке. Странно, не правда ли?

И еще одно обстоятельство: «Правда» печатает оригинальные вещи. Вы же прислали нам копию. Где же оригинал?

Кстати, о содержании Вашего письма в «Правду» знают многие в Москве — от студентов до академиков. Ваша бурная деятельность в защиту собственного «новаторства» достойна удивления и известного восхищения. Но кому все это на пользу? Уверен, что не стране, не партии, членом которой Вы являетесь.

И, наконец, последнее: вряд ли солидно действовать против своих оппонентов по методу — «сам такой». Зачем вспоминать все прегрешения А. Жюрайтиса, уточнять, тепло или холодно было в дни, когда Чайковский создавал свой шедевр, повесть или поэма А. С. Пушкина и т. д. Это выглядит мелочным.

На письмо А. Жюрайтиса «Правда» получила сотни откликов. Увы, в Вашу пользу — ни одного. Авторы писем считают, что калечить то, что дорого народу, недозволено даже Вам — большому новатору и реформатору.

Лучших Вам пожеланий, новых творческих успехов.
Главный редактор «Правды»
В. Афанасьев».

ОПЯТЬ ПРАВДОИСКАТЕЛИ

«Уважаемый Виктор Григорьевич!

Мы прочитали ответ, посланный Вами Ю. П. Любимову. Но он писал Вам не один — мы также являемся авторами письма. Где же ответ нам?

Так как мы его по сей день не получили, то позволяем себе побеспокоить Вас еще раз, в надежде все-таки дождаться ответа на весьма важные для нас вопросы. Вам, вероятно, хорошо известно, что до премьеры все письменные материалы к будущей постановке являются черновиками и доступ к ним дозволен лишь тем, кто имеет непосредственное отношение к работе (в данном случае — Министерство культуры СССР, работники парижской Оперы, приглашенные артисты и постановщики). Заглядывание в чужие черновики не слишком этично (как и заглядывание в чужой карман или письменный стол). Тем более неэтичен печатный разнос будущей постановки, репетиции которой даже не начинались. Однако все это было дозволено Жюрайтису. Странно, не правда ли? Письмо, подписанное Жюрайтисом, появилось в тот момент, когда Министерство культуры вместе с нами только лишь еще уточняло музыкальную редакцию будущей постановки. Опубликование письма, подписанного Жюрайтисом, газетой «Правда» оказало моральное давление на Министерство культуры и вынудило последнее отказаться от нашего участия в постановке «Пиковой дамы» в Париже, о чем ясно сказано в письме Министерства культуры директору парижской Оперы Р. Либерману. Последствия этого шага Вам, вероятно, известны. Но кому это все на пользу? Во всяком случае, не стране, не газете «Правда», авторитет которой должен быть незыблемым, и уж никак не разрядке международной напряженности, существенной частью которой, как всем хорошо известно, являются культурные связи.

Посылая Вам подписанное тремя постановщиками письмо, содержащее подробно аргументированное опровержение наглой дезинформации, заключенной в опубликованном газетой «Правда» письме, подписанном Жюрайтисом, мы, естественно, рассчитывали, что наши аргументы будут либо признаны, либо опровержены. Но они оказались просто остав-

лены без внимания — как «неискренние». Если наша неискренность столь очевидна, то, вероятно, нас легко и опровергнуть. Однако никаких возражений по существу в своем ответе Ю. П. Любимову Вы не приводите.

Вряд ли именно мы в этом абсурдном инциденте заслуживаем упрека в мелочности. Мы глубоко оскорблены и бесстыдно оболганы в письме, подписанном Жюрайтисом, и наше неотъемлемое право — опровергать всяческую ложь, содержащуюся в письме, как крупную, так и мелкую.

И, наконец, последнее: в своем ответе Ю. П. Любимову Вы сообщаете, что редакция газеты «Правда» не получила ни одного отклика своих читателей в нашу пользу. Однако мы располагаем копиями писем в редакцию газеты «Правда», резко осуждающих гнусное письмо, подписанное Жюрайтисом, присланных нам самыми различными авторами — людьми, профессионально занимающимися вопросами искусства, и его многочисленными любителями. Удивительно, что именно эти письма, судя по Вашему ответу Ю. П. Любимову, до редакции газеты «Правда» не дошли. Странно, не правда ли?

В заключение мы еще раз убедительно просим Вас, уважаемый Виктор Григорьевич, на поставленные нами вопросы ОТВЕТИТЬ.

С уважением — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, профессор Г. Н. Рождественский, композитор А. Г. Шнитке».

Но ни Шнитке, ни Рождественский так никогда и не получили от главного редактора «Правды» пожеланий «новых творческих успехов».

УРОКИ ПРАВА

Тут бы и закончить. Но мысль о том, что читатель будет рад улыбнуться, заставляет привести здесь еще один любопытный документ. Предварительно скажем только, что кампания по унижению «истязателей Чайковского» не была раздута. Не последовало ни публикаций единодушных осуждающих писем от нефтяников и ткачих, ни санкций. Таинственные сферы сделали «ход», пожертвовав, как пешку, зарубежную постановку русской оперы и репутацию многих людей. Пожертвовали и забыли. Жизнь пошла своим чередом.

Последний документ, публикуемый ниже, из числа таких, какие не выдумаешь — как ни старайся.

С ним меня ознакомил Геннадий Рождественский, сказав, что это «учебное пособие» принесли ему из одного вуза.

«Предмет «Основы права».
Методическая разработка.
Обстоятельства дела:

В статье «В защиту «Пиковой дамы» рассказано о чудовищной попытке искажения величайшего творения А. С. Пушкина и П. И. Чайковского — оперы «Пиковая дама». 1. Либретто якобы не соответствует произведению А. С. Пушкина; 2. В оперу необходимо внести элементы современного звучания.

Все это делалось композитором Шнитке, режиссером Любимовым и дирижером Рождественским. Последние были отправлены во Францию по условию соглашения о культурном обмене.

Источники.
1. Гражданский кодекс РСФСР.
2. Уголовный кодекс РСФСР.
Задание:

1. Установить особенности нарушения авторских прав, которые совершили указанные лица.

2. Установить меры правового воздействия для защиты авторских прав, которые должно применить Министерство культуры СССР.

Выполнение задания (пример):

Произведения А. С. Пушкина являются народным достоянием и охраняются государством, без разрешения которого немыслимы никакие изменения оригинала. То же самое относится к бессмертной музыке П. И. Чайковского, которая, как и стихи А. С. Пушкина (и в вузе «Пиковую даму» считают поэмой! — А. М.), блестяще прошла испытание временем. Поэтому никакие здесь изменения и усовершенствования недопустимы.

В связи с этим Министерство культуры СССР должно отозвать вышеупомянутых лиц и расторгнуть соглашение о культурном обмене.

По отношению к этим лицам следует применить меры административного порядка, хотя их действия подпадают под ст. 141 УК РСФСР «Нарушение авторских и изобретательских прав», следует учитывать, что действия происходили за пределами СССР, причем в рамках культурного обмена, надо учесть и то, что конечное «произведение» не было написано».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последствия были разнообразные.

Гранд-Опера потеряла на этом 4 000 000 франков и надолго прекратила все контакты с нашей страной.

Боровский лишился, быть может, лучшего своего макета. (Гранд-Опера, раздраженная тем, что не удалось получить даже неустойку, макет оставила себе как утешительный приз.)

Жюрайтис позже дирижировал «Пиковой дамой» в Мюнхене.

Студенты получили возможность изучать право по пособию, где крупнейшие художники нашего времени фигурируют в роли уголовников.

И только на провернувших все дело чиновниках это никак не отразилось. В Министерстве культуры никто не был наказан за срыв постановки и международный скандал. Надо надеяться, что никого и не поощрили.

Что же произошло в тех заоблачных сферах, откуда истекло столь разрушительное и могущественное тайное недоброжелательство,— остается только гадать. Вероятно, сферы испытывали привычное им чувство глубокого удовлетворения.

А художник всегда неудовлетворен.

В глазах иных чиновников: загранпоездка — за долларами, отъезд — предательство. Но как объяснить таким радетелям, почему из всех своих поездок по Европам и Америкам возвращаются русский Рождественский, еврей Боровский, полуеврей-полунемец Шнитке? Как объяснить чиновникам, почему русский Любимов, переставший в результате их многолетних усилий быть гражданином СССР, едет сюда работать?

Как объяснить чиновникам... Но почему мы должны им объяснять?

Они нам никогда не объясняют, почему — во все времена, при всех режимах — испытывают тайную (и явную!) недоброжелательность к таланту. Хотя всякий раз они ссылаются на некие высшие соображения, на заботу об интересах государства, защиту святынь... Но всякий раз современники знают, что это — ложь. Что интерес один — завистливый, шкурный. Наше счастье, что всегда мы имеем возможность узнать правду из «Моцарта и Сальери» Пушкина и не искать ее в газетных чиновных, высокопарных, написанных чужими руками речах.

Смешно и стыдно, но случай с «Пиковой дамой» действительно порочит советский государственный и общественный строй. Но те, кто подобные случаи измышляет и организовывает, не боятся ни ст. 70, ни всего Уголовного кодекса.

Есть, правда, еще две инстанции: суд Истории и Страшный суд. Но это когда еще будет...

Материал подготовил Александр МИНКИН.

Можно ли доверять?

Мы, бывшие руководители переписного отдела № 4 Дзержинского района г. Москвы, считаем своим долгом поднять вопрос о достоверности данных, полученных при проведении Всесоюзной переписи населения 1989 года, на основании изложенных ниже фактов.

В соответствии с Инструкцией о порядке проведения переписи, утвержденной приказом Госкомстата СССР, переписи по каждому помещению подлежат все лица, фактически проживающие в нем по состоянию на 0 часов 12 января, включая временно проживающих, независимо от наличия прописки. При этом лица, обычно проживающие в данном помещении, но на момент переписи отсутствующие в нем менее 6 месяцев, также подлежат переписи по данному помещению как временно отсутствующие, а по месту своего фактического нахождения — как временно проживающие. Лица же, отсутствующие в помещении более 6 месяцев, переписи по данному помещению не подлежат, а переписываются по месту своего фактического нахождения как постоянно проживающие.

Не секрет, что многие люди фактически постоянно проживают не там, где они прописаны. Задача переписи и состоит в том, чтобы объективно зафиксировать исчерпывающую информацию о лицах, фактически проживающих на данной территории, для разработки реальных планов социально-экономического развития. Но когда к окончанию переписи было объективно установлено, что на территории нашего переписного отдела в настоящее время проживает людей меньше, чем прописано (ситуация вполне возможная и в любом другом районе), начальник райотдела статистики тов. Косорукова Т. К., возглавляющая штаб переписи Дзержинского района, заявила, что мы людей (четыреста человек) «потеряли». Нам было устно указано, «в интересах района», во всех случаях, когда в квартире переписано жильцов меньше, чем прописано, переписать «недостающих» по месту прописки по неполным данным организации-домовладельца (ДЭЗ, ЖСК и т. д.) как временно отсутствующих, несмотря на то, что во всех таких случаях мы имели сведения от родственников или соседей (и, согласно Инструкции, должны были руководствоваться этими сведениями, как единственно доступными) о том, что «недостающие» фактически постоянно проживают в другом месте и, следовательно, должны быть переписаны там как постоянно проживающие. При этом ситуация, когда в квартире переписано людей больше, чем прописано, воспринималась руководством райотдела статистики как нормальная.

Поскольку «интересы района» противоречат положениям Инструкции, мы запросили соответствующее письменное распоряжение, в котором нам было отказано. Когда мы отказались выполнять это указание, от нас потребовали представить по каждому такому случаю официальную справку с указанием местонахождения, причин и времени отсутствия по месту прописки соответствующих граждан. Выполнение этого требования не только нарушает основные правила переписи, но и является покушением на гражданские права советских людей.

Опасаясь, что методика подгонки результатов переписи под данные о прописке будет все равно, только теперь уже в обход нас, применена к документации по нашему переписному отделу (в других переписных отделах Дзержинского района подобная политика искажения государственной отчетности, к сожалению, не встретила должного отпора), мы обратились утром 30 января письменно в Госкомстат СССР, к заместителю начальника Управления статистики населения тов. Шварцеру Н. З., который подтвердил правильность нашего понимания Инструкции и обещал в тот же день разобраться в происходящем.

Однако больше в тот день ничего не произошло, если не считать того, что к вечеру председатель исполкома Дзержинского райсовета тов. Плужников Г. А., не потребовав никаких разъяснений с нашей стороны, подписал распоряжение об отстранении нас от переписной работы «в связи с представлением некачественного материала по переписи населения». На следующий день в ответ на наш повторный, на сей раз телефонный, запрос тов. Шварцер переадресовал нас к начальнику Мосгорстата тов. Ксенофонтовой З. В., которая по телефону заявила, что у нее нет оснований сомневаться в компетентности своего заместителя тов. Малютина, видевшего эти «некачественные материалы» своими глазами. Наконец, не спешит с ответом заместитель председателя исполкома Дзержинского райсовета тов. Беженцев В. А., курирующий проведение переписи в районе. На его имя нами было подано официальное заявление с просьбой о создании независимой комиссии по проверке качества изъятого у нас материала по переписи.

Тот факт, что руководители всех рангов, получив подобный сигнал, вместо того, чтобы бить тревогу, спускают дело на тормозах, дает основание ставить под сомнение результаты переписи. На проведение Всесоюзной переписи населения было затрачено огромное количество сил и средств. Надо сделать все, чтобы получить достоверные результаты.

Заведующий 4-м переписным отделом Дзержинского р-на г. Москвы КРИЧЕВСКИЙ С. Ю.
Помощник заведующего отделом ПОЦЕЛУЕВСКИЙ Д. А.
Помощник заведующего отделом ЧЕРНЯК С. В.

ВЫСТАВК ДОСТИЖЕНИ

На протяжении десятилетий, посещая ВДНХ СССР, мы неизменно вспоминали печальную фразу классика: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

«Тьма низких истин» кончалась перед монументальной аркой с решетчатыми воротами, чем-то напоминавшими ворота Зимнего дворца.

**Ю. БЕЛЯВСКИЙ,
В. ВИТАЛЬЕВ,
М. ШТЕЙНБОК (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»**

ВДНХ в нынешнем виде — это не только город в городе. Это государство в государстве. Маленький слепок с нашей огромной страны со всеми присущими ей атрибутами: собственным Совмином в виде генеральной дирекции, собственными министерствами-павильонами, собственным транспортом — насквозь продуваемыми микроавтобусами, именуемыми в народе «босоножками»; даже с собственной милицией.

Это не просто слепок, это символ нашего огромного Отечества, размещенный на площади 300 гектаров. Символ, «возвышающий» нас до сияющих вершин, где вместо тесноты коммуналок и убожества панельных пятиэтажек — роскошные дворцы с лепниной, где вместо очередей за грязно-розовой колбасой, которую не приемлют даже кошки, мы видим горы сервелатно-балычного изобилия, где на месте допотопных «диповских» станков красуются набитые электроникой чудеса научно-технического прогресса в сугубо единичном, правда, исполнении.

Как сладко было бродить по этому полуфантастическому миру, преисполняясь чувством глубокого удовлетворения и бормоча про себя нечто вроде: «Можем ведь, когда захотим...»

Мы не сомневались в возвышающей силе этого обмана, не задумываясь над тем, что любой обман всегда унизителен. Он унижает всех — как обманывающих, так и обманутых.

Погожая суббота. Мы идем по полупустынной главной аллее. Хруст наших шагов по нехоженому снежному насту вплетается в звуки бравурной музыки, несущейся из развешанных там и сям репродукторов. Музыка лишь усиливает впечатление одиночества и заброшенности. По обеим сторонам аллеи застыли, как бы съежившись на морозе, помпезные павильоны с башенками в стиле сталинской готики.

Где 30 тысяч ежедневных среднестатистических посетителей? Где румяные толпы москвичей и гостей столицы, которые, если верить путеводителям, должны переполнять «одно из самых популярных мест Москвы, всенародный университет, удивительный мир науки и техники»? Может, они попрятались по павильонам? Посмотрим.

Павильон «Космос». В промерзшем огромном ангаре с экспонатами мы насчитали 8 (восемь) посетителей. Здесь, по нашим данным, должна была функционировать выставка изобретательского творчества. Закрытую дверь, ведущую на эту выставку, бдительно охраняли две бабушки-хранительницы в шубах.

— Закрытая выставка! — хором пропели они.

— Видим, что закрыта...

— Да не закрыта, а закрытая. Пускаем только по пропускам.

— Закрытая выставка.— удивились мы.— Что за странное сочетание слов?

— Не знаем,— отвечали бабушки.— Нам велено не пускать без спецпропуска... Хоть вы, видно, и порядочные люди, а все равно не пустим...

Ни единого посетителя не встретили мы ни в павильоне «Электрификация СССР», ни в «Советских профсоюзах», ни в «Народном образовании». На ступеньках наглухо запертого павильона «Мясо-молочная промышленность» лежал метровый слой девственного снега. Сюда, как видно, давно не ступала нога человека (впрочем, этот павильон нам довелось посетить в другой день, и мы смогли вволю налюбоваться на штабеля невиданных деликатесных консервов и колбас).

В поисках хоть чего-нибудь «открытого» мы набрели на еще одну «закрытую» выставку. Называлась она красиво и длинно — «Производству продовольственных товаров — неослабное внимание». «Вход по пропускам» — такая сердитая надпись красовалась в дверях павильона № 1, где проходила выставка. Как видно, пропуска являлись необходимым условием того «неослабного внимания», которое следовало уделить производству продовольственных товаров. Молодой человек с портативной рацией в руках, тщательно изучив наши корреспондентские удостоверения, милостиво пропустил нас в заповедную экспозицию, грозно крикнув вслед: «Фотографировать запрещается!»

То, что мы увидели, было достойно кисти живописца: все 15 республик, как сговорившись, выставили на закрытое обозрение груды колбас разной степени копчености и варености, кондитерские раритеты в «специсполнении» (это словечко мы услышали здесь), «спец»-фрукты и «спец»-овощи.

Не в силах более противостоять нахлынувшему на нас аппетиту, который достиг апогея у стенда Чарджоуской области, мы спросили у одиноко дежурившей здесь представительницы Агропрома Туркмении, как удается сохранять в первозданной красоте и свежести столь скоропортящиеся экспонаты.

— Очень просто,— ответила она.— Каждую неделю наши сотрудники приезжают в Москву в специальные командировки и привозят в сумках овощи и фрукты для экспозиции. Копченые колбасы я регулярно протираю маслом.

У стенда Украины нам разъяснили, что выставка пока работает для специалистов, но как только будет закончено застекление витрин, сюда пустят и обычных посетителей.

— Стеклить-то зачем? Чтоб не съели?

— Именно так...

И тут мы задумались. Возвышает ли нас увиденное? Вдохновляет ли? Дороже ли такой «обман» тьмы окружающих нас повседневно «низких истин»? И помогает ли он в определении выхода из тупика этих «истин»?

Выйдя из павильона № 1 и еще раз полюбовавшись на заземленные ракеты-самолеты, мы попытались, наконец-то, перекусить. Но холодный коржично-соковый ассортимент кафе-киосков так разительно отличался от только что виденного эпикурейского изобилия, что мы решили потерпеть и задумались вторично. На сей раз задались вопросами: что есть вообще выставка и зачем она нужна?

В своем нынешнем виде ВДНХ — это воплощение уходящего времени и отжившего мышления.

Монументальные, украшенные роскошной лепниной павильоны оказываются на поверку деревянными засыпными бараками с протекающими крышами и непригодными для нормальной работы помещениями. Только на то, чтобы поддержать эти шедевры сталинской архитектуры в мало-мальски жизнеспособном состоянии, ежегодно приходится тратить 2,5 миллиона рублей.

Демонстрация мифических достижений в павильонах выкачивает из государственной казны 20 с лишним миллионов рублей в год. Раздача давно утративших былую престижность медалей и прочих наград тянет еще на 12 миллионов. А что взамен? Иллюзорный мир показухи, оборачивающийся в итоге всесоюзным унижением.

Впрочем, не только мы, люди в общем-то от ВДНХ далекие, понимаем это. Быстро меняющаяся жизнь страны заставляет задумываться и лучших представителей более чем 6-тысячного коллектива выставки.

Первой попыткой изменить укоренявшийся десятилетиями стереотип стала прошедшая в начале 1988 года выставка «Технические средства обучения в народном образовании». На 10 тысячах квадратных метров экспозиционной площади посетителям показали не светлые школьные классы будущего, а реальную действительность: физические приборы, разработанные в памятном 1937 году, при помощи которых ученики до сих пор познают основы современной физики; примитивно-унылые наглядные пособия; отечественные учебные компьютеры, главным достоинством коих является рекордное количество отказов за минуту эксплуатации. А рядом — без всяких комментариев — перспективные разработки, по каким-либо причинам не попавшие в серийное производство, и настоящие чудеса из мира технических средств обучения с табличками «Мэйд ин...». Именно такая выставка, на наш взгляд, более всего соответствует истинному положению дел в стране, а главное, порождает чувство очищающего стыда, который может (и должен!) стать для нас одним из двигателей прогресса. Стыд как двигатель прогресса? Почему бы и нет?!

Надо сказать, что на большинство посетителей эта выставка технических средств обучения произвела шоковое впечатление. «Зачем показывать весь этот кошмар?» — говорили они. Насколько же силен еще во многих из нас застойный стереотип: «Сделайте нам красиво! Покажите нам нечто, радующее глаз, навевающее сон золотой и уводящее от проблем повседневной жизни!» Полноте! Не пора ли проснуться?

Современному хозрасчетному предприятию нужны не медали и дипломы, а надежные партнеры. Поиск такого партнерства должен стать основой для работы обновленной ВДНХ, столь же самостоятельной и хозрасчетной. Выставка должна стать квалифицированным посредником между предприятиями, ищущими и не находящими друг друга в хаосе нашей экономики. Причем не просто посредником, а посредником КОММЕРЧЕСКИМ, получающим свой законный процент с каждой сделки, совершенной с его помощью. Не выставка унижений. И даже не выставка «достижений». А ярмарка предложений!

Первый шаг уже сделан. Кооператив «Деловое сотрудничество», созданный на ВДНХ с помощью предприятия «Интермаркет», видит смысл своего существования именно в коммерческой деятельности.

Небольшая выставка «Достижения ученых высшей школы», прошедшая в августе 1988 года, где впервые функционировал коммерческий центр, явилась пробным камнем: на ней было заключено прямых договоров на сумму почти в 3 миллиона рублей. За ней последовала ярмарка «Мелиорация», принесшая сделок между советскими предприятиями на 20 миллионов. И, наконец, строительная выставка-ярмарка с коммерческим оборотом 120 миллионов рублей. Пока что ни кооператив, ни павильоны, организовывавшие эти ярмарки, не получили за посредничество ни копейки, но, по самым скромным международным нормам, доля посредника — 1 процент от суммы сделок.

Увы, пока все вышеописанное не более чем робкая зеленая травка, пробивающаяся сквозь потрескавшиеся стены нашей главной выставки.

И последнее. Мы всегда считали, что нет ничего более ОТКРЫТОГО, чем выставка. Но неумолимое время внесло свои коррективы и сюда. Наряду с закрытыми магазинами и закрытыми распределителями вошло в наш обиход и парадоксальное по своей сути словосочетание «закрытая выставка». Закрытая, простите, от кого? От посетителей? Тогда это уже не выставка, а «спецхран» для спецдостижений. В один только день на ВДНХ успешно функционировали (а точнее, НЕ функционировали) как минимум две закрытые выставки.

Почему бы не начать давно назревший процесс обновления ВДНХ с ЗАКРЫТИЯ ЗАКРЫТЫХ ВЫСТАВОК? Это и будет тот уникальный случай, который позволит, ЗАКРЫВАЯ, ОТКРЫВАТЬ!

А
И?...

УВАЖАЕМЫЕ
МОСКВИЧИ
И ГОСТИ СТОЛИЦЫ!
ПРИГЛАШАЕМ ВАС
СОВЕРШИТЬ ОБЗОРНУЮ
ПО ВДНХ СССР
СЫР

Длительное время произведения Софии Губайдулиной практически не исполнялись у нас. Невозможно было найти нот и пластинок с ее музыкой. И при этом творчество Губайдулиной признано, узнаваемо во всем мире, исполнение ее вещей становится событием крупнейших международных фестивалей. Лишь недавно завеса молчания оказалась прорвана: авторские концерты в Москве и Ленинграде, участие в организуемых Союзом композиторов СССР международных и всесоюзных музыкальных фестивалях.

«ЕСТЬ МУЗЫКА НАД НАМИ...»

Известный итальянский композитор Луиджи Ноно, говоря о музыке Губайдулиной, отметил ее удивительное проникновение во внутренний мир человека. Несуетная значимость ее музыки, тонкость и очарование, попытка выразить жизнь духа в пространстве, времени, бесконечности и вызывают интерес слушателей. Творчество Губайдулиной философично.

С Софьей ГУБАЙДУЛИНОЙ беседует наш корреспондент Дмитрий КАДАНЦЕВ.

— Вы представляете то направление в советской музыке, которое определяют как авангард. Многие зарубежные музыканты утверждают, что именно советский авангард представляет наиболее интересное явление в музыкальном течении. Что вы об этом думаете?

— Будучи длительное время, в 50-е и 60-е годы, изолированной от мирового музыкального процесса, новая советская музыка шла своими путями, приобретая свои специфические черты. Современная музыка в любой другой стране носит сегодня во многом интернациональный характер, наша же обратилась к собственным истокам, искала глубинные взаимосвязи ушедшего и настоящего, разрабатывала философскую сторону музыкального творчества.

Нечто подобное происходило в Германии в XVIII веке, когда интеллигенция, лишенная возможности активно влиять на экономику, политику, культурный процесс, обратила свои духовные искания в глубь вещей. Результат этого — известный Ренессанс немецкой музыки, философии, культуры в целом.

Наибольший поиск происходит сейчас в советской «неформальной» музыке — поиск новой трактовки языка музыкальных инструментов, законов расположения музыкальных тел в пространстве. Некоторое внешнее сходство нашей авангардной музыки с западной иногда не позволяет увидеть глубокое внутреннее различие, обусловленное разными культурными традициями, иным историческим фоном России. Наша музыка не столь конкретна в передаче атмосферы современной жизни, она более вневременна.

Придавленные безвременьем, многие музыканты ушли на существование в другом времени, когда и результаты поисков не могут быть видны сразу. Но именно в такие периоды нация, я уверена, делает что-то существенное и в своем самосознании, и в собственной культуре.

— Для нашей публики уже не секрет, что концерты Шнитке, Денисова, Губайдулиной, Арво Пярта собирают огромные аудитории зарубежных слушателей. А недавний фестиваль советской музыки в Бостоне стал поистине беспрецедентным: за 20 дней прозвучало около ста одних только премьер, шестьсот исполнителей играли произведения 20 крупнейших советских композиторов. Чем вызван такой интерес?

— В нашей культуре всегда существовали какие-то черты, которые не имели ни Запад, ни Восток. Прежде всего — интравертность, устремленность в себя, сосредоточенность, свойство, во многом утраченное западноевропейской культурой. Мне кажется, что у нас, по существу, и не было авангарда. Я глубоко убеждена, что само употребление слова «авангард» довольно сомнительно. Сущность этого слова в искусстве — требование идти впереди социума — меня мало привлекает как художника. Более того, группа композиторов, которую называют сейчас авангардистами, никогда не ставила перед собой задачу быть во главе социума.

Что же касается употребления этого слова для обозначения принципиально нового в искусстве, то здесь оно может быть уместно, хотя и крайне редко. Может быть, раз в 400 или 300 лет появляется направление, которое можно было бы назвать авангардным, или же, говоря иначе, актуальным. Искусство Возрождения было принципиально новым именно потому, что оно подытожило накопление нового мышления за предшествующие 400—500 лет. Далее начался период эволюции языка художественного мышления. Говорить же о существовании у нас музыкального авангарда в 70-е и 80-е годы сомнительно. Скорее сейчас возникает новая особая материя музыкального языка, более актуальная именно для нашего времени; на это так или иначе должен реагировать композитор.

Я думаю, что из множества направлений поиска в современной музыке одно из самых привлекательных то, которое А. Шнитке назвал «полистилистикой».

Полистилистически работают Василий Сильвестров, Александр Кнайфель, Арво Пярт, для творчества которых характерна множественность сочетаний различных направлений, и порой нельзя даже предположить, где именно композитор найдет ответ...

— Безусловно, на художника не может не оказывать влияния среда, социальный фон существования музыки...

— Я думаю, художник весьма зависит от общества, в котором он живет. Он может ощущать себя, например, абсолютно одиноким, когда перестает надеяться, что его выслушают; вот это и зависит от общества. Длительное время я сочиняла, зная, что меня никто не будет слушать. У меня не было надежды встретить исполнителя, который захочет играть мою музыку.

Но и в дальнейшем, когда появились исполнители, заинтересованные в моей музыке, она длительное время не могла проникнуть на концертные площадки из-за упорного противодействия Союза композиторов, других внешних сил. И вот это я называю вторым состоянием. Я точно знаю, что мое сочинение уже кому-то нужно, но не будет исполнено.

И третье состояние: когда я точно знаю, что вот этот исполнитель обязательно сыграет мою вещь, и притом в определенный срок. Как ни странно, все эти различные состояния музыканта отражаются на его произведениях совершенно конкретно. Например, когда я точно знаю, что музыка, над которой я работаю, будет исполнена, письмо становится очень ясным, прозрачным и практичным.

А, скажем, отсутствие исполнителя, противодействие чиновников приводили к тому, что в создаваемых произведениях я обращалась к высшему началу мира, позволяя себе любые сложнейшие конструкции. Я даже не заботилась, возможно ли реализовать это в исполнении.

— Как вы относитесь к отрицательным отзывам о вашем творчестве?

— Как и всякого человека, отрицательные отзывы меня огорчают. Но, с другой стороны, в этом отношении я закаленный человек. Нельзя сказать, чтобы я рвала на себе волосы, читая очередную разгромную статью секретаря нашего творческого союза. Я привыкла относиться к этому спокойно. Гораздо больше меня волнуют какие-то собственные погрешности, возможность заниматься музыкой столько часов в день, сколько мне необходимо. Я думаю, не стоит свое настроение приводить в зависимость от внешних обстоятельств.

— Сложившаяся сейчас в музыке ситуация могла бы быть названа «экспортом культуры»: ряд крупнейших исполнителей, творческих коллективов, композиторов работают практически только на зарубежного слушателя. Их принимает весь мир, но они почти неизвестны нам. Я имею в виду ансамбль Марка Пекарского, Татьяну Гринденко, пианиста Николая Петрова...

— Я думаю, что причины создавшейся ситуации были вызваны невозможностью для ряда композиторов исполнять свои произведения на родине. Из того отчаянного положения, в котором находились многие композиторы моего поколения, нас буквально «вытащили» на собственном энтузиазме иностранные менеджеры и советские исполнители, выступающие за рубежом. Вся эта «экспортная ситуация» возникла искусственно только оттого, что какие-то деятели, занимающиеся организацией концертов, по своим личным соображениям тормозили естественный ход развития музыкальной культуры страны.

— Софья Асгатовна, как вы думаете, почему же именно это направление в музыке в течение нескольких десятилетий вызывало столь горячее неприятие со стороны чиновников от культуры?

— Я глубоко убеждена, что речь тут шла не о музыке, не о каких-то авангардных средствах; ничего в этом смысле особенного в нашей музыке не было. Причина в том, что вся наша музыка была нежелательным феноменом освобожденности, внутренней освобожденности личности. Неприятной и неприемлемой была сама позиция внутренней независимости, и где это чувствовалось в музыке, там накладывалось вето.

— Что вы можете сказать о нынешней организации музыкального процесса, в частности о положении в Союзе композиторов?

— Если набирающая сейчас силу демократизация нашего общества станет необратимой, то процесс перестройки коснется и нашего союза. Музыканты в силу особенностей своего творчества в большинстве своем инертны, разобщены. Ни одна профессия не требует такого ежедневного многочасового одиночества, не разъединяет так, как наша.

— Мне кажется, самое печальное следствие эпохи застоя — это отсутствие интереса у широкой публики к серьезной современной музыке.

— Не убеждена, что это так: я видела массу полупустых залов и на концертах классической старинной музыки. В этом плане современная музыка ничуть не в худшем положении, чем классическая. С другой стороны, не вижу никакой катастрофы в том, что серьезной музыкой увлекается не слишком большое число населения. Это элитарное искусство.

— Кстати, Софья Асгатовна, современное искусство часто обвиняют в труднодоступности...

— Я считаю, что абсолютно необходимо иметь элитарную культуру. Без нее нация не выживет. Многие тенденции в искусстве и культуре развиваются под влиянием требований, которые содержатся в социуме. И его многослойность обусловливает существование различных культур. Массовая культура не должна мешать существованию элитарной культуры. Простым большинством здесь ничего не решается. Культура принадлежит народу именно тогда, когда служит всему народу. То есть может удовлетворить все слои общества. Без элитарной культуры нация не может быть здоровым организмом. Тициан, Толстой — это тоже во многом элитарная культура. Их творчество многослойно. И за внешней доступностью существуют такие глубины, вход в которые строго «ограничен».

— Если нам попробовать выйти за рамки искусства, в чем, на ваш взгляд, особенность современного общественного сознания, сложившейся исторической ситуации?

— Самая большая особенность — жизнь в век реального апокалипсиса. Ни один из других периодов истории не дает нам такой реальности конца мира. Это откладывает отпечаток на все области нашей жизни, на все наши поступки.

Сознание конца мира уже существовало в некоторых точках истории. Так, все время ждали конца мира первые христиане. Для первых христиан конец мира есть благо, спасение праведников. У нашего сознания нет никакой надежды на то, что праведники спасутся.

— Что же в таком случае наша перестройка?

— Попытка задержать апокалипсис. Весь смысл человеческой жизни — в преодолении, в попытке отдалить собственную смерть. Перестройка показывает, что в нашей стране еще есть живые клетки, которые сопротивляются распаду духа...

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

СПАСТИ ВОЛГУ!

«Без Волги нет России» — один из лозунгов, с которым тысячи москвичей пришли на митинг в ЦПКиО имени Горького. Такие же митинги в середине февраля состоялись во многих российских городах. Никогда еще проблемы экологии не задевали так остро интересов каждого из нас. Критическое, если не сказать трагичное, положение сложилось на Волге — невиданная по масштабам прежде гибель ценной рыбы, отравление реки пестицидами и прочей химией, бездумная растрата воды на полив и технические нужды, загрязнение атмосферы, ставшее причиной заболевания людей.

Академик А. Л. Яншин, член-корреспондент АН СССР А. В. Яблоков, доктор экономических наук М. Я. Лемешев и многие другие говорили о необоснованности работ по дальнейшему строительству каналов Волга — Чограй и Волга — Дон-2. Потеря воды в Волге лишь часть беды. Главное же, что водные ресурсы, поданные в калмыцкие степи, не только не спасут, но и вызовут засоление и деградацию почв, разрушат экосистему юга России. Участники митинга решительно поставили вопросы: будет ли окончательно и бесповоротно прекращено подобное строительство, прекращено финансирование объектов, которые не только не окупятся в обозримое время, но нецелесообразны в экономическом плане вообще?

А что говорит официальная наука? Академия наук СССР проявляет, мягко выражаясь, гибкую политику, давая возможность «доработать» явно негодные, разорительные проекты. Особый счет у общественности к Минводхозу СССР. И без того за последние двадцать лет им списано 3,5 миллиона гектаров земель, а 9 миллионов требуют реконструкции.

Ассоциация «Экология и мир» предлагает провести открытую дискуссию между министерством и общественностью. Погубленную плодородную землю Минводхоз должен вернуть народному хозяйству восстановленной.

Время требует действий! Судьба Волги слишком дорога всем, чтоб отдавать ее на откуп отдельным ведомствам.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ,
фото автора
и Александра НАГРАЛЬЯНА

Наступление на Волгу?.. На строительстве канала Волга — Дон-2.

Волга должна жить.

Увидят ли лебедей наши внуки?

Без ВОЛГИ нет РОССИИ!
— НА

Еще недавно ленинградец Аркадий Михайлович Норинский мог считать себя свободным человеком, собирать, скажем, модели кораблей или посещать, любопытствуя, собрания неформалов в ленинградском Михайловском саду. 18 ноября 1988 года Василеостровский районный народный суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 206 УК РСФСР, и определил наказание — полтора года условно, с обязательной отправкой на «химию». Так Норинский А. М., 1947 года рождения, еврей, беспартийный, образование среднее, холостой, ранее не судимый, стал злостным хулиганом. Об этом сообщили пресса, радио, телевидение. Откуда такой интерес? В июле и августе Норинский отправил в партийные и советские органы, видным деятелям культуры несколько десятков писем с угрозами расправы, подписав их «Боевики патриотической организации «Память». «Я рассчитывал привлечь внимание компетентных и влиятельных лиц к деятельности «Памяти», дать основания для запрещения ее деятельности»,—сказал Норинский. Оценки журналистов разошлись. Как бы то ни было, «дело Норинского»—деталь нашего времени: раньше анонимные угрозы подписывали «группой товарищей», «доброжелателем», даже «Фантомасом», но никак не «патриотической организацией «Память»...

«ДЕЛО Норинского» еще в судебном заседании было охарактеризовано как «беспрецедентное». Тем не менее уроки извлекать нужно и из него.

Первый, видимо, состоит в том, что любые националистические проявления требуют точного исследования, взвешенных оценок. Не надо торопиться раздувать пожар, бить во все колокола, потому что при этом можно очень легко попасть в смешное положение.

Мне хотелось бы искренне успокоить столичных коллег, которые так озабочены положением дел в Ленинграде. Зачем им мучиться тем, что называют бесплодными усилиями любви? Да, в нашем 5-миллионном городе есть и сионисты, и шовинисты, и националисты других мастей. Но ничьим «оплотом» в этом смысле Ленинград не был и не будет. Это не в традициях города, не в ленинградском характере. Да у нас только людей, прошедших войну, переживших блокаду, которые знают цену Победе, дружбе народов, интернационализму, полмиллиона! Националистам тут не разгуляться. И чужой славы такого рода нам не надо.

Если это рассуждение покажется кому-то слишком оптимистическим, неубедительным, я готов сослаться на мнение Д. Д. Васильева, того самого, который еще в мае получил официальное предостережение Комитета государственной безопасности СССР. Мне довелось слышать одно из его выступлений у стен Смольного. Сильно он гневался на Ленинград, на ленинградцев, на руководителей города и намеревался перебросить из Москвы на Дворцовую площадь «пять эшелонов, десять эшелонов» своих сторонников. Можно, конечно, вспомнить Хлестакова и курьеров. Но думаю, в принципе Васильев знал, что говорит.

Утверждение, что у нас «средства массовой информации занимают безучастную позицию», тоже, простите, липа. К проблемам, связанным с «Памятью», «Ленинградская правда» обращалась не раз. Назову лишь две главные статьи, в которых была отражена точка зрения редакции: «Куда зовет «Память»?» (28 августа) и «Память» как она есть» (6 сентября). Аналогичные статьи были опубликованы во всех ленинградских газетах, и огромная почта в их поддержку — лучшее свидетельство настроений жителей города.

В сентябре мы сообщили, что до получения окончательных выводов прокуратуры о характере деятельности «национально-патриотического фронта» всякая его публичная деятельность (митинги, собрания) запрещена. Затем мы проинформировали читателей и о том, что организаторы митингов в Румянцевском саду официально предупреждены прокурором Ленинграда.

Замечу, кстати, что ни один печатный орган в нашем городе не оказывал ни прямой, ни косвенной поддержки «Памяти», не унижался до того, чтобы предоставлять свои страницы любителям поисков «сионистской символики». Это тоже факт.

Наверное, не стоит обходить молчанием и тех, кто «категорически за». Я не знаю этих людей. Но не возьмусь утверждать, что они не существуют. Бацилла национализма поражает не только тех, кто закончил церковноприходскую школу. Ведь и у «Памяти» немало сторонников, имеющих высшее образование, а то и отягощенных учеными степенями. Но говорить о тех, кто «категорически за», надо, приводя факты, называя фамилии. Если же просто многозначительно тыкать пальцем вверх, то это та же анонимщина. И люди, поступающие так, стоят в одной шеренге с такими провокаторами, как Норинский.

В ленинградской «Памяти» сейчас происходят большие перемены. О них ее лидеры немало говорили в интервью во время перерывов в судебном заседании. Насколько можно понять, они решили отмежеваться от «Памяти» московской, ее программы, экстремизма Васильева и некоторых других дел, обратились по этому поводу с воззванием к своим сторонникам.

Не будем умиляться, спешить с выводами, что вчерашняя «плохая» «Память» сегодня стала «хорошей». Как мне кажется, она и в новой программе выдвигает идеи не столько национальные, сколько националистические. Возвращения к благородным идеалам, которые провозглашались когда-то при создании «Памяти», пока нет. Что будет дальше, поживем — увидим.

Причина этого «раскола» вероятнее всего не в выступлениях печати и не в предупреждениях прокурора. Просто, думаю, лидеры «Памяти» на собственном опыте убедились в том, что вылазки оголтелого шовинизма в Ленинграде не проходят.

И не пройдут. Потому что одна из черт ленинградского характера — уважение к чести и достоинству человека вне зависимости от его национальной принадлежности.

И. ЛИСОЧКИН

Из газеты «Ленинградская правда» (21 ноября 1988 года).

Этот человек совершил уголовное преступление. О нем писали в центральной прессе, был обнародован приговор. И тем не менее наш корреспондент встретился с Аркадием Норинским, чтобы понять причины проступка, которому нельзя найти оправдание. И надо ли искать? Но разговор оказался куда интереснее, чем представлялось вначале. Слово за слово...

ИНТЕРВЬЮ С АНТИГЕРОЕМ

Как прикажете относится к Норинскому? Он и до знакомства симпатий не вызывал, а тут еще суматошно бросился навстречу в дверях районного суда, торопливо начал оправдываться, глотая слова, размахивая руками... Мельтешение губило его на процессе, как, думаю, губило и до суда: суетливость принято равнять даже не с суетностью — виновностью. Глаза, которые «зеркало души», небольшие, темные и невероятно подвижные. Манера разговора — неприятная, с кружениями и возвращениями к одному и тому же, прибавьте к этому навязывание собеседнику позиции то адвоката, то прокурора при сохранении единственной собственной роли — незаслуженно потерпевшего, напрасно обиженного, униженного и оскорбленного. Незаслуженно потерпевших в обществе уважают не более, чем суетящихся.

В общем, плох Норинский, плох, и поделом ему, анонимщику и клеветнику,— в этом убеждении я бы и остался, если бы, расшифровывая магнитную запись разговора, не стал проверять каждое слово. И оказалось: Норинский удивительно точен в рассказе! Более того, его мысли при перенесении на бумагу выглядели уместно и толково, а что касается бесконечных повторов, то они удивительно походили на впрок отснятые умным оператором дубли, из которых и глупый режиссер сможет отобрать наилучший. На бумаге, отчужденный от своего облика, Норинский начинал говорить убедительно, страстно, интересно. Мое отношение к нему менялось невероятно! Суетлив? Ну так добро судить тому, кто сам неподсуден — по крайней мере нарсуду. Непредставителен? Ну так по одежке только встречают... Писал анонимки? А что, не бывает моментов, когда, как говорится, все: довели до ручки... и листа бумаги...

И об этой двойственности отношения к Норинскому я не могу не сказать: пусть тот читатель, что захочет сразу пригвоздить и заклеймить, сначала прочтет и узнает доводы Норинского; но пусть и тот читатель, что, ознакомившись с доводами, решит Норинского обелить, вспомнит, к каким методам он прибегал... Никто из нас не судья, не прокурор и не адвокат: читатель — это особая социальная категория, его место не под гербом республики, а в зале суда — и слава Богу.

Теперь же — магнитофонная запись.

— В приговоре суда, вынесенном по вашему делу, говорится: «Подсудимый Норинский А. М. виновным себя в совершении хулиганских действий не признал», но осудили вас именно за хулиганство. Скажите, вы и после суда продолжаете настаивать, что напекли, так сказать, «пирожков» с политической, а не с бытовой начинкой?

— Я считаю — злостное хулиганство было у «Памяти». И не только хулиганство, но и разжигание национальной розни, клевета, оскорбления. Если меня на базаре кто-то обидит, я никому не буду жаловаться. Неприязнь к евреям или другой нации — это личное дело базарной торговки. Но когда я увидел, что общество «Память» в Ленинграде проповедует антисемитизм, а благодушная милиция долгое время читала, посмеиваясь, листовки, насквозь пропитанные полицайским духом, меня все это настолько поразило, что я подумал: существует ли у нас вообще закон, существует ли статья 74 Уголовного кодекса о возбуждении национальной вражды? Если уж 206-я существует... И я хотел подсказать, по какому пути можно пойти, чтобы запретить «Память». С моей стороны это была самооборона. Понимаете? Са-мо-о-бо-ро-на. Как если бы оскорбили вашу мать...

— Давайте оставим на время эмоции и поговорим о вещах, требующих доказательств. О том, что «Память» сеет национальную рознь, что власти бездействуют, что вы были вынуждены... Впрочем, пока хватит и первых двух.

— Да они на своих митингах такое вытворяли...

— Извините, Аркадий Михайлович, лучше начнем, так сказать, ab ovo (с самого начала, букв. «с яйца» — лат.). Серия митингов «Памяти» прошла в Ленинграде с июня по август в Румянцевском сквере. Приходилось ли вам до этого сталкиваться с подобным?

— Да я никогда ни с кем особо не контактировал: с работы идешь домой, из дома на работу. Жизнь — она, знаете, проходила и не ощущалась. Я не думал, существует ли у нас еврейский вопрос, то есть думал, но он меня не касался. Обычно я работал кочегаром сразу в двух котельных, через два дня на третий. Я не испытывал дискриминации на себе. Ну, дискриминация в котельной — уж дальше некуда лезть, верно? И у меня было свободное время для летних путешествий, для чтения и собственных занятий.

— И вот где-то летом вы оказались на одном из митингов «Памяти»... Как вы о нем узнали?

— Ну, в Румянцевский садик я попал очень просто: шел по набережной, хотел пойти в Академию художеств, там выставки бывают, я люблю по выставкам побродить... Это было в июне или начале июля. Только о существовании «Памяти» я узнал раньше. Я когда-то работал в Колпашеве Томской области и там познакомился с одним капитаном, он начальник отряда в лагере — не пионерском, конечно, а для осужденных. Ожегин, интересный очень человек. И вот в марте Ожегин приезжает в Ленинград и говорит: «Аркадий, я не привез тебе кедровых орехов, а привез кое-что поинтересней» — и протягивает мне листовки, подписанные «Памятью». Я до этого слышал, как ругали «Память» в прессе, но думал: а, пропаганда все это... Ведь наша пресса, знаете, человека либо возвысит до звезд, либо охает. И вот прочитал сам эти листовки... В это время в Ленинграде всякие «Демократические союзы», неформалы и прочие собирались у Казанского собора, бурно очень... И мы с Ожегиным пошли к Казанскому, я еще пошутил: «Вот,— говорю,— скоро вместо урок у вас в лагере будет интеллигентный контингент...» У Казанского стоит какой-то человек и всем разъясняет, что евреи — это тупая нация. Кто такой? — из «Памяти». Его спрашивают: «А как же Эйнштейн?» — «Ну, он работал в патентном бюро и все свои изобретения воровал...» Вежливо-вежливо так тот человек говорил, с чувством, и Ожегин, послушав его, сказал: «А вы, выходит, черносотенцы». А тот: «Нет, мы черномиллионщики, нас уже миллионы...» После этого месяца три я с «Памятью» не встречался, пока не увидел их в Румянцевском садике. Да, читал еще листовку, повешенную в Михайловском садике: о том, что все митинги в Михайловском садике — это заговор сионистов.

— Каково ваше первое ощущение от прочтения листовок?

— Я, не разобравшись, даже немножечко тогда восхитился: ну, бывает, что люди не любят евреев, как, бывает, не любят Советскую власть, каждому свое — и вот не молчат, пишут, рискуют свободой, у нас ведь это запрещено! Хоть и антисемиты, думаю, но не обыватели...

— Расскажите, пожалуйста, как проходил тот митинг в Румянцевском.

— Да, так вот, я шел от университета к Академии художеств, увидел: стоит огромная толпа, человек пятьсот, если не больше, и через динамики что-то говорят. Милиции много. Ну, думаю, киносъемки или что-то вроде этого. Что снимают? Подхожу ближе и первое, что слышу — что «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела» (были до революции такие мерзкие, погромные организации), что эти «союзы» были «гуманнейшими организациями, которые очищали Россию от сионизма», которые занимались историей России. Но которые не всего добились, потому что был устроен октябрьский сионистский переворот, евреи захватили власть — там, Свердловы, Урицкие, Троцкие, Менжинские, Дзержинские,— Россию увлекли в пучину, и началось... И стали зачитываться списки евреев, которые Россию, значит, губили: комиссаров и командиров на гражданской войне. Выступал один из лидеров «Памяти», если не ошибаюсь, Лысенко — есть у них такой, с усиками. Так вот он говорил так примерно: «Комиссар 7-й Армии?» — пауза — «Е-е-еврей!», знаете, под гогот толпы... «Комиссар 9-го отряда? — Е-е-еврей!» И так все время. Потом стал говорить, сколько процентов евреи составляли среди руководства. И сколько — латыши. На латышей они тоже почему-то обозлены были, хотя главные враги для них — евреи... После окончания войны, похвальбы «Союзу русского народа» и проклятий первому правительству СССР они принялись за голод на Украине. Тоже, конечно, организованный евреями. Кстати, почти все мои родственники жили на Украине, мать моя из этого голода выползла еле живой. Она мне рассказывала: полумертвых людей в колодцы кидали, во рвы. Железнодорожная станция полностью была оцеплена НКВД... Сейчас об этом можно уже прочитать у Гроссмана или Тендрякова: об умерших от голода. А мать видела, как людей никуда не пускают, можно было только посылки с хлебом получать, а остальных всех... Ну ладно, об этом не будем. Это, значит, евреи подстроили. Началась Великая Отечественная. «Память» говорит: сионисты выкупали у фашистов своих богачей и прочих, а немцы большей частью уничтожали бедных евреев, сионистов же они не трогали. Вот «сионист Даниил Гранин в повести «Зубр» кого защищает?» Тимофеева-Ресовского, который «работал в немецкой лаборатории и создавал для фашистского командования средства защиты от радиологического оружия, который проводил генетические опыты на людях...» Это было при всех, я сам это слышал, это не кто-то мне говорил! И если я вру, так существует статья Уголовного кодекса за клевету? Сотни людей это слышали... Ладно, кончилась для «Памяти» война — принялись за творческие союзы.

— За Великой Отечественной в истории страны хронологически следуют борьба с космополитизмом и «дело врачей» 1953 года...

— Нет, про это я ничего не слышал, не буду дезинформировать... Да, творческие союзы — это, мол, сплошное еврейское засилье. Евреев в стране мало, а занимают они, мол, множество командных должностей. Какая-то такая статистика. Композитор Андрей Петров, оказывается, еврей, фамилия такая-то; писатель Бакланов — еврей, настоящая фамилия такая-то; режиссер Светозаров — еврей, сын Иосифа Хейфица... Везде евреи, значит, захватили власть и стали спаивать русский народ. Или о спаивании говорили на другом митинге? Знаете, я могу ошибиться в датах, потому что у меня эти сборища сливаются в один дикий шабаш. Вот, допустим, заговорят они о Чернобыле...

— Что, взрыв на Чернобыльской атомной электростанции тоже подготовлен евреями?..

— Они стали говорить, что у них есть какой-то материал, напечатанный в новосибирской газете, предупреждавший еще за десять дней до взрыва, чтоб живущие в Чернобыле евреи уехали... Что если взять в этой газете какую-то пентаграмму, повернуть ее так и так, получится буква «Ч» — Чернобыль. Извините, я не очень понял, что и как нужно повернуть, это что-то вроде идей Елены Блаватской... Но раскладка такая: Чернобыль — провокация сионистов. А почему они это сделали — мстили за Украину, за то, что там расправлялись с евреями. Решили взять реванш... Ну, в общем, евреи захватили творческие союзы, спаивают беспрерывно русский народ, обманывают и унижают его достоинство, русские — бесправнейшие люди, русская нация исчезает, и положение русского в России хуже, чем негра в ЮАР. Об этом говорилось на всех митингах, на которых я был.

— Вы можете назвать какие-либо приемы, особенно характерные для пропагандистской деятельности «Памяти»?

— Они клевещут на умерших. Например, появляется в июле в «Ленправде» некролог: умер Исаак Моисеевич Зальцман, бывший директор Кировского завода и, кажется, нарком танковой промышленности. «Память» тут же говорит: «А вам известна его настоящая биография? Этого сиониста?! В годы войны он занимался растлением несовершеннолетних, после был осужден...» Откуда узнали? «У нас есть свои люди в архивах, мы все можем узнать». Около меня стоял старик, который им аплодировал сначала, русский, так он после этого сказал: «Сволочи! Я же знал Зальцмана, когда еще пацаном был, это вообще человек святой жизни, он людей выручал, которых арестовать хотели, пайки свои отдавал...» И потом в газете заметка про Зальцмана: он пострадал за то, что отказался давать показания по «ленинградскому делу». Вот такие фальшивки «Память» использует часто. Потом еще, знаете, люди из «Памяти» в толпе действуют, как будто случайные прохожие. У шулеров есть такой способ: кто-то случайно садится с ним и выигрывает. Случайный человек из той же шайки. Чтобы привлечь людей. Вот так однажды стою — подходит к разговаривающим человек, говорит: «Я сюда совершенно случайно подошел, только что вернулся из Минска, с конгресса математиков — ну так там процентов 95, наверное, евреи».— «Ну и что?» — «А математика — это баллистика, ракеты...» Так вот, этого человека, преподавателя математической школы-интерната при университете, я позже неоднократно видел среди «Памяти». Ну, и еще одно — «Память» всюду ищет тайные знаки. Почему, скажем, на Казанском соборе, который теперь Музей религии и атеизма, нет креста? А это евреи «превратили собор в синагогу и сняли крест, чтобы русскому человеку не на что было помолиться»...

— Что еще является предметом обструкции для «Памяти»?

— Помню, кто-то из лидеров обрушился на «Огонек». Мол, каждый, кто держит в руках «Огонек», держит могендовид...

— «Могендовид» — «звезда Давида»? То есть шестиконечная звезда...

— ...и поэтому «Огонек» читать нельзя. «Московские новости» тоже нельзя. «Знамя» тоже. Единственное издание читать можно — это «Наш современник». На трибуну выбежала какая-то женщина: «Мы узнаем, кто из вас не сионист — это тот, кто будет подписываться на «Наш современник». И тут сразу через десятки динамиков, дискотекам далеко до этого, врубили такой марш:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
пойдут машины в яростный поход,
когда нас в бой зовет
товарищ Сталин...

Они вообще любят марши такие. Под марш пошла организовываться подписка на «Наш современник», и стали говорить о мужестве редактора, который, несмотря на происки сионистов, смог опубликовать роман «Судный день». Вообще, знаете, «Наш современник» для «Памяти» — все равно что для сладострастника «Плейбой»...

Остановка записи

Должен сказать, во время разговора с Норинским меня занимала странная мысль: а как бы смотрелся с точки зрения «Памяти» наш диалог, будь я не русским, а... Нет, даже не евреем (тут

все ясно: два еврея — сионистский заговор), а, скажем, тунгусом? Или финном? И может ли оказаться сионистом друг степей калмык?

Воля ваша, но что-то неладно в «Датском королевстве», если вполне возможно написать то, что я только что написал. И следует понять, является антисемитизм самостоятельной болезнью или же формой проявления другого, более скрытого недуга, а может быть, и недугов, которые при всем различии сходны по симптомам, как, допустим, грипп и СПИД?

Прежде всего давайте уясним, что национализм проявляется на нескольких уровнях. Очень боюсь, что в быту он сохранится долго, будучи в этом случае сродни предрассудку и суеверию, которые все никак не исчезают из нашей жизни, прекрасно освоившись и с цветным телевидением, и с начинающейся компьютеризацией. На кого валить пересоленный обед, неполученную премию, отлетевший каблук? Ну, не на самих же себя, а на все, от нас отличающееся: черную кошку и белую ворону, чересчур глупого начальника и чересчур умного заместителя, слишком черноглазую соседку и слишком белокурую родню... Само собой, что для проявления неприязни нужна, помимо наличия различий, еще и бытовая неустроенность, это условие важное, в пустом вагоне «шляпой» вас и обозвать будет некому.

Национализм является традиционной формой проявления социального недовольства, а антисемитизм — традиционным направлением национализма, традиционным громоотводом для народного недовольства. Я, понятно, упрощаю описание сложного механизма, лежащего в основе национальных проблем, показывая пусть и важный, но не единственный из принципов его действия. Именно этот принцип очевиден, многократно проверен печальным мировым опытом, но, видимо, не всем понятен и ясен. Кто знает, нет ли в том и вины журналистов: я сам избегал писать «о национальном», страшась подбросить свою вязанку в тлеющий огонек. Не дай бог когда-нибудь заглянуть в лицо лесному пожару! Я смотрю вперед — и вижу перед собой пока что Норинского...

— Вы пытались хоть раз сказать в лицо лидерам «Памяти» то, что рассказываете мне, то есть то, что, надеюсь, действительно думаете?

— Некомпетентному человеку еще можно что-то объяснить: он не знает — ты объясняешь. Но этим людям, которые ведут свою пропаганду не по глупости, а сознательно, объяснять что-либо — все равно что объясняться в любви водосточной трубе.

— Пытались ли вы в таком случае привлечь к «Памяти» внимание властей, не прибегая к анонимкам?

— Первые листовки «Памяти», попавшие ко мне, совпали с выходом статьи Нины Андреевой в «Советской России». 13 марта вышла статья, а ровно через неделю, 20 марта, я послал в «Советскую Россию» письмо с листовкой «Памяти», где написал: вместо того, чтобы публиковать письма Андреевой, спасающие социализм от гласности и демократии, вы бы лучше обратили внимание на «Память», которая, значит, распространяет такие послания... И, честно говоря, тогда же я написал тогдашнему министру Власову в Министерство внутренних дел и тоже выслал листовку. Потому что хоть в листовке и говорится о происках международного сионизма, по существу, они касаются наших внутренних дел, которые могут кончиться новыми Карабахами... И подписался: Аркадий Норинский, Ленинград, адрес такой-то.

— Что вам ответила «Советская Россия»?

— Я ответа ниоткуда не получил. Ни от Власова, ни из газеты. Я раньше писал всякие миниатюры, рассылал по разным изданиям, кое-что в «Литературке» на 16-й полосе печатали, а когда не печатали, то отвечали, допустим, так: «Присланное вами интересно по стилистике, но тенденциозно, так что возвращаем». У меня целая пачка публикаций и писем. А тут абсолютно ничего — ни ответа ни привета. Ну, думаю, как говорится, на этом инцидент исчерпан. Что я буду теперь писать: «Почему не ответили?!» — и остатки жизни тратить на тяжбу с редакторами всякими... Да я лучше буду рассматривать, как по листку муравей ползет или как облака плывут....

— Но вы, к сожалению, принялись за составление провокационных писем. Могу понять, что «Память» вызывала у вас гнев, страх, что в помощи властей вы были разуверены, но в ходе следствия вы все это могли рассказать?

— Пытался. Но следователь сказал: «На них мне не поступало дело, а на вас поступило». Я говорю: «Что значит «не поступало»? Если человек совершил преступление, а на него дела не поступало, выходит, он может и дальше совершать?» — «Выходит, так. Вы «Памяти» не касайтесь. Это отдельно будет». И судья, когда я начинал говорить о «Памяти» или просил заслушать свидетеля, прерывал, говоря, что судят меня, а не «Память». Но пусть тогда и судили бы меня за превышение пределов самообороны. Раз я являюсь гражданином этого государства, то могу требовать от государства элементарных вещей, хотя бы того, чтобы правоохранительные органы защищали в минимальной степени мою честь и достоинство, честь и достоинство моей матери и моих предков. Потому что речь идет о систематических действиях...

Остановка записи

Да, в «деле Норинского» любому откроется немало загадок, белых пятен или, если угодно, темных мест. Скажем, заметка прокурора Ленинграда Д. М. Веревкина об официальном предупреждении лидеров «Памяти» (точнее, национально-патриотического фронта «Память», как теперь называется эта организация, тяготеющая к боевой терминологии,— прокурор посоветовал «более точно, объективно освещать исторические события, национальные отношения, пропагандировать дальнейшее развитие русской национальной культуры с позиций марксизма-ленинизма») — так вот, эта заметка публикуется лишь за день до суда над Норинским. Случайность?

Ленинградское телевидение, часто умное и интересное, показывает ученически слабую передачу о Норинском, где случившееся обсуждают писатель, социолог и читатель, всерьез национальными вопросами не занимавшиеся, и это при том, что на Неве работает целый Институт этнографии АН СССР! Тоже случайность, досадный непрофессионализм? И тут бы согласился, но, поскольку прокуратура рекомендует подходить к проблеме марксистски, ничего не остается, как сказать: закономерность. Разрозненные факты складываются в картину некрикливого, но сочувственного отношения к подонкам, за которое еще ни один прокурор к ответственности не привлек. И вот московские «отцы «Памяти» распространяют листовки с призывом к уничтожению «еврейских оккупантов и их овчарок», и это сходит авторам с рук.

Формы выражения национального недовольства сейчас у всех на виду, но почему именно они? Почему социальное недовольство выплескивается в столь странных формах?

«Враги народа» изжили себя, на смену им пришли «враги нации», а если когда-нибудь станет очевидно, что и «врагов нации» ни в одной нации нет, не спешите хлопать в ладоши: найдутся те, кто рискнет разыграть давно не вынимавшуюся из колоды карту православной богоизбранности...

Какой же вывод следует из сказанного? До того простой и очевидный, что хочется за простоту попросить извинения: единственным реальным заслоном национализму может стать только демократия. Интернационализм и демократия.

— Скажите, письма, подписанные «Памятью»,— ваша вольная импровизация или вы опирались на какие-то документы?

— Я всем писал стандартно: «Мы с тобой расправимся! Боевики патриотической организации «Память». ВОЗМЕЗДИЕ НЕОТВРАТИМО!» — это большими буквами, чтобы конверт открываешь — и сразу, значит, видно... Помню, на одном из митингов их лидер кричал: «Вот списки лиц, которые ответят не только перед русским народом, но и перед судом!» — и тряс жалобой не то в прокуратуру, не то в Верховный суд. В общем, они потребовали суда над редактором «Московских новостей», над редактором «Огонька» и над секретарем ЦК КПСС, поскольку эти трое, по их разумению,— сионисты. И он вот так потрясал своим письмом: мол, смотрите, уже подано, уже рассматривается, и вы увидите, что справедливость восторжествует, возмездие будет неотвратимо. Это мне запало, я подумал: очень хорошо, неотвратимо — так и сделаем. И с этой фразой стал посылать письма, кому они угрожали...

— Да, но «Память» угрожала судом, а вы — расправой...

— Что вы, все слышали, как их лидер говорил, что готов отдать жизнь, пусть его расстреляют, лишь бы несколько евреев были повешены. Это он в Румянцевском садике кричал, в микрофон, знаете... Сам этот деятель, знаю его, раньше на «Ленфильме» работал, он, значит, режиссер, не снявший ни одного фильма, и все время про Хейфица кричал...

— Была ли система в рассылке писем? Почему вы посылали письма не только Бакланову или Хейфицу, но и академику Лихачеву?

— Да, была. Я разбил Ленинград на районы. Скажем, у Казанского собора «Память» собиралась, ее не трогали — это Куйбышевский район. Я писал руководителям Куйбышевского района: председателю исполкома, секретарю райкома, в милицию, в районный КГБ. Румянцевский садик курируется Василеостровским райкомом; я туда и писал, всем василеостровским начальникам... Я не считал, что сразу после моих писем паника начнется, секретари райкомов под стол попрячутся, а «Память», значит, будет отправлена в суд... Я думал, это просто будет каплей, которая как бы точит камень. Ведь неужели власти ничего не знают; смешно же, ничего не слышать, когда «Память» через громкоговорители вещает... А что касается академика Лихачева, которого я очень и очень уважаю, то, с точки зрения «Памяти», он русских людей отвлекает от главного. Он призывает памятники спасать, а что русская нация гибнет — его это не волнует.

— Одно из писем, отправленных вами, отличается конкретностью угрозы. На адрес квартиры-музея Дзержинского в Ленинграде вы написали: «Ждите взрыва». Мне никак не понять, почему вы написали в музей. Ведь «железный Феликс» давно уже умер, к тому же он не еврей — поляк?

— Для «Памяти» и Бухарин — еврей, прячущийся под псевдонимом, хотя уж он как раз русский. Для них любой может быть тайным евреем. Вот вы, например. Почему Губин? Грубер. Губельман. Скрываетесь... Я вам говорил уже, что для «Памяти» революция — это сионистский переворот, который увлек Россию в пучину, потому что власть захватили евреи. Свердловы, Урицкие, Троцкие, Менжинские, Дзержинские — и началось... Если говорить о моем отношении к Дзержинскому, то я его портрет, как говорится, на ночь не целую, но вот КГБ на такие речи «Памяти» почему не реагирует?! У них у всех в кабинетах портрет Дзержинского висит, он что — для дизайна? Они каждое выступление начинают с того, что продолжают дело Дзержинского. Так вот пусть и продолжают.

— Да, но угрожали взрывом вы работникам музея, а не госбезопасности. Вы затеяли с КГБ странные игры: стали писать неприличные, дерзкие письма начальнику следственного отдела ленинградского Управления КГБ Черкесову. Почему ему? И почему объясняли переписку со стремлением разыграть, то попыткой завести следствие на ложный путь, то просто хулиганством, которое вам в конце концов и инкриминировали. Только сумасшедший мог рассчитывать, что почерки на письмах Черкесову и, скажем, Иосифу Хейфицу не сличат!..

— Да не волнуйтесь, я не сумасшедший. Логика в том, что я делал, была. Следователь тоже говорил: «Нормальный человек разве в КГБ такие письма будет писать? Это же патология, пойми!» Меня на судебно-медицинской экспертизе осматривал профессор, признал здоровым. Я лучше в тюрьму пойду, чем в психиатричку: боюсь, залечат... Ну, так вот, о Черкесове. В 1976 году я познакомился с одним армянином, окончившим физмат и Духовную академию,— мы с ним на улице познакомились,— он такой внешне, что сразу видна необычность. Фамилия его была, дай бог вспомнить... Назарян, кажется. Разговорились, он говорит, что в Армении создана организация, борющаяся за самосознание армянского народа, из нее многих пересажали, кому пять лет дали, кому двенадцать... И за ним гонятся по пятам, он должен срочно уехать из Советского Союза в Америку: там, в Америке, восемьсот тысяч армян, есть университет армянский, и он будет бороться, засылать сюда листовки и этим приносить пользу... Ну я-то, думаю, здесь при чем? А он: «Ну, вы же еврей, вы можете мне вызов оформить...». Такого вот типа разговор, понимаете? А какой я ему могу вызов? Отец мой покойный инженером на заводе имени XXII партсъезда был, мать — кассиром в магазине, ее родственники частью были в еврейский погром на Украине в девятьсот десятом уничтожены, частью — померли от голода при коллективизации, частью — немцы задушили в газовой камере... У отца родственников полицаи расстреляли в Краснодарском крае. Какой там Израиль!.. Но мне почему-то неудобно было сразу отказать, он так хорошо со мной говорил, и я дал ему свой адрес. Он написал, я ответил: мол, пока ничего нет. А через какое-то время пришла повестка явиться в управление госбезопасности. В качестве свидетеля. Прихожу, а меня Виктор Васильевич Черкесов — это был он — начал про Назаряна спрашивать. Я говорю: «А что он такого сделал? Он, что, переворот затевал?» А Черкесов отвечает, что он совершил очень тяжелое преступление — разжигал националистическую рознь там, в Армении. Это очень серьезно. Я возразил: подумаешь, преступление, ну, говорили, там: «Армения для армян», и все... Они же не Советскую власть рушили, не армию разлагали... Черкесов: «Нет, вы не понимаете многого: начинается все с простых листовок и прочего, а последствия... Вы же знаете, какие в свое время еврейские погромы были? А как сам армянский народ пострадал в геноцид?..» И такую мне прочел лекцию о национализме, вроде ликбеза. Нормально так говорил, с гневом, но интеллигентно очень. Часа два я тогда у него просидел... А вот через десять лет, в июле, смотрю: он уже начальник следственного отдела, рассказывает по телевизору о раскрытии крупного дела по контрабанде в Балтийском пароходстве... И стал ему писать без злобы, но глупо чрезвычайно... «Железной маской» неуловимой себя почувствовал...

— Вы хотя бы извинились перед Черкесовым?

— Да, я послал ему письмо на восьми страницах, сказал: если вы что на меня имеете, подайте в суд за оскорбление.

Я и перед директором музея Дзержинского, Евтеевой, извинился и подарок сделал, листовку Дзержинского. У меня дома есть документы тех лет, часы деда: «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР»; мои ведь предки все за Советскую власть сражались. Понимаете? Мне нужно было как-то «Памяти» ответить. И я ответил. И это не было сумасшествием, но было взрывом. Я сам думал: Аркадий, что ты делаешь, куда ты катишься... И то светило, этот профессор, меня тоже спросил: «А зачем вы Черкесову?» Ответил: «Хочу вам признаться: делал это для прикрытия». Он говорит: «Для какого такого прикрытия?» — «А я думал, сами посудите, разве нормальный будет Черкесову писать? Это же решат, психически ненормальный и тем самым пойдут по ложному пути: будут искать ненормального, рыться где-то в архивах психиатрии...» И профессор говорит: «Видите, он нормальный, сумасшедший так рассуждать не может...»

— А вам не приходило в голову, что за поисками сумасшедшего «Память» останется в стороне?

— Я вам скажу, что среди представителей «Памяти» очень много ненормальных. Ну, человек пять — это точно. Один из них, знаю, все время брошюрки раздает... И я всегда боялся не этих, которые только болтают, чтобы насытить свое честолюбие неудовлетворенное, но испугаются выйти, скажем так, на погром, как этих ненормальных лиц. Я у них глаза видел. Шизофрения. Знаете, бывает так, говоришь с каким-то человеком, вроде все нормально, а потом он тебе: «Я вам доверяю и хочу вам сказать, что за мной всюду следят...» И понимаешь, что у него мания преследования. И вот среди «Памяти» я видел таких женщин, которые ходили с большими иконами-складнями,— такие вот исступленные женщины, одна из них твердила: «Я резала себе вены, только чтобы не видеть этого подлого племени» — евреев, значит. А сумасшедшие люди неуправляемые, как тот, знаете, который «Данаю» — серной кислотой...

Остановка записи

Существует ветхозаветная легенда о Валаамовой ослице, молчавшей всю жизнь, но после побоев вдруг подавшей голос. Что произошло дальше? Библия умалчивает, но можно предположить, что Валаам ослицу не послушал, голос же она сорвала. Мне все было никак не задать Норинскому вопрос: как часто он требовал жалобную книгу в магазине? Но, видимо, предчувствуя такую возможность, он вдруг заговорил об оценке Пушкиным Чацкого: последнему, как известно, было отказано в уме, хотя Чацкий и высказывал мысли Грибоедова. Почему Чацкий глуп? «Потому что неотъемлемое качество умного человека,— пересказал Пушкина Норинский,— он видит, кто перед ним находится, и не будет перед всяким распинаться... Я всю жизнь молчал, молчал, но думал, думал... Такие люди, как я, кстати сказать, опасны: они после молчания могут что-нибудь натворить. И у меня вот это вылилось вот в такую форму...»

Скажите, ну а в какой форме, кроме как изуродованной, может отлиться перенакопившееся молчание? Маленькие дети громко кричат, но именно этот крик развивает голосовые связки и легкие, дает возможность потом сказать: «Мама». Десятки лет молчавшие люди, видимо, перед началом нормального разговора тоже должны накричаться... Но срывы голоса тогда вероятны.

Очевидно, нужно учиться говорить. Как учиться? Тоже известно: учась демократии. Но в том-то и дело, что наряду с призывом обучению существует запрет на учебу! Устанавливать запретительную систему — это все равно что призывать учиться плавать, спуская воду из бассейна: мол, когда научитесь, тогда и нальем.

Норинский сделал непростительную вещь: прыгнул в бассейн без воды и тем самым лишний раз убедил ленинградское — и, боюсь, не только ленинградское — начальство в том, что воду наливать и не надо. Боже мой, он хоть думал, что творил? Думал о том, кому на руку сыграет, когда его раскроют? Думал ли, что «подставляет» редактора «Знамени» Бакланова, принявшего за чистую монету и опубликовавшего у себя в журнале угрозу Норинского? Думал ли, что помогает «Памяти»?

Кричать хотелось от этих вопросов! Но я боялся до поры сорвать голос...

— Вас раскрыли в рекордно короткий срок: последние письма еще шли адресатам, а вы уже сидели перед следователем прокуратуры, которому из КГБ были переданы ваши фамилия и адрес. Совершенно не представляю — и, видимо, не только я,— как можно найти по почерку человека в пятимиллионном городе, тем более вы жили замкнуто. До встречи с вами именно это обстоятельство дало мне — и, опять-таки, не только мне — возможность полагать вас если не подсадной уткой, то марионеткой...

— Какая подсадная утка... Следователь сказал: дурак, не болтал бы, никто бы на тебя и не вышел, раз нет ни отпечатков пальцев, ничего. Следователь! Но если честно, то когда Румянцевский садик в августе стали закрывать, я впал в такую эйфорию, что стал кричать: вот, это я, значит, писал, это благодаря мне... Хвастаться стал. Хотя на самом деле понимал, что все мои угрозы для них — как укусы комара. А в Михайловском и Румянцевском садиках ходят люди не только в форме... Знаете, есть пословица: «не плотники, да стучать охотники»...

— А митинги «Памяти» все-таки запретили?

— Как сказать... Написали, что в связи с закрытием садика на капитальный ремонт — садик, значит, надо подремонтировать — митингов временно не будет... И милиционер, майор, говорит: мол, расходитесь. Тогда выбегает кто-то из лидеров, кричит: «Товарищи русичи!» «Русичи!» — это они так к своим обращаются. «Товарищи русичи! Это провокация! Сионисты хотят под видом ремонта запретить русскому человеку говорить, хотя Михайловский садик целиком захвачен сионистами! Сионисты на нас написали более 700 жалоб! Это клевета, и у нас есть оружие — ручка! Будем собирать подписи в обкомы, КГБ против наглой клеветы сионистов!» И тут же стали пускать подписные листы, чтобы каждый указал имя, фамилию, отчество, адрес: ну, я, такой-то, протестую...

— Аркадий Михайлович, вы верующий? Если да, то какого вероисповедания? «Ленинградская правда» назвала вас даже «православным сионистом»...

— Да, тот журналист из «Ленинградской правды» очень скверно написал. Он меня спросил, верю ли я в Бога, я ему ответил, что крещеный, в детстве на Украине жил возле женского православного монастыря. Но что значит, имею в сердце Бога или не имею в сердце Бога? Веру надо узнавать по делам жизни, а не по внешним признакам. Вот на одном из митингов «Памяти» в Румянцевском садике был такой эпизод: вышла какая-то женщина и, обращаясь к их лидерам — Риверову и Лысенко, сказала: «Уважаемый Юрий, уважаемый Николай... Я простая русская женщина. Евреи в 1920 году уничтожили смиренных иноков, смиренных монахов в Тверской губернии. От них осталась одна эта маленькая иконка. Я вас благословляю на борьбу этой иконкой, да поможет она вам в ратном подвиге...». И тут Риверов преклоняет колена, она его чуть ли не осеняет, как Пересвета на битву, а вся «Память» изображает последнюю сцену из «Ревизора»... Действительно, последнюю, потому что после этого Румянцевский садик прикрыли, скомандовав всем разойтись... Ну, так я к тому, что разве это христианство? Вся пропаганда «Памяти» — антихристианство, потому что в ней нет ни любви к ближнему, ни сострадания, а ведь христианство зиждется не на знании Псалтыри или того, сколько поклонов тебе отвесить нужно, правда? Как, скажем, и журналистика не зиждется на знании орфографии. Вы Евангелие читали, я читал. Вспомните Нагорную проповедь Христа, вспомните про «любите врагов ваших»... И апостолы Христовы проповедуют, что «несть ни эллина, ни иудея»... Знаете, чтобы покончить с разговором о вере и «Памяти», я расскажу одну баечку. Я много ездил по стране, работал в четырнадцати монастырях, один из которых был буддийским. Это было в Читинской области: я тогда интересовался тибетской математикой и медициной. Я говорил с одним ламой, и он вдруг меня спросил: «Ты кто по национальности?» — «Еврей». «А! Значит, хохол». Оказалось, у него с тех пор, как он воевал, такая ассоциация: на Украине много евреев, и потому-то «еврей значит хохол». Очень просто решен национальный вопрос.

— Как отреагировала «Память» на то, что ваше дело передано в суд? Был ли кто из представителей этой организации на суде?

— «Вечерний Ленинград» дал информацию: разоблачен такой-то, дело передано в городской суд. Но судили-то меня не в городском, а в районном суде, а этого в газете не сообщалось. Я сам несколько раз звонил в горсуд: «Скажите, пожалуйста, когда будут судить Норинского? Я вот прочитал в „Вечерке"...» — «Нам дело не поступало». И так на все звонки: «Нам дело не поступало». Тем не менее на суд очень много пришло народу из «Памяти». Риверова и Лысенко, правда, не было, были двое других их лидеров, не помню имен...

— Как вела себя «Память» на суде и перед?

— Перед судом я на люди не появлялся, но мне никто не звонил, не угрожал, врать не буду. На суде они смеялись, потом, когда мне дали срок, аплодировали: мол, маловато ему дали, и прочее. И нескольким корреспондентам давали интервью. Их спрашивали: «Ну, как вы смотрите? Норинский вам навредил сильно?» Они: «Нет, мы считаем, что удар по нашей организации пришелся, так сказать, рикошетом. Разоблачение и этот суд показывают, что сионисты будут наказаны и справедливость восторжествует»,— и тут они начали ругать «неформалов»... — «И такая участь ждет всех лиц, которые будут против „Памяти"».

— Но, Аркадий Михайлович, если вы не сумасшедший и не глупец, вы обязаны были подумать, что в случае фиаско реакция будет именно такой, что вы преподнесете «Памяти» роскошный, замечательный подарок! Потому что лучший подарок — это тот, который преподносится внезапно и от чистого сердца. Вот почему многие мои коллеги, ничуть не симпатизируя «Памяти», посчитали вас вторым Азефом. Вот тот же Лисочкин из «Ленправды» пишет: «Чем больше я говорил с Норинским, тем больше зрела у меня мысль, что он не „сам по себе", что его „играют". Кто? Не знаю. И дорого бы дал, чтобы узнать». Я, правда, думаю, что писали вы все же «сами по себе», а «сыграли» вас позже, когда делу были даны ход и огласка... Вы ведь не только «Памяти» подарок сделали...

— Меня многие спрашивали, понимаю ли я, что преподнес «Памяти» подарок. Но мне это абсолютно в голову не приходило: преподнес или не преподнес, сыграл на руку или не сыграл. Я своими действиями не собирался мир переделывать. Помню, еще в юности читал: какой-то человек в оккупации подошел на улице к немецкому офицеру и застрелил его. В гестапо ему говорят: «А вам не приходило в голову, что вы погубили не только офицера и себя, но еще и двадцать заложников, которых теперь расстреляют? И при этом ничего не добились?» А он отвечает: «А я не собирался ход войны менять, я просто отплатил за убитую маму». Вот и я говорю: не мое дело менять ход истории. Меня не волнует, что кто-то с «Памятью» борется или кто-то не борется с ней. Но я за всех молчавших, которые считали, что словами ничего не изменишь, или писали: «Дорогая редакция, мы, советские граждане, возмущены»,— дал оплеуху.

— И вы не раскаиваетесь в содеянном? Хотя бы потому, что пощечина пришлась по вашей же щеке?

— Сейчас меня все осуждают. Все. Если бы вы, журналист, знали, что такое телевидение, радио, пресса!.. Я терпел всю жизнь, и мне в жизни надо было хоть раз ответить кому-то, и я... Я, как на амбразуру, бросился, не мог вынести и ждать, как будут поносить мою мать, моих предков. Ну, хоть капельку уколоть, подсказать, что могут быть основания для закрытия «Памяти»... Поймите: для меня ни русской, ни еврейской нации не существовало, я об этом не задумывался и никому не делал зла, потому что не делали зла мне. Теперь у меня все рухнуло, теперь я иду по улице, кажется, все на меня смотрят, а впереди меня еще что ждет, мать мою что ждет?! А?!

...Нужно подводить черту под сказанным Норинским: не в смысле оценки поступка (здесь, думаю, все ясно), а в смысле оценки причин. Мы все еще недооцениваем идею, стоящую за «Памятью», принимая репетицию за балаган, все еще отмахиваемся, когда нужно страшиться. Скверно, что должностные лица благодушествуют, а понимающие ситуацию бездействуют. Когда верхи не «видят», а низы не могут, случаются не революции, а провокации и завтра, наслушавшись бредовых речей «Памяти», может найтись человек, который пошлет по адресам уже не письма — и здесь остановлюсь, чтобы самому не оказаться в роли провокатора. Ведь ненависть порождает ненависть, порождающую сумасшествие, а социальное безумие — крайне заразная болезнь.

Прощаясь, Норинский оставил — «Посмотрите вот» — несколько листовок ленинградской «Памяти». Мог бы и не оставлять: я и так уже хорошо знал подобное — и обращение «К русским студентам» с призывом бойкотировать преподавателей-евреев, и «Кризисное состояние триединой русской нации» с идеей запрещения межнациональных браков, и «Обращение к соотечественникам» с перевранным эпиграфом из Тютчева... Такие вот вещицы из Мюнхена тридцатых. Боже мой, думал я, что же наделал этот Норинский, что теперь любой про такую листовку может сказать: «А уж не написали ли вы ее сами? Не обвинили часом людей в несвойственных им намерениях? С целью „привлечения внимания влиятельных и компетентных лиц"? А, Аркадий Михайлович?»

Впрочем, техника ушла далеко вперед, и эти листовки в большинстве набираются и печатаются на компьютере. А компьютера у Норинского, и это точно, пока нет...

— Я преступил закон,— сказал Норинский.— И я за это наказан. Тем не менее хочу подчеркнуть, что преступления против нашей морали и Конституции должны пресекаться особенно строго. Поэтому я решился на этот разговор и перед лицом всех, кто стремится к справедливости и охраняет ее, свидетельствую, что все записанное здесь, верно.

Дмитрий ГУБИН,
Ленинград

6 ФЕВРАЛЯ 1988 ГОДА на лестничной клетке воинского зала Белорусского вокзала был найден ребенок. По данным обследования, возраст ребенка соответствует 7 дням. Личность родителей и их местонахождение милиции установить не удалось.

15 МАРТА 1988 ГОДА в районной поликлинике был найден ребенок. По данным обследования, возраст ребенка соответствует 7 дням. Личность родителей и их местонахождение милиции установить не удалось.

30 АПРЕЛЯ 1988 ГОДА в квартиру по адресу... пришла женщина с ребенком, которая назвалась хозяевам знакомой их сына. Она поинтересовалась, где его можно разыскать (он в настоящее время находится в заключении). Потом положила ребенка на диван и пошла якобы в туалет. Сама же открыла входную дверь и ушла. Хозяева квартиры подождали ее минут 40 — думали, что женщина вернется за ребенком, потом позвонили в отделение милиции. По данным обследования, возраст ребенка соответствует 6 месяцам. Личность родителей и их местонахождение милиции установить не удалось.

2 ИЮЛЯ 1988 ГОДА в 18 часов на платформе станции метро «Измайловская» гражданке Шерекиной Татьяне Васильевне 1969 года рождения неизвестная женщина передала новорожденного с просьбой подержать две-три минуты, чтобы отойти в туалет. Женщина за ребенком не явилась. По данным обследования, возраст ребенка соответствует 5 дням. Личность родителей и их местонахождение милиции установить не удалось.

НИЧЬ

На вокзалах и в метро оставляют чемоданы, зонтики, сумки, плащи... Вещи забывают случайно, о них потом волнуются, в поисках пропажи обзванивают всевозможные справочные. Детей бросают сознательно. И никто потом уже не разыскивает крошечное существо, никто не интересуется, что будет с ним потом — через год, через двадцать лет.

...Впрочем, нет. Ими интересуется милиция. На найденного ребенка по всем правилам составляется акт. Так, едва родившись, он погружается в лабиринт официальных и не совсем официальных бумаг — актов, объяснительных, показаний свидетелей... Этот шлейф будет тянуться за брошенным ребенком очень долго — почти всю жизнь.

После составления акта и соблюдения всех необходимых формальностей ребенка привозят в небольшой особнячок, отгороженный от шумной улицы высокой чугунной оградой. Пятницкая, 40. Дом ребенка № 6. Единственный в Москве карантин-распределитель для детей до трех лет.

— Мы получаем детей в основном от милиции,— рассказывает главный врач Дома ребенка Галина Петровна Пичкова.— Это так называемые дети от неизвестных родителей, а проще — подкидыши, затем дети, матери которых либо арестованы, либо «бомж» — без определенного места жительства... Есть и другие малыши — они поступают к нам от «скорой помощи»: их привозят к нам на тот период, пока их матери находятся в роддоме, больнице... Потом матери приходят и забирают своих детей.

— Сколько детей сейчас находится в вашем Доме ребенка?

— Немного. Около восьмидесяти.

— Из них тех, кого вы называете подкидышами...

— Семь.

— Я вижу на обложках «дел» имена и фамилии подкидышей. Как вы их узнаете?

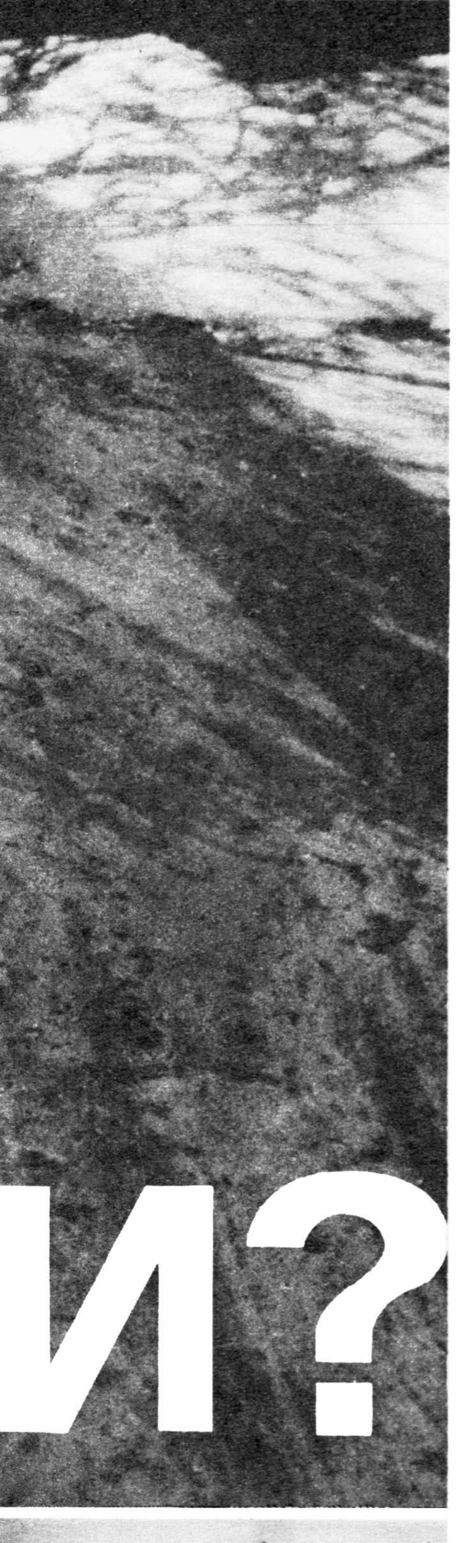
— Мы сами даем им фамилии. Чаще фантазируем, иногда отталкиваемся от реальности — место, где был найден ребенок, месяц, когда его к нам привезли, рисунок на пеленке...

— Число подкидышей как-то зависит от времени года?

— Раньше мы этих детей называли «подснежниками». Они ведь чаще всего «отпускные» дети, поэтому рождаются весной и начинают появляться у нас где-то уже в апреле...

— Как вы думаете, почему все-таки женщины бросают своих детей? Ведь по закону она вправе отказаться от ребенка, оставить его в роддоме...

— Это проще. В роддоме, когда мать отказывается, ее настойчиво уговаривают. Для оформления отказа нужен юрист, время, необходимо все офор-

мить, обследовать ребенка. Для некоторых проще выписаться и бросить ребенка на произвол судьбы.

Действительно, на произвол. Об «отказных» врачи хоть что-то знают: родителей, известно, чем они болели, потребляли алкоголь или наркотики... И соответственно можно предупредить какие-то отклонения от нормы, предугадать возможные патологии. Про подкидыша неизвестно ничего. Его вывозят на прогулку, а он от потока свежего воздуха вдруг начинает корчиться в удушье... Целый месяц малыш жизнерадостен и здоров, вдруг начинаются судороги, нервные экземы... На усыновление подкидышей отдают крайне неохотно.

Общие игрушки, капельницы, сестры-хозяйки, невропатологи, общие столовые, спальни, товарищи по несчастью... Так и живет наш подкидыш.

Первый год жизни ребенка очень важен. Именно в это время закладываются основы психики, здоровья... И даже в самом замечательном Доме ребенка нельзя гарантировать полноценный уход за ним. «Казенный дом» он и есть казенный. Поэтому во многих странах мира, например, в Англии, созданы институты профессиональных приемных матерей, которым платят за содержание ребенка и уход за ним. Можно было бы, например, найти и такой выход. Государство, ежемесячно выделяющее 200 рублей на содержание ребенка в детском доме, и Детский фонд, имеющий к этим детям не последнее отношение, могли бы выделить на зарплату приемным матерям сумму не меньшую, чем та, которую стоит няня из фирмы «Заря» (эта сумма как раз укладывается в рамки отпущенных средств на месячное содержание малыша в Доме ребенка). Деньги те же, а результат намного эффективнее — дети в домашних условиях и развиваются быстрее, и болеют меньше.

Те, у кого родители лишены прав,— настоящие счастливчики по сравнению с подкидышами: законом предусмотрено, чтобы они были прописаны на площади бывших родителей. Какой-никакой, а угол. Свой. Подкидыш же оказывается в вакууме — ни кола ни двора. Ни намека на них. Можно, если крупно повезет, получить место в общежитии того учреждения, где нашлась для него работа. Но это почти невероятная удача. Общежития у нас — только для иногородних. А у него в свидетельстве о рождении (которое, кстати, оформляет через загс все тот же карантин-распределитель) местом рождения указан город Москва.

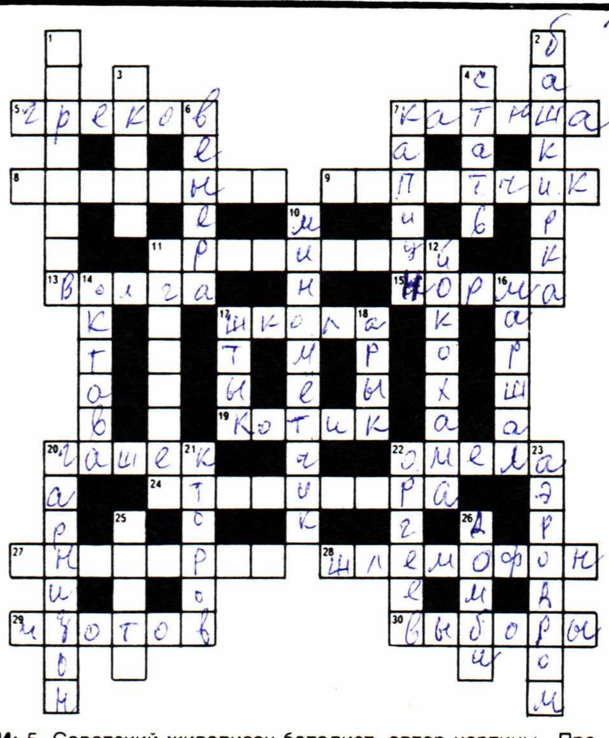
Вопрос о жилье требует безотлагательного решения. Может быть, Детскому фонду совместно с каким-нибудь учреждением найти подрядчика и строить такие дома для таких ребят? Или просить об ежегодном выделении фонду определенного количества квартир?

Да, в стране острая нехватка жилья. Но мы ведь готовы отдать детям самое дорогое? Или все-таки нет? Давайте для начала отдадим хоть и не самое дорогое, но очень нужное для нас самих. Неужели мы щедры только на слова и пустые обещания?

...Они действительно подснежники. Их так легко сломать и погубить, потому что надлом — брошенность — существует в них изначально, от самых первых мгновений жизни. Вокруг них снег равнодушия и жестокости (сколько этих историй мы переслушали за последнее время по телевизору и перечитали в газетах), а они цветут на крошечном островке оттаявшей земли. Давайте попробуем вместе добиться того, чтобы побольше снега растаяло вокруг них.

Е. СКВОРЦОВА
Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Советский живописец-баталист, автор картины «Прорыв польского фронта 1-й Конной армией в 1920 году». 7. Народное название одной из систем реактивной артиллерии. 8. Летчик, Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы. 9. Военнослужащий особого рода войск. 11. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. 13. Крупнейшая в Европе река. 15. Опера В. Беллини. 17. Повесть А. П. Гайдара. 19. Юный партизан, Герой Советского Союза. 20. Писатель-сатирик, автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». 22. Вечнозеленый кустарник, паразитирующий на деревьях. 24. Писатель, автор документального произведения «Люди с чистой совестью». 27. Механическое аналоговое вычислительное устройство. 28. Защитный головной убор для связи в условиях повышенного шума в танках, самолетах. 29. Один из первых новаторов в угольной промышленности. 30. Избрание путем голосования депутатов.

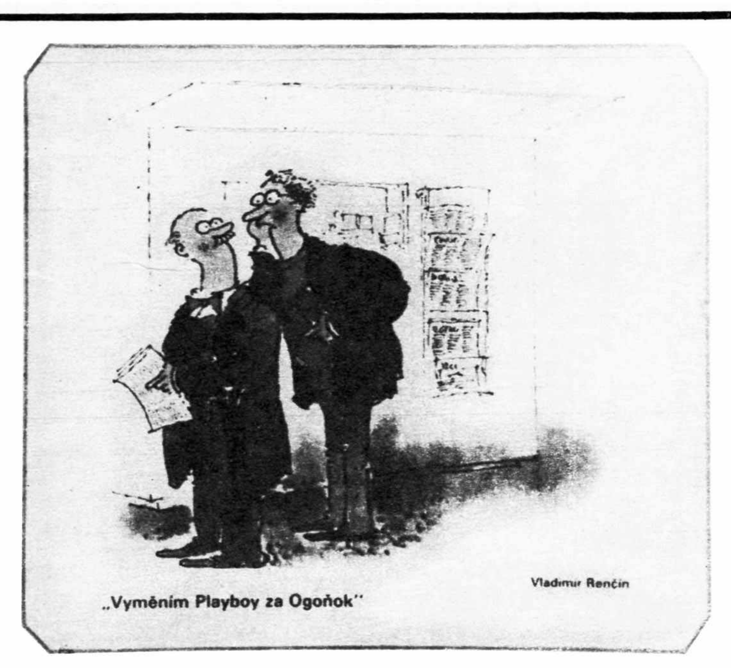
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Герой фильма «Баллада о солдате». 2. Представительница основного населения автономной советской республики. 3. Река на северо-западе Украины. 4. Осанка, выправка. 6. Серия советских межпланетных космических аппаратов. 7. Физик, академик, лауреат Ленинской премии. 10. Боец, вооруженный специальным стрелковым оружием. 11. Бас, народный артист СССР, выступавший в Большом театре. 12. Японский порт на острове Хонсю. 14. Строфа из восьми стихов. 16. Высшее воинское звание. 17. Холодное оружие, примыкаемое к стволу винтовки. 18. Канал оросительной сети в Средней Азии, Закавказье. 20. Воинская часть, расположенная в определенном пункте. 21. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 22. Город в Молдавии. 23. Участок с сооружениями и оборудованием для взлета, посадки и обслуживания самолетов. 25. Незапятнанная репутация, доброе имя. 26. Литературный герой романа Ч. Диккенса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Барсуки». 7. «Хуторок». 8. Балластер. 9. Субботник. 11. Вдохновение. 13. Швартов. 16. Ортикон. 18. Гондола. 19. Боженко. 21. «Танкред». 22. Алешина. 24. Наставление. 27. Келлерман. 28. Коваленок. 29. Диаметр. 30. Дубинин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Карандаш. 2. «Асель». 3. Форте. 4. Молибден. 6. Ихтиолог. 7. Хабанера. 10. Молодечество. 11. Ворожейкин. 12. Единодушие. 14. Ворота. 15. «Восход». 16. Оливка. 17. Онегин. 19. Бессемер. 20. Оленевод. 21. Трапеция. 23. Аналогия. 25. «Пламя». 26. Демин.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

— Меняю «Плейбой» на «Огонек»...

Рисунок Владимира РЕНЧИНА, журнал «Дикобраз» (Прага)

ОГОНЁК

ЗА ФАРФОРОМ... В КИСЛОВОДСК

На Кисловодской сувенирной фабрике я застал обстоятельного и неторопливого английского джентльмена: приехал, чтобы посмотреть, кто и как делает оригинальные фарфоровые изделия. Не праздное любопытство — бизнес, намерен заключить контракт на поставку ваз и кофейных пар, сервизов и обескураживающе элегантных свадебных кубков.

Едва кисловодский фарфор (ему и от роду-то всего двадцать пять лет) вышел на международный рынок, а сделал он это как-то буднично, будто только тем и занимался, что вступал в соревнование с признанными фарфоровыми мануфактурами, тут же обрел поклонников.

На фабрике отменные мастера, есть у них и лидер, главный художник Николай Васильевич Бирюков.

Отработали технологию. За год разрабатывают примерно тридцать новинок. Создали банк перспективных разработок — все солидно; работают с перспективой, с уважением традиций.

Когда на прошедшей в Москве первой Международной выставке товаров широкого потребления «Консумэкспо» директор фабрики П. Лобжанидзе вручил вазу — приз «Огонька» и Кисловодской фабрики чехословацкому внешнеторговому объединению «Мотоков», представитель чехословацкой фирмы Карел Скоупил удовольствия не скрывал: «Впервые вижу столь изумительную работу»...

К. КОСТИН
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

40 коп.
Индекс 70663